ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 (54) 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Федина И. М. Землеустроительная политика поселенческих образований черноморских (кубанских) казаков в конце XVIII–XIX вв. 3

Жукова В. С. Трансформационные явления в праздничной культуре крестьян Европейского Севера России 1911 – первой половины 1930-х гг. (по материалам крестьянских дневников) 14

Жиров Н. А. Орловское крестьянство в условиях социально-экономических изменений конца XIX – начала XX в. 22

Русанова В. С. «Социология революции» П. А. Сорокина в оценках современников 32

Бондарев В. А. Происшествие в Кремле в 1921 г.: заметки о критическом анализе фольклорных источников 40

Ильина О. В. Правовое регулирование трудовой миграции в 1930-е гг. 50

Изюмова Л. В. Оплата труда руководителей колхозов в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России) 57

Мозохин О. Б. Партизанское движение в Карелии (к 75-летию победы в Великой Отечественной войне) 65

Якунин В. Н. Оценка изменений государственно-церковных отношений на местах в годы Великой Отечественной войны 75

РЕЦЕНЗИИ

Митрофанов В. П. Новая монография по истории средневековой Венеции 87

Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю. Дворянская семья в российской провинции в реалиях провинциальной повседневности второй четверти XIX в. 98

UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 2 (54) 2020

CONTENTS

HISTORY

Fedina I. M. Land management policy by settlement entities of the Black Sea (Kuban) Cossacks in the end of the XVIII–XIX centuries 3

Zhukova V. S. The transformation phenomenon in the holiday culture of peasants from the European North of Russia in 1911 – the first half of the 1930s (based on peasant diaries) 14

Zhirov N. A. Oryol peasantry under the conditions of social and economic changes in the end of the XIX – the beginning of the XX centuries..... 22

Rusanova V. S. P. A. Sorokin's "Sociology of revolution" in the reviews by contemporaries..... 32

Bondarev V. A. The Kremlin accident in 1921: notes on critical analysis of folklor sources 40

Il'ina O. V. Legal regulation of labor migration in the 1930s..... 50

Izyumova L. V. Collective farms managers' remuneration in the 1930–1960s (according to the materials of the European North of Russia)..... 57

Mozokhin O. B. Partisan movement in Karelia (devoted to the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War) 65

Yakunin V. N. The estimation of changes in state-church relations at the local level during the Great Patriotic War..... 75

CRITICAL REWIEWS

Mitrofanov V. P. A new monograph on a medieval Venice 87

Karnishina N. G., Karnishin V. Yu. The nobel family in the Russian province reflected in the provincial everyday routine of the second fourth of the XIX century 98

УДК 94(470.6)
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-1

И. М. Федина

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ЧЕРНОМОРСКИХ (КУБАНСКИХ) КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVIII–XIX вв.

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение истории черноморского (кубанского) казачества обеспечивает обобщение исторического опыта как с точки зрения сохранения традиционного земледельческого уклада, так и с позиций привнесения в функционирование современных поселенческих образований новых жизненных начал. Исследование характера землепользования казачества Кубани позволит расширить научный горизонт казачьего образа жизни, сущность которого состояла в охране державных интересов на Юге России, а также неуклонном освоении включаемых в Российское государство территориальных пространств, сохраняя в своей основе два общих элемента земельной идеологии казачества – землю и волю. На протяжении всей истории своего существования черноморское (кубанское) казачество тесно взаимосвязано с историей российского земледелия, землевладения и землепользования, это позволяет осмыслить динамику сельскохозяйственного производства, административно-территориального самоопределения населения, формирование поселенческих структур. Цель работы – проанализировать землеустроительную политику черноморцев при заселении Кубани в конце XVIII – начале XIX в.

Материалы и методы. Представленное исследование основывается на собранных и систематизированных прежде всего архивных материалах, касающихся истории землепользования на Кубани. Чтобы понять историю земельной политики в ее многообразии, мы не только стремились вводить в научный оборот новые материалы из архивных коллекций документов, но и акцентировали внимание на характеристиках поселенческих структур. Большой пласт информации и документальных материалов сохранился в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК). Они позволили проследить историю зарождения, становления и развития земельных вопросов поселенческих структур. Объем архивного контента, представленный в архивных коллекциях ГАКК, весьма разнообразен и отражает широкий круг вопросов, способствующих определению специфики развития землеустройства и детализации представлений о поселениях. В представленном исследовании мы опирались на методологические конструкты и теоретические идеи, обуславливающие понимание исторического развития как сложного, многослойного процесса, находящегося под воздействием комплекса экономических, социальных и культурных факторов.

© Федина И. М., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

С этих позиций методом индукции предполагается выйти на суждения в рамках общероссийской историографии аграрного направления исторической науки. Важным методологическим концептом для осмысления проблем является локальная история, предполагающая изучение, основанное на индивидуализации и детализации исследовательских объектов. Этот концепт представляет собой изучение истории региона в исследовательском поле общероссийской истории, с позиций междисциплинарного подхода.

Результаты. В исследовании рассмотрены такие проблемные исторические сюжеты, как складывание архетипа казачьего мира на основе порядка землеотведения, хозяйственного и административного устройства кубанских поселений. Выявлены особенности в формировании поселений черноморских (кубанских) казаков и обоснованы прогрессивности и эффективности землеустроительной политики, исторической правомерности мироустройства поселенческой модели.

Выводы. Динамика развития землепользования в конце XVIII в. и в течение XIX столетия ярко демонстрирует огромный социально-экономический потенциал. Безусловно, на позитивный или негативный характер этой динамики оказывали существенное влияние внешние и внутренние факторы. В качестве внешних обстоятельств следует выделить, прежде всего, наличие серьезной военной опасности, а также деятельность войсковой администрации, в том числе под давлением высоких военных и гражданских чиновников. Большое влияние на землеустройство оказала государственная политика по целенаправленному переселению на Кубань новых групп переселенцев, по крайней мере в течение первой половины XIX в. Политика в области землепользования позволила вовлечь казаков в процесс введения новых агротехнических технологий и пробуждения деловой инициативы казачьих переселенцев.

Ключевые слова: землепользование, землеустройство, станицы, хутора, черноморское (кубанское) казачество, переселение.

I. M. Fedina

LAND MANAGEMENT POLICY BY SETTLEMENT ENTITIES OF THE BLACK SEA (KUBAN) COSSACKS IN THE END OF THE XVIII–XIX CENTURIES

Abstract.

Background. The study of the history of the Black Sea (Kuban) Cossacks provides a generalization of historical experience, both from the point of view of preservation of the traditional agricultural way of life, and from the point of view of bringing some novel life principles into the functioning of modern settlement formations. Understanding the land use by the Kuban Cossacks should allow one to broaden the scientific horizons of the Cossack way of life, the essence of which was the active protection of state interests in the South of Russia and the consistent development by the growing Russian state of territorial spaces, retaining at its core the two common components of the Cossack land ideology – the land and freedom. Throughout the history of their existence, the Black Sea (Kuban) Cossacks have been closely interconnected with the history of the Russian agriculture, land tenure and land use. The purpose of the work is to analyze the land management policy of the Black Sea Cossack population during the settlement of the Kuban lands in the end of the XVIII–XIX centuries.

Materials and methods. This study is based on the collected and systematized archival material concerning the history of land use in the Kuban region. To under-

stand the history of land policy in its diversity, we tried not only to introduce new materials from the archive collections of documents into scientific circulation, but also focused on the characteristics of the settlement structures. A large layer of information and documentary materials has been preserved in the State Archive of Krasnodar Region (GAKK). They made it possible to trace the history of origin, formation and development of land issues within the settlement structures. The volume of archival content presented in the GAKK's archive collections is very diverse, reflecting a wide range of issues that contribute to the definition of specifics of land management development and detailed ideas about settlements. In the presented research we relied on some methodological constructs and theoretical ideas, which conditioned the understanding of historical development as a complex, multilayered process under the influence of a set of economic, social and cultural factors. From these basis, the induction method is supposed to be used to make judgments within the framework of the all-Russian historiography of the agrarian direction of historical science. An important methodological concept for understanding the problems is the local history, which implies the study based on the individualization and detail of research objects. This concept is a study of the region history in the research field of all-Russian history, while using the standpoint of an interdisciplinary approach.

Results. The study considers such problematic historical subjects as the folding of the archetype of the Cossack world based on the rules of land acquisition, economic and administrative structure of the Kuban settlements. Some peculiarities in the formation of settlements by the Black Sea (Kuban) Cossacks have been revealed and the progressivity and efficiency of land management policy. In addition, the historical legality of the world settlement model has been substantiated.

Conclusions. The dynamics of land use development in the end of the XVIII century and during the XIX century clearly demonstrates the huge socio-economic potential. Undoubtedly, the positive or negative character of this dynamics was significantly influenced by both external and internal factors. As external circumstances, it is necessary to highlight the presence of serious military danger, as well as the activities of the military administration, including the ones under the pressure of senior military and civilian officials. Land management was greatly influenced by the state policy on purposeful resettlement of new settler groups to Kuban, at least during the first half of the XIX century. The land management policy had allowed the Cossacks to be involved in the process of introduction of agrotechnical innovations with encouragement of business initiatives among the resettled Cossacks.

Keywords: land use, land management, stanitsas, farmsteads, Black Sea (Kuban) Cossacks, resettlement.

Освоение территории современной Кубани (Краснодарский край) относится к 1792 г. После подписания Ясского мирного договора (1791) Екатерина II, намереваясь укрепить южный фронтир, повелела переселить на эти земли запорожцев, казаков ранее созданного Черноморского казачьего войска. Территория, занятая казаками, получила название Черномории, или Области Войска Черноморского, которая в 1860 г. вошла в состав Кубанского казачьего войска. Непосредственно с этого момента и принято говорить о целостности исторического пространства Кубани как самодостаточного казачьего края России. Освоение новых земель и защита южных рубежей России стала основной целью переселения на Кубань запорожских казаков.

Казачье войско занимало пространство земель, расположенных между восточным берегом Азовского и Черного морей, войском Донским, Кавказской областью и землями, заселенными черкесами, отделяемых р. Кубанью [1].

С прежней своей родины запорожские казаки позаимствовали для Кубани собственную систему землепользования, отличавшуюся «правом вольной заимки». Фактически в Запорожской Сечи на Днепре сложилась та оригинальная казачья земельная идеология, которая свойственна разным казачьим войскам. Ее суть сводится к принадлежности всех занятых казаками земель прежде всего всему казачьему войску, а уж затем определению казачьих наделов. Таково изначальное правило в казачьем порядке землепользования.

Кроме того, в Запорожской Сечи огромное значение имели сельскохозяйственные работы. «Земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, пчеловодство и пр. питали казака», – писал Ф. А. Щербина [2, с. 445]. Наиболее распространенным способом распределения земли был «захватный порядок», при котором каждый член юрта имел право в любой год занять сколько угодно земли под пашню и сенокос.

Параллельно с заселением края появились разнообразные типы поселенческих образований: курени, заимки, хутора, зимовники и коши. Экономическая система, созданная запорожскими казаками на своей прародине, никоим образом не вступала в противоречие с наличествующими кубанскими природно-климатическими условиями. В целом общие характеристики новой местности, «земли степных рек и бассейнов», совпадали с привычными днепровскими степями. Поэтому не удивительно, что землеустроительная традиция, существовавшая в Запорожье, прижилась в новых условиях.

Более того, природно-климатические параметры кубанской земли способствовали дальнейшему развитию казачьей традиции землепользования. Природа влияла не только на формы хозяйственного освоения земель, но и на социокультурные обычаи переселенцев. Громадное пространство земли, пожалованное российской императрицей Екатериной II казакам Черноморского казачьего войска общей площадью в 2 855 996 десятин земли, дало возможность содержать скот почти круглый год на подножном корму [3]. Все полноправные казаки-черноморцы имели право пользоваться жалованной землей без каких-либо ограничений. При этом государство считалось легитимным владельцем земельных угодий [4, с. 193, 194].

Малолюдность заселяемых казаками земель, постоянная занятость преобладающей части казачьего населения военной службой и, наконец, минимальные затраты труда на единицу площади занимаемых угодий по сравнению с земледелием – все это создавало благоприятные условия для развития скотоводства в только что присоединенном к России крае. Обилие пустующих земель никак не совпадало с количеством прибывшего населения, и это отложило свой отпечаток на особенности причерноморского землевладения. На первых порах преобладало скотоводческое направление. Первоначальное господствующее положение скотоводства оказало глубокое культурно-историческое воздействие на черноморских казаков. Оно повлекло за собой формирование особой системы расселения, отвечающей запросам скотоводческого быта. Скотоводческое хозяйство имело неразрывную связь с хутором и его историческим первообразом – зимовником или кошем. Первоначально хутора возникали не на занятых землях войска, предназначаясь для развития скотоводства, а впоследствии – земледелия.

Это условное вольное землепользование, предоставляемое и отчасти гарантированное государством (которое первоначально путем отвода обеспе-

чило переселенцев землями в целом), для черноморских казаков приобретало особую форму владения земельным участком. Подчеркнем, владения, во-первых, срочного (полученного по разрешению и принятого сразу к использованию данного диспозитивного права), во-вторых, пожизненного (казак рассчитывал на владение свободно приобретенным земельным участком на всю свою жизнь), в-третьих, потомственного (черноморцы стремились любыми путями закрепить за собой полученную землю и передать владение ею своему потомству). Фактически устанавливалось частно-корпоративное право собственности на землю (старозаимочные земельные участки), производное от общей государственной собственности, но статусно понимаемое казаками гораздо выше.

Войсковое правительство даже в октябре 1793 г. не знало ни точного количества переселенцев, ни числа мест их проживания. Поэтому приняли решение провести перепись казачьего населения по куреням, поручив это важное дело полковому есаулу Миргородскому [5, с. 692].

К моменту окончания весной 1794 г. переноса Черноморского войска на Кубань его предводители – кошевой атаман З. Чепега, войсковой судья А. Головатый и войсковой писарь Т. Котляревский – выпустили особый акт, регулировавший имущественно-правовой статус зажиточных казаков на отведенной правительством земле.

Таким нормативно-правовым актом стал «Порядок общей пользы» – указ Войскового правительства Черноморского войска от 1 января 1794 г. о внедрении системы войскового управления. Данный наказ учреждал формы земледелия и экономическую независимость крупных хозяйств, а также закреплял большие возможности его последующего развития в Прикубанье. Вся выделенная земля переходила в собственность войска. Актом земельного отвода, выданным войсковой канцелярией, такое землевладение считалось тогда вечно-потомственным владением. Тем самым законодательно санкционировались уже реально сложившиеся поземельные отношения на новых территориях и предоставлялась правовая основа для потенциального воплощения индивидуалистических стремлений состоятельных казаков. В соответствии с этим документом земельные угодья казачьих старшин и верхнего слоя зажиточных казаков объявлялись неприкосновенными от любых посторонних притязаний.

Параграф 19 «Порядка общей пользы» разрешал «старшинам и казакам во всю недавно кончившуюся с Портою Оттоманскою войну за веру, Отечество и ее землю действительно лично служившим, кровь проливавшим и тем вольность приобревшим, за их труды и подвиги, в городах и селениях, по желанию их, иметь собственные свои дворы, а в степи хутора и мельницы; при тех дворах, хуторах и мельницах заводить леса, сады, винограды, хлебопашество, скотоводство, а на приморских косах и других удобных местах рыболовные заводы» [6, л. 2].

Умножение прав земельной собственности у казаков стало подтверждением их заслуг в экспансии государственной политики. Именно беспрепятственное использование аграрных площадей и появление хуторов на общевойсковой земле помогло законодательному оформлению статус-кво.

У войска появилось эксклюзивное право на выдачу «открытых листов» на пожизненное пользование землей [7]. Фактическое владение землей было

военно-войсковым, все споры собственников регулировались по законам военного времени.

Такой порядок пользования неизбежно подталкивал к формированию частной собственности на войсковых землях. Старшинам предоставлялись значительные привилегии, разрешалось поселять при хуторах родственников и вольнонаемных. Почти 50 лет действовало право вольной заимки для увеличения площади землевладения, так как до 1842 г. захват новых земель оставался наиболее часто использовавшимся методом расширения земельных наделов. В нем процветали те, кто мог отчуждать инструментарий власти в свою пользу.

Именно войсковые старшины становились первыми и самыми крупными землевладельцами. Прочие казаки из числа финансово благополучных запорожцев располагались в куренных селениях в границах пяти округов Черномории.

Кроме того, хозяйственное развитие тормозилось уравнительным порядком использования земельных угодий. Старозаимочные земельные участки были сконцентрированы в руках немногих, в то же время при межевании войсковой земли на участки владельцы значительного поголовья скота уже не помещались на выделенных в собственность наделах. Им приходилось выплачивать арендные платежи в пользу войска за большие площади пастбищ и сенокосов, что фактически являлось формой государственной аренды.

Поскольку частное землевладение на войсковых землях получило широкое распространение, а войсковое население пыталось всеми способами избежать налогов, то Черноморское войско теряло немалые суммы в недополученных налоговых платежах. Войсковые власти стремились найти компромисс между частновладельческими интересами влиятельных хуторян и задачами развития станичных обществ. По высочайшему войсковому Положению земельные участки выделялись офицерам пожизненно, причем часть земель непременно отводилась в общем станичном юрте. Расчет делался на изменение приоритетов офицеров в отношении постоянного места проживания в пользу станиц. Предполагалось, что офицеры, имея земли в общем станичном юрте и особо не теряя экономической выгоды от владения степными своими участками, решат вопрос об оседлости с учетом административного и общественного положения станиц и, в конечном счете, благоразумно повлияют на жизнедеятельность станичного общества. Войсковые власти рассчитывали на создание ядра станичного общества именно из офицеров, которые сблизятся с рядовыми казаками на почве решения общественных дел, «облагородят» станичное общество своим постоянным присутствием. От офицеров должны были исходить дельные советы на общих станичных сходах, новые идеи для развития местного казачьего сообщества, предложения об улучшении общественного быта. Полагали, что проживание в станице даст возможность обеспечить достойное воспитание офицерским детям, которые в этом случае перестанут прозябать в глухой степи и постоянно созерцать лишь уныло бредущие огромные стада скота.

Спустя некоторое время усугубившийся характер земельных отношений заставил министра внутренних дел князя А. Б. Куракина поднять вопрос о состоянии земельного вопроса у черноморских казаков и потребности размежевания войсковых земель. Однако размежевание земель в Черноморском

казачьем войске все же отложили, отчасти потому, что Куракин пробыл в должности всего три года (1807–1810). Тем не менее сложилась очевидная тенденция, когда выход казаков в хутора в большой мере ослаблял курени и станицы, поскольку тем было все труднее выполнять свои обязательства перед войском. Все новые хутора возникали не только непосредственно на куренной (станичной) территории, но и далеко за ее пределами.

При наделении поземельного надела станичным юртам казаков немаловажное значение имело выгодное расположение и плодородие земель. Так, к первому разряду относили земли между устьями р. Кубани и р. Протоки, а также полосу земли вверх по правому берегу р. Кубани от ст. Полтавской до поста Редутского. Ко второму разряду причисляли прибрежное пространство от устья р. Протоки до устья р. Ея. К третьему разряду – земли от истоков р. Бейсужка и Челбасс. К четвертому – земли между р. Челбасса и Ея [8].

С началом XIX в. еще не прекратились откровенные земельные захваты и бесконтрольные завладения земельными участками, которые начались при заселении Черномории и сопровождались наделением немногих лиц наилучшими землями и угодьями в исключительное пользование.

Все разрешения на водные и земельные отводы выдавались войсковой канцелярией, которая также защищала обладателей подобных объектов от покушений третьих сторон. Уже сам по себе наличествующий акт отвода земельного участка под хутор или плотину служил правовой гарантией неприкосновенности владения. Если возникали на этой почве какие-либо земельные споры, то они судом и администрацией разрешались на основании актов земельного отвода, по определению не подлежавших оспариванию.

Однако казачье население с большим недоверием воспринимало процесс обращения войсковых земель в вечно-потомственные владения и недружелюбно относилось к собственникам хуторов и мельниц. Каждый очередной земельный отвод под хутор или мельницу неизбежно ставил в невыгодное положение курень, ибо тем самым сокращалась общая земельная площадь казачьей общины, и это прекрасно понимали рядовые казаки. Явная несправедливость складывавшихся поземельных отношений в Черноморском казачьем войске неминуемо подпитывала конфликтогенность во взаимоотношениях куреней и хуторов. Аграрная вражда усиливалась по мере того, как увеличивалось население и расширялась хозяйственная деятельность поселенцев.

С утверждением 1 июля 1842 г. «Положения о Черноморском казачьем войске» вводились строго определенные нормы землепользования начиная от рядового и заканчивая генералом. Земельный участок жаловался за службу, хотя земля и так была передана во владение казакам прежними жалованными грамотами. Надел производился по числу лиц мужского пола, составляющих народонаселение станицы.

Большое внимание поземельным отношениям уделял генерал-майор Г. А. Рашпиль (1801–1871). Прибыв в Черноморию весной 1841 г., он получает пост начальника штаба Черноморского казачьего войска 3 ноября 1842 г. и назначается председателем временного комитета, созданного для разработки проекта «Положения о межевой комиссии» [9]. Изучив подробно сложившуюся ситуацию, Г. А. Рашпиль отметил, что от «неопределенности прав землевладения и по милости широкого самоуправления произошло крайнее

нарушение равновесия в пользовании войсковою (общинною) землею между хуторами и станицами. Притесненные станичники беднели, плохо снаряжались на службу, пускались в конокрадство и, что всего несообразнее, относились к своим чиновным хуторянам с такими чувствами, каким не следует быть между начальствующими и подчиненными» [10, с. 316, 317].

В Положении о межевой комиссии Черноморского казачьего войска закреплялось землеотведение станицам по числу всего наличествующего народонаселения, т.е. чиновников, священно-церковнослужителей, казаков, детей, вдов и сирот. Размеры земельных участков определялись в зависимости от занимаемой должности: генералу полагалось 1500 десятин, штаб-офицеру причиталось 400 десятин, обер-офицеру выделялось 200 десятин, казаку отводилось 30 десятин.

Важность произошедшего события объясняется тем, что земля являлась главным источником средств и материального благополучия казака. Теперь требовалось увязать изначальные права черноморцев на землю с новым порядком: «Вся земля считалась собственностью войска, а потому каждый казак имел право не только на пользование землей, но и на владение ею. На этой почве возникало много неурядиц, а потому для устранения их положением от 1842 г. было установлено определить казаку 30 десятин на душу, обер-офицеру – 200 десятин, штаб-офицеру – 400 и генералу – 1500» [11, с. 39]. Первоначально офицерские участки давались лишь в пожизненное пользование, а с 1870 г. пожизненное пользование заменяется потомственным, но со временем земельные участки стали постепенно переходить, в том числе путем их продажи, в руки представителей неказачьих сословий.

В Черноморском казачьем войске долгое время все курени, находящиеся ближе к реке Кубани, располагали достаточным пахотным клином, и на каждого казака приходилось до 30 десятин. Однако с ростом народонаселения в войске казачьи наделы неизбежно стали уменьшаться. Для решения проблемы малоземельным станицам в малозаселенной части войска начали выделять дополнительные наделы, но приписывали такие наделы к юртам ближайших станиц.

Быстрый экономический рост региона обеспечил стремительные изменения в сфере землепользования во второй половине XIX в., Кубанская область превращается в крупнейшего регионального экспортера зерна и другой сельскохозяйственной продукции из Российской империи. Экономический рост обуславливался притоком на Кубань иногороднего населения и активным формированием арендных отношений. Общая площадь Кубанской области составляла 8,12 млн десятин (или 94 360 км^2; 82 909 кв. верст), а к началу XX в. в ней проживало 1 922 773 человека [12, с. 169–171].

Увеличение народонаселения активизировало спрос на землю, и если где-то еще оставались целинные степи, то они довольно быстро распахивались прибывавшими переселенцами. При этом структура земельного фонда Кубанской области была представлена двумя крупными категориями землевладельцев: около 70 % земельного фонда принадлежало казачеству и еще 12 % находилось в распоряжении частных владельцев. Однако казачеству запрещалось продавать свои земельные участки (наделы). Указ от 18 сентября 1865 г., в частности, гласил: «О не продаже казаками земель своих, с которых они службу отправляют, казакам земель своих продавать запрещено» [13],

ибо по определению «все юртовые станичные земли являются собственностью войска, станичные же общества только владеют и пользуются ими» [14, с. 114]. Такое положение вещей в землевладении Кубанского казачьего войска способствовало развертыванию нового наступления на хутора рядовых казаков, в том числе со стороны иногородних.

С 1869 г. в Кубанской области вводится юридически закрепленная норма, согласно которой душевой земельный надел казака, достигшего возраста 17 лет, должен исчисляться в пределах 16–30 десятин земли. С учетом этой нормы производилось наделение станичных семейств земельными участками, и в результате зачастую казаки получали дополнительные наделы, вне пределов станичных земель. Поэтому, когда в 70-х – 80-х гг. XIX столетия начались неизбежные переселения казаков на дополнительные наделы, многие станицы целенаправленно выдавали своим переселенцам денежное пособие, рабочий скот, телеги и другой скарб, чтобы они имели возможность устроиться на новом месте.

В начале 70-х гг. XIX в. началось генеральное размежевание кубанских земель и многим старожилам пришлось менять свои обустроенные участки на другие земельные площади. Увы, в условиях административно-территориального упорядочивания Кубанской области это оказалось практически неизбежным делом. 30 декабря 1869 г. российский император Александр II подписал Указ «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» [15]. Указ четко фиксировал административное и территориальное обустройство Кубанской области. В Кубанскую область вошли земли Кубанского казачьего войска (кроме отошедших к самостоятельно существовавшему с 1866 г. Черноморскому округу и Ставропольской губернии) и различные поселения, включая горские округа.

Офицерам Кубанского казачьего войска, особенно имевшим земельные участки недалеко от станиц, стали теперь выделять равноценные по площади наделы, но нередко в других уездах Кубанской области. Землеустройство в Кубанской области происходило довольно долго и нередко осложнялось затяжными земельными спорами, ведь неизбежно сталкивались социальные, экономические и иные интересы сторон.

В целом же упорядочивание землевладения в Кубанской области не только входило в законное русло, но и становилось неотъемлемой частью социально-управленческого процесса. Основной тенденцией развернувшегося упорядочивания землевладения на Кубани являлось стремление войсковых властей выработать некие общие и приемлемые нормативы, чтобы существенно скорректировать развитие поселений.

Утвердившаяся с 1882 г. передельная система распределения земель в Кубанской области предопределила порядок землевладения и землепользования, что позволило урегулировать поземельные отношения в регионе.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 9.
2. **Щербина, Ф. А.** История Кубанского казачьего войска : в 2 т. / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар : Печатник, 1913. – Т. I. – 770 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). ФР-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 49.

4. **Тмутараканский, Л.** Об экономическом социальном значении поземельного владения Кубанского казачества / Л. Тмутараканский // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета : в 21 т. / под ред. Л. Т. Соколова. – Екатеринодар, 1911. – Т. 16. – С. 193, 194.
5. **Дмитренко, И. И.** Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска : в 4 т. / И. И. Дмитренко. – Санкт-Петербург : Типография штаба отд. корпуса жандармов, 1896. – Т. 3. – С. 692.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830. Л. 2.
7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1229. Л. 150.
8. РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 8. Л. 2, 2 об.
9. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1177. Л. 5.
10. **Фелицын, Е. Д.** Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморскаго, Кавказскаго линейнаго и ныне Кубанскаго казачьяго войск. 1788–1888 / Е. Д. Фелицын // Кубанское казачье войско. 1696–1888 г. – Воронеж, 1888. – С. 316, 317.
11. Памятная книжка кубанского казака / сост. П. Орлов. – Екатеринодар, 1914. – С. 39.
12. **Петров, В. И.** Хозяйственно-экономическое развитие Кубани и переселенческий процесс в регионе во второй половине XIX в. / В. И. Петров, А. В. Жинкин // Вестник Академии знаний. – 2013. – № 1 (4). – С. 169–171.
13. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, с законодательными мотивами и разъяснениями. Высочайше утвержденное 3 июля 1891 г. – Санкт-Петербург, 1891. – Ст. 3–4.
14. О состоянии области и войска за 1909 год. Извлечение из отчета Начальника области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска / под ред. Д. М. Мартыненко // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета : в 21 т. / под ред. Л. Т. Соколова. – Екатеринодар, 1911. – Т. 16. – С. 114.
15. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани 1793–1985 гг. : сб. Государственного архива Краснодарского края. – Краснодар, 1986. – С. 27.

References

1. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 1268. Op. 10. D. 8. L. 9. [In Russian]
2. Shcherbina F. A. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska: v 2 t.* [History of the Kuban Cossack Army: in 2 volumes]. Ekaterinodar: Pechatnik, 1913, vol. I, 770 p. [In Russian]
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of the Krasnodar region]. FR-13. Op. 1. D. 138. L. 49. [In Russian]
4. Tmutarakanskiy L. *Kubanskiy sbornik. Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta: v 21 t.* [Kuban collection. Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee: in 21 volumes]. Ekaterinodar, 1911, vol. 16, pp. 193, 194. [In Russian]
5. Dmitrenko I. I. *Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'ego voyska: v 4 t.* [Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack army: in 4 volumes]. Saint-Petersburg: Tipografiya shtaba otd. korpusa zhandarmov, 1896, vol. 3, p. 692. [In Russian]
6. *GAKK*. F. 249. Op. 1. D. 2830. L. 2.
7. *GAKK*. F. 250. Op. 2. D. 1229. L. 150.
8. *RGIA*. F. 1268. Op. 10. D. 8. L. 2, 2 ob.
9. *GAKK*. F. 254. Op. 1. D. 1177. L. 5.
10. Felitsyn E. D. *Kubanskoe kazach'e voysko. 1696–1888 g.* [Kuban Cossack army: 1696–1888]. Voronezh, 1888, pp. 316, 317. [In Russian]
11. *Pamyatnaya knizhka kubanskogo kazaka* [The memorial book of the Kuban Cossack]. Comp. by P. Orlov. Ekaterinodar, 1914, p. 39. [In Russian]

12. Petrov V. I., Zhinkin A. V. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. 2013, no. 1 (4), pp. 169–171. [In Russian]
13. *Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voysk, s zakonodatel'nymi motivami i raz"yasneniyami. Vysochayshe utverzhdennoe 3 iyulya 1891 g.* [The regulation on the public administration of the villages of the Cossack troops, with legislative motives and clarifications. Highly approved on July 3, 1891]. Saint-Petersburg, 1891, art. 3–4. [In Russian]
14. *Kubanskiy sbornik. Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta: v 21 t.* [Kuban collection. Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee: in 21 volumes]. Ed. by L. T. Sokolov. Ekaterinodar, 1911, vol. 16, p. 114. [In Russian]
15. *Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani 1793–1985 gg.: sb. Gosudarstvennogo arkhiva Krasnodarskogo kraya* [The main administrative and territorial transformations in the Kuban 1793–1985: collection of the State Archive of Krasnodar region]. Krasnodar, 1986, p. 27. [In Russian]

Федина Ирина Михайловна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Кубанский государственный университет (Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149)

Fedina Irina Mikhaylovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of Russian history, Kuban State University (149 Stavropolskaya street, Krasnodar, Russia)

E-mail: ir_Lap@mail.ru

Образец цитирования:

Федина, И. М. Землеустроительная политика поселенческих образований черноморских (кубанских) казаков в конце XVIII–XIX вв. / И. М. Федина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 3–13. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-1.

УДК 94 (47).084
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-2

В. С. Жукова

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ 1911 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕСТЬЯНСКИХ ДНЕВНИКОВ)[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Первая треть XX в. в истории нашей страны характеризуется глобальными изменениями во всех сферах жизни общества. Связаны они были со сменой государственного строя. Цель статьи – проследить, как данные изменения повлияли на формирование официального праздничного календаря, и соотнести его с праздниками, которые отмечали крестьяне Европейского Севера России, по данным дневников.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения опубликованных дневников крестьян Европейского Севера России. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективизма. Для достижения поставленной цели были использованы историко-сравнительный, историко-генетический метод, диахронный метод, который позволил подвергнуть рассмотрению исследуемые явления в разные временные точки и выявить происходящие изменения.

Результаты. Проанализированы календари за 1911, 1921, 1925, 1931 г. Выявлены изменения, произошедшие в официальном праздничном календаре. Прослежены постепенные трансформационные процессы в праздничной культуре, происходящие в крестьянской среде в указанные годы.

Выводы. На основе дневниковых записей крестьян Европейского Севера России отражены незначительные изменения праздничной культуры сельских жителей, происходящие после установления советской власти до середины 1930-х гг.

Ключевые слова: крестьянство, дневник, календарь, Декрет, религиозные и советские праздники.

V. S. Zhukova

THE TRANSFORMATION PHENOMENON IN THE HOLIDAY CULTURE OF PEASANTS FROM THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1911 – THE FIRST HALF OF THE 1930s (BASED ON PEASANT DIARIES)

Abstract.

Background. The first third of the XX century in the history of our country is characterized by global changes in all spheres of society. They were associated with

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

© Жукова В. С., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

a change in the political system. The purpose of the article is to track how these changes have influenced the formation of the official holiday calendar, and to correlate it with the holidays that the peasants of the European North of Russia celebrated according to the diaries.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved based on a study of published diaries of peasants of the European North of Russia. The methodological basis of the research is the principles of historicism and objectivity. To achieve this goal, we used the historical-comparative, historical-genetic and diachronous methods, which made possible to examine the studied phenomena at different time points and to identify the occurring changes.

Results. The calendars for 1911, 1921, 1925, 1931 are analyzed. The changes that have occurred in the official holiday calendar are revealed. The gradual transformational processes in the festive culture that take place among the peasant in these years are traced.

Conclusions. Based on the diary entries of the peasants of the European North of Russia, changes in the festive culture occurring after the establishment of Soviet power were traced.

Keywords: peasantry, diary, calendar, Decree, religious and Soviet holidays.

В настоящее время в исторической науке заметный интерес представляют темы, связанные с сельской повседневностью [1, с. 177]. Это очень емкое понятие, и поэтому есть много вариантов для его рассмотрения. Можно рассматривать повседневность семьи, трудовую повседневность [2, с. 124]. Особый отпечаток на повседневную жизнь накладывают чрезвычайные обстоятельства, связанные в первую очередь с войнами: Первой мировой [3, с. 41] и Великой Отечественной [4, с. 184]. Если исследователь берет для описания большой временной отрезок, то можно проследить происходящие трансформации и проанализировать историческую ситуацию, которая способствовала им [5, с. 379]. «Повседневность» – довольно широкое понятие, и его можно рассматривать на основании понятийных противоречий. Так, обычно будни противопоставляют праздникам. Праздничная культура имеет многовековые традиции. Она была связана с религиозным сознанием. Крестьянской праздничной обрядовости характерен синкретизм древних языческих традиций и православия.

После установления советской власти начинает кардинальным образом меняться жизнь людей. Это затрагивало все сферы жизни общества и социальные слои. В «Газете рабочего и крестьянского правительства» от 26 января 1918 г. был публикован Декрет о введении западноевропейского календаря. Этот нормативный правовой акт говорит о переходе Советской России на григорианский календарь [6, с. 300]. В обиход входит понятие «старый и новый стиль». Изменения коснулись и сложившейся праздничной культуры. Для того чтобы проследить трансформации, затронувшие данную сферу общества, сравним календари за разные годы.

В календарях Российской империи мы видим довольно много отмеченных красным цветом дат. В первую очередь бросается в глаза, что первым днем недели является воскресенье. Исходя из христианской традиции Господь воскрес в первый день недели, и значит, для христиан каждое воскресенье – это день, когда вспоминают об этом событии. Кроме воскресенья встречаются и другие даты – это дни, связанные с церковными праздниками, их

довольно много внизу, под календарем, как правило, давался довольно объемный перечень таких праздников. Среди них мы видим двунадесятые (непереходящие и переходящие), их было 12, великие – 6. Кроме этого: Духов день, дни святителя Николая, День апостола Иоанна Богослова, День Казанской Иконы Божьей Матери, День святого благоверного князя Александра Невского. Особое место занимала Масляная неделя, это был не христианский, а языческий праздник, но народ его активно отмечал, и последние дни этой недели, как правило, были нерабочими.

В Российской империи были и гражданские праздники, они связаны с императорской семьей (тезоименитство императора, императрицы и вдовствующей императрицы, наследника, дни их рождения, восшествие на престол, коронация). Так, в календаре за 1911 г. мы насчитываем 42 неприсутственных дня. Только три праздничных дня совпали с воскресными (10 апреля – первый день Пасхальной недели, 29 мая – День Святой Троицы и 25 декабря – первый день рождественских праздников), в остальных случаях воскресенье является самостоятельным выходным днем.

Если мы посмотрим календарь за 1921 г., количественный состав нерабочих дней изменился, кроме того, появились праздники, которых не было десятилетие назад: Новый год, День 9 января 1905 г., низвержение самодержавия, День Парижской коммуны, День интернационала, День пролетарской революции. Из церковных праздников были оставлены следующие: Рождество, Крещение, Благовещение, Пасха, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение.

В календаре за 1925 г. прибавляется День смерти вождя пролетариата В. И. Ленина, День конституции СССР. К праздничным дням религиозной направленности прибавляется Страстная суббота и Троицын день, остальные, перечисленные ранее, сохраняются. Кроме этого, в отличие от календаря 1921 г., где Рождество предписывалось праздновать 7, 8 января, в 1925 г. возвратились к дореволюционной традиции празднования 25 декабря, с той лишь разницей, что до революции на этот праздник приходилось три нерабочих дня, а в 1925 г. – два.

В календаре за 1931 г. уже нет ни одного упоминания о религиозных праздниках, и список будет следующим: День 9 января, День смерти В. И. Ленина, День Красной армии, Международный женский коммунистический день, День низвержения самодержавия, День Парижской коммуны и МОПРа (Международной организации помощи борцам революции), День памяти Ленского расстрела, День рождения В. И. Ленина. Таким образом, если рассматривать календарь, то мы видим, что за рассматриваемые 20 лет официальные установки на проведение праздников сильно изменились. Первые изменения относятся к периоду 1917 г., но особенно существенные изменения, которые полностью изменяли традиционные для граждан нашей страны праздничные дни, произошли в начале 1930-х гг.

По крестьянским дневникам попытаемся проследить, каково было отношение к введению новой праздничной культуры в сельской местности и как быстро в крестьянском сообществе находили отражение новые веяния.

В дневниках крестьян Европейского Севера России нашли отражение Рождество, Крещение, Масляная неделя, Пасха, Троица и другие праздники [7, с. 357]. Дневниковые записи тотемского крестьянина А. А. Замараева от-

носятся к 1906–1922 гг. В весь описываемый период упоминание о вышеперечисленных праздниках мы встречаем на страницах его дневника. Регулярно из года в год отмечали церковные праздники, как общерусские, так и местные. Например, в январе 1914 г. А. А. Замараев пишет: «Крещение. Ходил в город. Был на Иордане при освещении воды», «Память праведного Максима. Народу у обедни было много», «Память преподобного Феодосия… Ходил в монастырь к обедне. Народу было очень порядочно» [8, с. 316–318]. В дневнике А. А. Замараев ежегодно упоминал такие местные церковные праздники, как память Феодосия, Максима-праведника, Святого Пантелеймона, из обетных пятниц выделял одну Девятую.

В дневнике И. Г. Глотова, пежемского крестьянина, есть упоминание о праздновании именин, о днях ангела. В записи от 20.01.1928 читаем: «Воскресенье. День моего ангела. Пошел 57-й год от рождения... Тая готовила кушанье. Были священник и дьякон со святой водой, сослужили молебен о здравии, потом обедали и пили чай…» [9, с. 222, 225]. Упоминаются у него такие праздники, как Вознесение и Преображение Господне, Троицкая суббота, Духов день, Казанская Божия Матерь, Ильин, Фролов и Георгиев дни, Покров и Благовещение Пресвятой Богородицы, Рождество, Крещение Господне, Вербное воскресенье, Пасха [3, с. 68–89; 10]. В некоторых случаях выделялись воскресные дни как праздники [10, с. 70–108]. Запись от 19.08.1928 содержит следующее: воскресенье «…Купил бутылку водки. Были гости: шурин, свояк с женами и теща и Александра Тихоновна с сыном, зятем и женой. Праздник провели хорошо». Довольно часто у крестьян фиксировалось наличие на праздниках спиртных напитков, но при этом чрезмерное употребление их скорее осуждалось, чем приветствовалось.

Более поздним по времени ведения дневника будет текст П. Т. Ананьина, жителя деревни Красная Сельга (Заонежье). Дневниковые записи датированы 1932–1936 гг. Крестьянин весь дневник ведет по двум стилям, «старому и новому». А. А. Замараев ведет записи только по старому стилю. И. Г. Глотов переходит на двойной стиль написания с июня 1923 г.

П. Т. Ананьин, ведя дневник, отмечает воскресные дни праздничными. По его записям мы видим, что традиция воскресных дней в какой-то мере поддерживается советской властью, так как часто в эти дни проводят различные собрания [11, с. 156]. Несмотря на то что в официальном календаре нет в этот период праздников религиозной направленности, тем не менее в дневнике они довольно активно упоминаются. Так, в записи от 14 октября 1932 г. читаем: «Праздник Покров Пресвятой Богородицы… Я и хозяйка праздновали» [12, с. 18]. Приведем перечень праздников, которые упоминаются в дневнике заонежского крестьянина за период с октября 1932 г. по сентябрь 1933 г.: Рождество Христово, Новый год, Крещение, Праздник трех святителей, Сретенье, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вербное воскресенье, Дни почитаемых святых (например, святого Александра Невского, святого Дмитрия Солунского, святых Космы и Дамиана и многих других), Казанской иконы Божьей Матери Духов, Вознесение, Троица, Преображение Господня, Успения пресвятой Богородицы, усекновения главы Иоанна Предтечи, Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение креста Господня, Покров Пресвятой Богородицы, Введение [12, с. 18–45]. Перечисленные праздники, как правило, повторялись из года в год. Как мы видим, несмотря на то что боль-

шевики не поощряли религиозные праздники и официальный календарь уже полностью исключал их, тем не менее крестьяне Европейского Севера России продолжали их активно отмечать. Списочный состав их намного более объемен даже по сравнению с календарем 1911 г. Большее количество праздников в крестьянской среде объясняется тем, что сохранилась традиция почитания не только общерусских святых, но и местночтимых.

В дневниках крестьян нашли отражение изменения, которые происходили в праздничных традициях в связи с установлением советской власти. Так, 25 октября 1919 г. А. А. Замараев пишет, что «у большевиков праздник и в честь его в училищах идут спектакли и угощение» [8, с. 475]. Запись от 31 декабря 1918 г. содержит следующие сведения: «Сегодня ночью уж молебна не будет»; 1 января 1920 г.: «Крестьяне все празднуют, в городах нет. Новый год. Кто старой, кто новой, такая путаница» [8, с. 460, 479].

В дневнике И. Г. Глотова содержатся сведения за более поздний отрезок времени. Так, в июле 1929 г. есть следующая запись: «Десятник оповестил деревню: собрание – праздновать или нет? Решили праздновать. Привезли попа, служили молебен. Поп только освятил воду, а скот не прыскал, унесли воду и каждый сам опрыснули скот» [9, с. 228]. После вступления 11 июня 1931 г. в артель «Красная Звезда» И. Г. Глотов отмечает в своем дневнике многочисленные собрания, в которых участвовал он сам и члены его семьи: «С утра собрание» (12.06), «С утра пошел на собрание артели» (13.06), «Весь день на совещании счетоводов» (17.06), «Сидели на собрании артели до 12 часов дня» (18.06), «С утра до обеда на собрании (24.06)» [10, с. 270–272]. На материалах дневника И. Г. Глотова не прослеживается закономерность их проведения в определенный день недели.

Иногда И. Г. Глотов упоминает о том, что он и члены его семьи посещали спектакли: «Толя ушел на спектакль в село» (17.02.1927), «Тая и Толя были на спектакле в училище. Толя был даже участником» (13.03.1927), «Смотрел спектакль» (11.11.1927), «Вечером на спектакль в школу пошли Тая, Зина и Маня. Толя участвует в представлении» (03.02.1929), «Тая ходила в село: день женщины. Смотрела спектакль и кино» (08.03.1929) [9, с. 216–226]. О тематике спектаклей и названий фильма в дневнике не упоминается.

В дневнике П. Т. Ананьина есть сообщение о новых советских праздниках, в частности, 07.11.1932 есть следующая запись: «Праздник Совецкой был дома… Митька ушол к совецкому празднику к Карасозеру», причем подчеркивается, что советский праздник отмечает сын, т.е. более молодое поколение [12, с. 21]. Судя по записям молодое поколение как отмечало праздники, связанные с религиозной традицией, так и приобщалось к новым советским. Некоторые по времени совпадали с религиозными: «Праздник совецкий и Митров день (день святого Дмитрия Солунского). Мы праздновали» (08.11.1932). 23 февраля упоминается в 1935 г.: «Я вязал седку. Митрий праздновал совецкий праздник. Марья в колхози наваливала сено. Хозяйка уборщица» [12, с. 81].

Не встречается в дневнике П. Т. Ананьина упоминания о днях 9 января, рождения и смерти В. И. Ленина, 8 марта, низвержения самодержавия, Парижской коммуны, памяти Ленского расстрела. В дневнике проводится разграничение между старшим и младшим поколениями. Младшее поколение

празднует советские и традиционные праздники. Старшее поколение советские праздники не отмечает, но в записях подчеркивается то, что массовый характер имело празднование именно традиционных праздников и воскресений.

В дореволюционное время особенно в сельской среде господствовало религиозное сознание, которое сопровождалось многочисленными церковными праздниками. С установлением советской власти связаны довольно большие изменения в календаре. Новый праздничный календарь стал постепенно «проникать» в сельскую, особенно молодежную среду. В жизнь населения страны стали входить государственные праздники не религиозного содержания. Несмотря на формирование новой традиции в период 1917–1930-х гг., в крестьянской среде Европейского Севера России не была сформирована советская праздничная культура. Крестьяне продолжали помнить и отмечать праздники, связанные с религиозной культурой.

Библиографический список

1. **Жукова, В. С.** Повседневная жизнь крестьян Европейского Севера России в первой половине 1930-х гг. (на материалах дневника П. Г. Ананьина) / В. С. Жукова // Историки. Поколения. Взгляды : материалы Всерос. науч. конф. / гл. ред. М. А. Безнин. – Вологда : Вологодский государственный ун-т, 2018. – С. 177–182.
2. **Ильина, О. В.** Повседневность сельской семьи Европейского Севера России в 1941–1945 гг. / О. В. Ильина // Некрасовские чтения : материалы III Всерос. науч. конф. / гл. ред. В. А. Саблин. – Вологда : Вологодский государственный ун-т, 2017. – С. 124–127.
3. **Жукова, В. С.** Трудовая повседневность в годы Первой мировой войны по материалам дневников и воспоминаний крестьян Европейского Севера России / В. С. Жукова // Рябининские чтения – 2015. – Петрозаводск ; Кижи : Государственный Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник, 2015. – С. 41–43.
4. **Ильина, О. В.** Трудовая повседневность крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Европейского Севера России) / О. В. Ильина // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всерос. науч. конф. : в 2 ч. / отв. за вып. Е. С. Субботина. – Пермь : ПГГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 184–189.
5. **Жукова, В. С.** Трансформация повседневной жизни деревни 1906–1970-х гг. (по материалам дневников и воспоминаний) / В. С. Жукова // Историческая русистика в XXI веке. – Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. – С. 379–385.
6. О введении западноевропейского календаря : декрет Совета Народных Комиссаров № 289 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – С. 300, 301.
7. **Жукова, В. С.** Религия и суеверия в повседневной жизни крестьян Европейского Севера России в первой трети XX в. (по материалам дневников и воспоминаний) / В. С. Жукова // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф. – Иваново : Ивановский государственный ун-т, 2016. – С. 357–363.
8. Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева. 1906–1922 годы // Тотьма : краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда : ВГПУ, 1997. – С. 243–517.
9. Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова. Новонайденные части дневника пежемского крестьянина Ивана Глотова (1906–1915, 1917, 1927–1929 гг.) // Важ-

ский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. – Вельск : Вельти, 2002. – С. 192–230.
10. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. – Москва : КМЦПЭ Ин-та этнологии и антропологии РАН : Вельский районный краеведческий музей, 1997. – 324 с.
11. **Ершов, В. П.** Праздничные традиции в доме П. Т. Ананьина (по материалам дневника 1932–1936 гг.) / В. П. Ершов // Кижский вестник : сб. ст. / науч. ред. И. В. Мельников. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. – Вып. 14. – С. 156–162.
12. Текст дневника П. Т. Ананьина // Кижский вестник : сб. ст. / науч. ред. И. В. Мельников. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. – Вып. 14. – С. 17–149.

References

1. Zhukova V. S. *Istoriki. Pokoleniya. Vzglyady: materialy Vseros. nauch. konf.* [Historians. Generations. Views:proceedings of All-Russian scientific conference]. Vologda: Vologodskiy gosudarstvennyy un-t, 2018, pp. 177–182. [In Russian]
2. Il'ina O. V. *Nekrasovskie chteniya: materialy III Vseros. nauch. konf.* [Nekrasov readings: proceedings of III All-Russian scientific conference]. Vologda: Vologodskiy gosudarstvennyy un-t, 2017, pp. 124–127. [In Russian]
3. Zhukova V. S. *Ryabininskie chteniya – 2015* [Ryabinin readings – 2015]. Petrozavodsk; Kizhi: Gosudarstvennyy Istoriko-arkhitekturnyy i etnograficheskiy muzey-zapovednik, 2015, pp. 41–43. [In Russian]
4. Il'ina O. V. *Povsednevnost' v rossiyskoy provintsii XIX–XX vv.: materialy Vseros. nauch. konf.: v 2 ch.* [Everyday life in the Russian province in XIX–XX centuries: proceedings of All-Russian scientific conference: in 2 parts]. Perm: PGGPU, 2013, part 1, pp. 184–189. [In Russian]
5. Zhukova V. S. *Istoricheskaya rusistika v XXI veke* [Historical Russian studies in the XXI century]. Budapesht: Russica Pannonicana, 2017, pp. 379–385. [In Russian]
6. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of legalizations and orders of the government for 1917–1918]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1942, pp. 300, 301. [In Russian]
7. Zhukova V. S. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf.* [State, society, church in the history of Russia in XX–XXI centuries: proceedings of XV International scientific conference]. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy un-t, 2016, pp. 357–363. [In Russian]
8. *Tot'ma: kraevedcheskiy al'manakh. Vyp. 2.* [Totma: local history almanac. Issue 2]. Vologda: VGPU, 1997, pp. 243–517. [In Russian]
9. *Vazhskiy kray: istochnikovedenie, istoriya, kul'tura: issledovaniya i materialy* [Vazhsky Krai: source study, history, culture: research and materials]. Vel'sk: Vel'ti, 2002, pp. 192–230. [In Russian]
10. *Na razlome zhizni. Dnevnik Ivana Glotova, pezhemskogo krest'yanina Vel'skogo rayona Arkhangel'skoy oblasti. 1915–1931 gody* [On the break of life. Diary of Ivan Glotov, Pezhemsky peasant of the Velsky district of the Arkhangelsk region]. Moscow: KMTsPE In-ta etnologii i antropologii RAN: Vel'skiy rayonnyy kraevedcheskiy muzey, 1997, 324 p. [In Russian]
11. Ershov V. P. *Kizhskiy vestnik: sb. st.* [Kizhi bulletin: collected articles]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN, 2013, iss. 14, pp. 156–162. [In Russian]
12. *Kizhskiy vestnik: sb. st.* [Kizhi bulletin: collected articles]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN, 2013, iss. 14, pp. 17–149. [In Russian]

Жукова Вероника Сергеевна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Вологодский государственный университет (Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15)

E-mail: zhukova_veronika@list.ru

Zhukova Veronika Sergeevna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of Russian history, Vologda State University (15 Lenina street, Vologda, Russia)

Образец цитирования:

Жукова, В. С. Трансформационные явления в праздничной культуре крестьян Европейского Севера России 1911 – первой половины 1930-х гг. (по материалам крестьянских дневников) / В. С. Жукова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 14–21. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-2.

УДК 930:314
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-3

Н. А. Жиров

ОРЛОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.[1]

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена комплексному изучению внешне- и внутриполитических факторов, влиявших на крестьянское сословие аграрного центра России в начале XX в. В рамках проблематики рассматривается демографическое развитие села, аграрная политика П. А. Столыпина, в частности переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Основной целью работы является изучение причин протестного движения на селе в начале XX в. на примере Орловской губернии, в частности Елецкого уезда, взаимодействия местных органов власти с крестьянским сообществом в рамках аграрной политики царского правительства.

Материалы и методы. Основными источниками по изучению социально-экономических изменений в русской деревне обозначенного периода стали статистические сборники, обзоры губерний, отчетная делопроизводственная документация органов полиции, комплекс материалов губернских и уездных учреждений. Комплексное изучение архивного материала осуществлено при помощи как традиционных научных методов (системный анализ, структурный подход, ретроспективный и т.д.), так и новейших методик, таких как цивилизационный подход и вытекающая из него теория модернизации аграрного общества.

Результаты. Аграрное движение в годы Первой русской революции обнажило кризис существующей в стране системы землевладения и землепользования. Крестьянство, желая справедливого распределения земельных ресурсов, не всегда могло этого добиться законодательным путем. В экстремальных условиях (например, неурожай 1905 г.), не найдя поддержки и понимания сложности ситуации от государства, жители села в отчаянии сознательно пресекали закон, ссылаясь на обычно-правовые нормы, отвечавшие их представлениям о справедливости.

Выводы. Главным итогом может служить вывод о социально-экономических истоках революционных событий 1905–1907 гг. в России. Аграрные преобразования в рамках столыпинской реформы лишь частично решали земельный вопрос, а переселенческая политика была малоэффективной вследствие бурного роста населения в губерниях Центральной России в начале XX в.

Ключевые слова: крестьянство, аграрная политика, переселение, революция, Центральная Россия.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 19-49-480002.

© Жиров Н. А., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

N. A. Zhirov

ORYOL PEASANTRY UNDER THE CONDITIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC CHANGES IN THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Abstract.

Background. The article is devoted to the study of the causes of the protest movement in the village in the beginning of the 20th century. Within the framework of the problems, the distribution of the agrarian movement in the Orel province and Yeletsky district, interaction of local authorities with the peasant society in the framework of the agrarian policy of the tsarist government is considered. Within the framework of the problem the demographic development of the village, agrarian policy are considered P. A. Stolypin, in particular the resettlement of peasants in Siberia and the far East. The main purpose of the work is to study the causes of the protest movement in rural areas in the early twentieth century. On the example of the Orel province, in particular the Yelets district, the interaction of local authorities with the peasant community in the framework of the agrarian policy of the tsarist government.

Materials and methods. The main sources for the study of socio-economic changes in the Russian countryside of the designated period were statistical collections, surveys of provinces, reporting records of police, a set of materials of provincial and County institutions. Complex study of the archives materials was made by both traditional scientific methods (systemic analysis, structural approach, retrospective approach, etc.) and the new ones, such as civilization approach and following from it theory of agrarian society modernization.

Results. The agrarian movement during the First Russian revolution exposed the crisis of the existing system of land ownership and land use in the country. The peasantry, wanting a fair distribution of land resources, could not always achieve this by legislation. In extreme conditions (for example, crop failure in 1905), not finding support and understanding of the complexity of the situation from the state, the villagers in despair deliberately suppressed the law, referring to the usual legal norms that meet their ideas of justice.

Conclusions. The main result can be the conclusion about the socio-economic origins of the revolutionary events of 1905–1907 in Russia. Agrarian reforms in the framework of the Stolypin reform only partially solved the land issue, and the resettlement policy was ineffective due to the rapid population growth in the provinces of Central Russia in the early twentieth century.

Keywords: peasantry, agrarian policy, resettlement, revolution, Central Russia.

Изучение крестьянского сословия аграрного центра России на рубеже XIX–XX вв. до сих пор остается одной из актуальнейших и до конца не изученных тем отечественной истории.

В качестве источников были взяты опубликованные статистические материалы по землевладению в Центральной России в 1905 г., сборник документов по крестьянскому движению в России в 1901–1904 гг., а также отчет орловского губернатора и обзоры губернии за ряд лет. Кроме того, были использованы архивные документы Государственного архива Орловской области, сохранившиеся в фондах Орловской губернской землеустроительной комиссии (ф. 34), Орловской губернской земской управы (ф. 525), Орловского губернского жандармского управления (ф. 883).

К началу XX в. крестьянство составляло более 3/4 жителей Российской империи, а в губерниях аграрного центра эта цифра была существенно выше. Например, в Орловской губернии с преимущественно сельским населением (около 88 %) на крестьянское сословие приходилось 96,47 %. На их долю в последние десятилетия существования империи выпало немало испытаний как внешне-, так и внутриполитического характера, и одной из главных проблем российского села был кризис аграрного производства, сопряженный с бурным ростом населения страны. Именно он лежал в основе социально-экономических неурядиц сельской провинции, захлестнувших империю.

Аграрный кризис к концу XIX в. приобрел статус трудно решаемой задачи по целому ряду причин. Во-первых, уровень предельно допустимой запашки в Орловской губернии приблизился к максимальным значениям, почти 85 % территории. В соседних губерниях ситуация была примерно такой же – более 80 % земельного фонда оказалось распаханным уже к началу 1890-х гг.

Предпосылок для внедрения инноваций в крестьянском хозяйстве не предвиделось, для этого бы требовались большие финансовые вложения, а также коренные изменения в системе землепользования. Последующая столыпинская аграрная реформа с ее отрубными и хуторскими хозяйствами убедительно показала, что изменения в системе землепользования без финансовых вложений не могли поднять эффективность сельскохозяйственного производства. Только показательные образцовые хуторские хозяйства, являвшиеся исключением из правила, демонстрировали достойные результаты, как, например, в бывшем владельческом имении с. Захаровка Ливенского уезда, где местное земство помогло с приобретением семян и удобрений для нескольких крестьянских хуторов.

Сохранение трехпольной системы севооборота у крестьян скорее всего было вынужденной мерой вследствие нехватки пахотных площадей. По этой причине в ряде центральных уездов Орловской губернии в начале XX в. был отмечен вынужденный переход от трехпольной системы к двуполью, а у самых бедных слоев – даже к однополью. На значительной территории Орловской губернии началось сокращение фонда плодородных пахотных земель. С 1906 по 1911 г. площадь, занятая под посевами в губернии, уменьшилась на 9,9 % [1, с. 102; 2].

Сложно представить себе, что опытные земледельцы от незнания и своей «безграмотности» не понимали, что такое землепользование ведет к быстрому истощению и деградации почв. Многие семьи имели столь скудные земельные наделы, а после ряда неурожайных лет конца XIX в. лишившись рабочих лошадей, пополняли ряды сельского пролетариата. Естественно, эффективными хозяйственниками на своей земле они уже не могли бы стать. Но растущая потребность в земле крестьян черноземных губерний вынуждала их не покидать сельскую местность в поисках работы в городе, а заниматься либо отхожими сельскохозяйственными промыслами в губерниях Юга России, либо батрачить на полях местных землевладельцев. А так как оба вида заработка не отрывали крестьянина окончательно от своего «клочка отеческой пашни», то их наделы не могли перейти в руки более состоятельной части сельского социума. Потребность в земле росла, а выхода из ситуации практически не было.

Ускоренный прирост жителей в начале XX в. осложнял и так непростое социально-экономическое положение сельского населения. Например, в Орловской губернии естественный прирост населения ежегодно составлял от 35 до 45 тыс. человек (с 1900 по 1913 г. население увеличилось на 19 %) [3, 4].

Численность жителей стала постепенно превышать необходимое количество земли для ведения продуктивного хозяйствования. За хронологический отрезок с 1877 по 1905 г. у бывших владельческих крестьян Орловщины земельный надел уменьшился в среднем с 8,3 до 5,9 дес., у государственных – с 11,6 до 8,3 дес. [5, с. 39].

Кризис в крестьянском мелкотоварном хозяйстве, вызванный сокращением площади надельной пашни, ее оскудением отрицательно влиял на благосостояние подавляющего большинства жителей села. На этот счет есть разные точки зрения. Например, Б. Н. Миронов придерживается позиции постепенного роста благосостояния жителей империи в конце XIX – начале XX в. [1, с. 532, 533]. Естественно, усредненные цифры по губерниям показывают такой тренд, но только с учетом крупных крестьянских хозяйств и владельческих экономий. В масштабах всей страны этот тезис может быть уместен, но на региональном уровне ситуация существенно разнилась, особенно в среде малоимущего населения, составлявшего большинство жителей русской деревни.

С периодичностью в несколько лет, как правило вследствие неблагоприятных погодных условий, повторялись неурожаи, приносившие в той или иной степени элементы голода. Вопрос продовольственной безопасности регионов стоял на повестке деятельности всех земств Российской империи. Повсеместно функционировали хлебные магазины, целью которых являлось обеспечение семенами нуждавшегося населения. Цена на зерно в них была ниже рыночной и, как правило, удовлетворяла большую часть крестьянства. Но в то же время наименее обеспеченные слои населения, не имея возможности заплатить за зерно, попадали в должники, что усугубляло их положение, отрицательно влияя на социально-экономическую обстановку.

Уровень продовольственного обеспечения населения Орловской губернии постепенно снижался, и, несмотря на ряд урожайных лет и начавшиеся аграрные преобразования, в том числе и крестьянское переселение, вывоз товарного зерна за период с 1901 по1911 г. снизился с 29 до 27 %. Этот процесс шел на фоне изменений в структуре хлебного экспорта, рожь как основная злаковая культура, доминировавшая в крестьянском зерновом клину, стала вывозиться меньше при общем росте валового зернового сбора. Увеличивающееся население губернии стимулировало внутреннее потребление хлеба и рост на него цены, особенно в неурожайные годы. Дальнейший прирост жителей мог усугубить продовольственную обстановку в регионе.

Приведенные факты указывают, что главной бедой крестьянства были малоземелье (вернее неэффективное использование надельных угодий вследствие устаревшей системы землепользования), сильная перенаселенность в сельской местности и низкий жизненный уровень. Это стимулировало миграционные процессы в промышленные зоны России и юго-востока Украины.

Данное явление усиливалось в кризисные голодные годы. Например, только из Ливенского уезда Орловской губернии в 1891 г. выехало 24 тыс. человек. Основным миграционным направлением было аграрное переселение

за Урал. В Ливенском уездном земском собрании гласным от крестьян одной из волостей было высказано предложение о возбуждении перед правительством ходатайства о свободном переселении малоимущих крестьян за счет государственных средств в Сибирские губернии. «При усиленном переселении средняков может случиться, что в обществе останутся только бедняки и зажиточные сельские богачи… богатый крестьянин всеми способами опутывает бедного, истощая у него последние соки, а бедняк, обремененный семьею и закабаленный богачом, не в состоянии вести свое хозяйство, в конце концов становится тунеядцем и пьяницей» [6, д. 43, л. 4]. Земство разделяло мнение гласного, что при отсутствии средняков в сельском обществе ведение хозяйственных и общественных дел осложнялось, а имущественное расслоение деревни усиливало протестные настроения.

Социальный протест в среде крестьянского населения Орловской губернии до начала революции 1905–1907 гг. выражался в единичных выступлениях (в 1901–1904 гг. было зафиксировано только по одному бунту в год) без актов реального насилия и существенного материального урона [7, с. 312]. Аграрное движение в соседних регионах было более выраженным, особенно в Курской и Черниговской губерниях [8–10]. Протестное (аграрное) движение в деревне начала XX в. было основано на крестьянском понимании справедливости (кто землю обрабатывает – тот и владеет ею) и находилось в рамках норм обычного права [11, с. 23].

Зимой 1905 г. волна аграрных беспорядков захлестнула губернии аграрного центра Российской империи, в том числе и Орловскую. Крестьяне разоряли помещичьи экономии, забирая продовольственные запасы барских усадеб. Крестьянство требовало земли, снижения арендной платы за помещичьи угодья и т.д. Особенно острая ситуация складывалась в Елецком, Ливенском, Севском и Трубчевском уездах Орловской губернии.

Крестьянские выступления носили локальный характер и в основном были вызваны накопившимися проблемами в области землевладения. Ситуация в Елецком уезде Орловской губернии являлась типичной для всей территории аграрного центра страны. Труженики села просили помощи у правительства и местных органов власти об экономической помощи вследствие неурожая и предупреждали, что, если их просьба не будет уважена через две недели, они будут вынуждены добывать необходимое нелегальным путем [12, л. 131]. В одном из многочисленных рапортов полиции было записано: «В Елецком уезде повсеместно плохой урожай хлебов, недостаток подножного корма. Крестьяне ждут и надеются получить помощь от правительственных учреждений. Благодаря этому настроение среди них спокойное. Если помощи не будет, то им придется идти на помещичьи гумна за кормом и всем необходимым для своего существования, так как заработков нет и другого выхода из своего плачевного положения они не находят, тем более, что они обращаются к земским начальникам с просьбой походатайствовать за них, но последние отказывают, чем вооружают население против себя» [12, л. 76, 76 об.].

В отчетах полиции и местных властей неурожай 1904–1905 гг. стал основной причиной крестьянских выступлений. Сложившуюся ситуацию руководство губернии и жандармерия не считала революционной, так как погромы помещичьих экономий были банальными грабежами, без политических лозунгов. Голод удалось избежать благодаря оперативным мерам земских

органов власти: в уездах, наиболее пострадавших от неурожая, была проведена продажа хлеба по удобным для крестьян ценам [13, с. 2].

Столыпинские преобразования, в первую очередь активизация переселения крестьянства, сначала снизили, а потом полностью ликвидировали революционную активность сельского населения [14, с. 38–42]. Переселение должно было уменьшить демографическую нагрузку на имеющийся земельный фонд (табл. 1) [15, л. 16–19].

Таблица 1

Аграрные переселенцы в Сибирь
из Орловской губернии в 1906–1908 гг.

Уезд	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Орловский	35	372	893
Болховский	668	1655	1155
Брянский	128	1620	1735
Дмитровский	190	1516	2462
Елецкий	77	585	1439
Ливенский	88	1982	5747
Карачевский	318	1982	1740
Кромской	99	987	2745
Малоархангельский	37	2189	3152
Мценский	13	81	242
Севский	66	726	2964
Трубчевский	469	3112	2909
Итого в губернии	2188	16 143	27 194

Согласно приведенным данным, можно увидеть рост заинтересованности крестьянства в освоении новых земель, а также неоднородность процесса переселения по отдельным уездам губернии за указанные годы. Число аграрных переселенцев в уездах зависело от количества жителей в них, степени занятости в сельском хозяйстве, возможности приработков на стороне и участия в промысловой деятельности. Не последнюю роль играла позиция местных органов власти, начиная от волостного правления до уездных землеустроительных комиссий.

В первую очередь переселение затронуло сельские общества южных уездов Орловской губернии (Ливенского, Малоархангельского, Севского и т.д.), но число желавших переселиться было очень велико. Например, в Елецком уезде к 1909 г. в некоторых населенных пунктах количество потенциальных переселенцев достигало половины всех жителей. Естественно, большинству было отказано в этом, так как фонд колонизационных земель имел свои пределы и удовлетворить просьбы крестьянства было невозможно.

Процесс аграрного переселения затронул все области Центральной России. Сведения, направленные из Челябинского переселенческого пункта заведующим движением переселенцев из Европейской России в Орловскую

губернскую земскую управу, дают представление о движении населения в Сибирь по соседним с Орловской губернией регионам.

Согласно статистическим данным, наиболее вовлеченными в процесс переселения оказались Черниговская и в меньшей степени Орловская и Тамбовская губернии. Крестьянство неземледельческих губерний, представленных в табл. 1, было меньше заинтересовано в переселении, так как земледелие в этой местности в меньшей степени влияло на уровень жизни сельских жителей.

Основными районами вселения являлись Тобольская, Томская и Акмолинская губернии. 80 % направленных туда в предыдущие несколько лет были не устроены из-за проблем с припиской к старожильческим обществам [16, д. 143, л. 89].

Главная цель переселенческой политики состояла в снижении плотности сельских жителей в густонаселенных аграрных регионах страны. За весь пореформенный период (1861–1916 гг.) из шести губерний Центрального Черноземья, в том числе Орловской, выбыло в процессе аграрной миграции около 2 млн крестьян [17, с. 39]. В целом аграрная миграция в Орловской губернии несомненно имела положительный, но, к сожалению, временный эффект в снижении демографической нагрузки на природные ресурсы (в первую очередь пахотные угодья). Кардинального сокращения занятых в сельском хозяйстве так и не удалось достигнуть, что вело к дальнейшему обострению вопроса наделения крестьянства землей. Таким образом, столыпинская реформа смогла временно смягчить, но не решить полностью аграрный кризис в губерниях Центральной России.

Всего за период столыпинских преобразований из Орловской губернии было переселено около 130 тыс. крестьян, из которых только 2/3 закрепились на новых территориях, а остальные приезжали домой, пополняя ряды малоимущего населения, готового к социальному взрыву в любой момент [18, с. 24].

Ликвидация поземельной общины и создание на ее месте эффективного хуторского и отрубного хозяйства должны были решить проблему улучшения сельскохозяйственного производства. Большая часть выделившихся из общины крестьян являлись малоземельной беднотой, укрепившей землю с целью продажи. Как правило, эта категория сельских жителей участвовала в аграрном переселении и лишь незначительная часть уезжала в город. Но, как отмечалось выше, 1/3 переселенцев возвращалась обратно, не имея возможности возобновить на прежнем месте свое независимое хозяйство и пополняя ряды сельских батраков.

Увеличение товарности сельского хозяйства было одним из приоритетов местных властей, но для этого требовались кардинальные преобразования: агрономическая помощь крестьянству семенным материалом, удобрениями, орудиями труда и практическими советами по севообороту. Главным препятствием в этом была нехватка денежных средств для поддержки хуторских хозяйств. В качестве примера можно привести выдержки из копии совещания Ливенской уездной землеустроительной комиссии об агрономической помощи крестьянам Ливенскского уезда (хуторским и отрубным хозяйствам): «Переход от трехполья к более культурной системе хозяйствования хотя и желательно, но требует денежных затрат, крайне туго возвращаемых в сельские хозяйства, вследствие чего доступно лишь экономически сильным

хозяйствам. Число таких хозяйств среди новоселов (хуторян) как раньше, так и в будущем будет невелико, так как земля дается только нуждающимся – т.е. малоземельным, а потому среди них нет зажиточных» [6, д. 34, л. 2].

Хуторские и отрубные хозяйства имели несомненные преимущества перед общиной: могли вести правильный севооборот, улучшать плодородие почв, получать государственную поддержку и т.д. Но не стоит забывать и о минусах подобного ведения хозяйства: отсутствие взаимопомощи, непростые отношения с бывшими общинниками-односельчанами, уязвимость хозяйства в экстремальных условиях. Начавшаяся Первая мировая война забрала на фронт миллионы российских крестьян. Хуторские и отрубные хозяйства в первую очередь ощутили нехватку мужских рабочих рук. Если общинники, используя взаимопомощь, худо-бедно могли обрабатывать свои поля, то хутора начали приходить в упадок.

Первая мировая война, нарушив спокойное течение жизни в империи, вынудила царское правительство приостановить столыпинские преобразования, в первую очередь аграрное переселение в Сибирь [19]. В Орловской губернии было отправлено на театр боевых действий более 260 000 человек, подавляющее большинство которых были крестьянами. Согласно сельскохозяйственной переписи 1917 г., точная цифра равнялась 254 670 призванных из сельской местности ко второму полугодию 1917 г.

Проблемы российского села так и не были решены, оставляя ситуацию очень взрывоопасной. Кроме горя и разорений война принесла в российскую действительность много изменений. В первую очередь она сделала бывших крестьян настоящими солдатами, прошедшими горнило боевых действий. Большинство из них разочаровалось в самодержавном строе, хотело перемен. Плачевное состояние экономики, политическая дестабилизация не шла на пользу катящейся в очередную революцию стране. Но главным отличием от революции 1905–1907 гг. было то, что теперь отстаивать свои интересы поднимались не землепашцы, оторванные от сохи, а крестьяне-солдаты, умевшие воевать и частично имевшие на руках оружие.

Аграрное движение в годы Первой русской революции обнажило кризис существующей в стране системы землевладения и землепользования. Крестьянство, желая справедливого распределения земельных ресурсов, не всегда могло этого добиться законодательным путем. В экстремальных условиях (например, неурожай 1905 г.), не найдя поддержки и понимания сложности ситуации от государства, жители села в отчаянии сознательно пресекали закон, ссылаясь на обычно-правовые нормы, отвечавшие их представлениям о справедливости.

Библиографический список

1. **Миронов, Б. Н.** Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 911 с.
2. **Давыдов, М. А.** Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства) / М. А. Давыдов. – Москва : Изд. центр РГГУ, 2003. – 568 с.
3. Обзор Орловской губернии за 1900 год. – Орел : Типография Губернского Правления, 1901. – 199 с.
4. Обзор Орловской губернии за 1914 год. – Орел : Типография Губернского Правления, 1915. – 212 с.

5. Статистика землевладения 1905 года: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. – Санкт-Петербург : Изд-во ЦСК МВД, 1907. – 272 с.
6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 43.
7. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. : сб. док. – Москва : Наука, 1998. – 368 с.
8. **Жирова, М. С.** Отражение крестьянских волнений 1905 г. в документах политической полиции (Елецкий уезд Орловской губернии) / М. С. Жирова // Filo Ariadne. – 2016. – № 4. – С. 128–141.
9. **Карпачев, М. Д.** О социальных истоках русских революций начала XX в. / М. Д. Карпачев // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 21–28.
10. **Безгин, В. Б.** Погромное движение 1905–1907 гг. и повстанчество 1920–1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие / В. Б. Безгин // История: факты и символы. – 2017. – № 3 (12). – С. 20–27.
11. **Безгин, В. Б.** Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин. – Москва : Common place, 2017. – 334 с.
12. ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 291.
13. Отчет Орловского Губернского комитета общеземской организации по оказанию помощи населению Орловской губернии, пострадавшему от неурожая 1906 г. – Орел : Типография Губернского Правления, 1907. – 24 с.
14. **Бочаров, В. О.** Крестьянское переселение из центральных областей России в годы Столыпинских преобразований / В. О. Бочаров // 10 корпус. – 2017. – № 3. – С. 38–42.
15. ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 675.
16. ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 143.
17. **Курцев, А. Н.** Миграции крестьян и царская политика в 1861–1916 гг. (по материалам Центрально-Черноземного региона) / А. Н. Курцев // Крестьяне и власть. – Москва ; Тамбов : Изд-во ТГУ, 1995. – С. 39.
18. Орловский край в XX столетии: информационно-статистическое издание / Орловский областной комитет государственной статистики. – Орел : Картуш, 2001. – 422 с.
19. **Земцов, Л. И.** Крестьянский міръ и война (1914–1916 гг.) / Л. И. Земцов // История: факты и символы. – 2017. – № 2 (11). – С. 110–119.

References

1. Mironov B. N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii. XVIII – nachalo XX veka* [The welfare of the population and the revolution in imperial Russia. XVIII – the beginning of the XX century]. Moscow: Novyy khronograf, 2010, 911 p. [In Russian]
2. Davydov M. A. *Ocherki agrarnoy istorii Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (Po materialam transportnoy statistiki i statistiki zemleustroystva)* [Essays on the agrarian history of Russia in the late XIX – early XX centuries (Based on materials from transport statistics and land management statistics)]. Moscow: Izd. tsentr RGGU, 2003, 568 p. [In Russian]
3. *Obzor Orlovskoy gubernii za 1900 god* [Review of the Oryol province for 1900]. Orel: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1901, 199 p. [In Russian]
4. *Obzor Orlovskoy gubernii za 1914 god* [Review of the Oryol province for 1914]. Orel: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1915, 212 p. [In Russian]
5. *Statistika zemlevladeniya 1905 goda: Svod dannykh po 50 guberniyam Evropeyskoy Rossii* [Land tenure statistics of 1905: A compilation of data on 50 provinces of European Russia]. Saint-Petersburg: Izd-vo TsSK MVD, 1907, 272 p. [In Russian]
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Oryol region]. F. 34. Op. 1. D. 43. [In Russian]

7. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 gg.: sb. dok.* [Peasant movement in Russia in 1901–1904: collected reports]. Moscow: Nauka, 1998, 368 p. [In Russian]
8. Zhirova M. S. *Filo Ariadne*. 2016, no. 4, pp. 128–141. [In Russian]
9. Karpachev M. D. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Politology. Sociology]. 2015, no. 3, pp. 21–28. [In Russian]
10. Bezgin V. B. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: facts and symbols]. 2017, no. 3 (12), pp. 20–27. [In Russian]
11. Bezgin V. B. *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan* [Peasant truth. Customary law and court of Russian peasants]. Moscow: Common place, 2017, 334 p. [In Russian]
12. *GAOO*. F. 883. Op. 1. D. 291.
13. *Otchet Orlovskogo Gubernskogo komiteta obshchezemskoy organizatsii po okazaniyu pomoshchi naseleniyu Orlovskoy gubernii, postradavshemu ot neurozhaya 1906 g.* [Report of the Oryol Provincial Committee of a nationwide organization to assist the population of the Oryol province affected by crop failure 1906]. Orel: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1907, 24 p. [In Russian]
14. Bocharov V. O. *10 korpus* [10 korpus journal]. 2017, no. 3, pp. 38–42. [In Russian]
15. *GAOO*. F. 525. Op. 1. D. 675.
16. *GAOO*. F. 525. Op. 1. D. 143.
17. Kurtsev A. N. *Krest'yane i vlast'* [Peasants and the power]. Moscow; Tambov: Izd-vo TGU, 1995, p. 39. [In Russian]
18. *Orlovskiy kray v XX stoletii: informatsionno-statisticheskoe izdanie* [Oryol region in the XX century: informational and statistical publication]. Orel: Kartush, 2001, 422 p. [In Russian]
19. Zemtsov L. I. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: facts and symbols]. 2017, no. 2 (11), pp. 110–119. [In Russian]

Жиров Николай Анатольевич
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина (Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.1)

Zhirov Nikolay Anatol'evich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history and historical and cultural heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin (28.1 Kommunarov street, Yelets, Lipetsk region, Russia)

E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Образец цитирования:

Жиров, Н. А. Орловское крестьянство в условиях социально-экономических изменений конца XIX – начала XX в. / Н. А. Жиров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 22–31. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-3.

УДК 93/94.930
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-4

В. С. Русанова

«СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ» П. А. СОРОКИНА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. В связи с расширением источниковой базы жизни и научной деятельности русско-американского социолога XX в. Питирима Александровича Сорокина (1889–1968) в «сорокиноведении» появляется все больше работ, в которых при определении вклада в социологическую и историческую науку ученый с его замыслами, идеями и теориями вырывается из исторического контекста. На сегодняшний день наблюдается острая необходимость «вернуть» П. А. Сорокина в его время. Заявленная проблематика нацелена на выявление оценок научного наследия социолога его современниками. В частности, речь пойдет об отношении русских и американских ученых к первой крупной монографии П. А. Сорокина «Социология революции», вышедшей в 1925 г. в Соединенных штатах Америки.

Материалы и методы. Реализация исследовательской задачи была достигнута на основе опубликованных документов, представленных в изданных томах собрания сочинений П. А. Сорокина. Особое место занимают рецензии коллег на книгу П. А. Сорокина «Социология революции», а также эпистолярные источники. Методологической основой данного исследования является принцип историзма, требующих изучение событий в развитии и в соответствии с конкретно-исторической обстановкой. Методологическую базу исследования представляют как общенаучные, так и специально-исторические методы. При формировании критериев оценивания рецензий применялся метод анализа и синтеза; сравнительно-исторический метод позволил выявить характер отзывов об анализируемой работе П. А. Сорокина.

Результаты. Проанализированы рецензии и письма к социологу американских и российских ученых, посвященные «Социологии революции». Выявлены основные положения, которые затрагивались большинством рецензентов в отзывах, а также продемонстрировано влияние профессиональных оценок научной деятельности социолога на личные отношения бывших соотечественников П. А. Сорокина и Д. А. Лутохина.

Выводы. В ходе проделанной работы было выявлено доминирующее количество критических оценок научного труда П. А. Сорокина «Социология революции».

Ключевые слова: П. А. Сорокин, Д. А. Лутохин, «Система социологии».

V. S. Rusanova

P. A. SOROKIN'S "SOCIOLOGY OF REVOLUTION" IN THE REVIEWS BY CONTEMPORARIES

Abstract.

Background. More and more works appear in "forty studies" in which, in determining the contribution to sociological and historical science, a scientist with his

© Русанова В. С., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

plans, ideas and theories breaks out of the historical context in connection with the expansion of the source base of life and scientific activity of the 20th century Russian-American sociologist Pitirim Aleksandrovich Sorokin (1889–1968). Today there is an urgent need to "return" P. A. Sorokin in his time. The stated problems are aimed at identifying assessments of the sociologist's scientific heritage by his contemporaries. In particular, we will talk about the attitude of Russian and American scientists to the first major monograph by P. A. Sorokin "Sociology of Revolution", published in 1925 in the United States of America.

Materials and methods. The implementation of the research task was achieved on the basis of published documents presented in published volumes of the collected works of P. A. Sorokin. A special place is occupied by peer reviews of the book by P. A. Sorokin's "Sociology of Revolution", as well as epistolary sources. The methodological basis of this study is the principle of historicism, requiring the study of events in development and in accordance with the specific historical situation. The methodological base of the research is represented by both general scientific methods and especially historical methods. The analysis and synthesis method was used to formulate criteria for evaluating reviews; the comparative historical method allowed to identify the nature of the reviews of the analyzed work of P. A. Sorokin.

Results. The author analyzed reviews and letters to the sociologist of American and Russian scientists on the "Sociology of the Revolution". The main points that were addressed by most reviewers in the reviews were identified and disclosed. The influence of professional assessments of the sociologist's scientific activities on personal relationships between P. A. Sorokin and D. A. Lutokhin, former compatriots, was also demonstrated in an article.

Conclusions. The dominant number of critical assessments of scientific work P. A. Sorokin's "Sociology of Revolution" was revealed in the course of the work.

Keywords: P. A. Sorokin, D. A. Lutokhin, "System of Sociology".

«Ученый без трудов – это древо без плодов».
Саади

Наследие русско-американского социолога П. А. Сорокина, к комплексному изучению которого российские ученые приступили лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг., продолжает изучаться и сегодня. Социологи, философы, культурологи все больше увлекаются идеями Сорокина, предпринимают попытки научного осмысления его теоретических наработок, придают им прикладной характер с целью прогнозирования дальнейшего развития российского общества и мира в целом. Историки же углубляются в вопросы формирования научного мировоззрения социолога [1–4]. Ими поднимается проблема роли и места Сорокина в революционной борьбе 1917 г., в университетской среде, а также значимость его научного наследия для современников и потомков. Определенному усилению интереса к жизни и творчеству Сорокина способствует очередная юбилейная дата – 130 лет со дня рождения ученого. В связи с этим исследователи перечитывают, переосмысливают крупнейшие из трудов Питирима Александровича, к которым относятся «Социальная и культурная динамика» (1937–1941), «Кризис нашего времени» (1941), «Россия и США» (1944), а также одна из его первых монографий, изданных после эмиграции из Советской России, – «Социология революции». На ней-то и хотелось бы остановиться более подробно.

«Социология революции» первоначально была подготовлена на русском языке в 1923 г., когда Сорокин еще находился в Чехословакии. Это объ-

емное исследование насчитывает около 330 страниц, включает в себя введение и шесть очерков: «Изменение поведения в эпоху революций», «Влияние революций на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность», «Изменение структуры социального агрегата в период революции», «Изменения социальных процессов в периоды революций», «Иллюзии революции», «Причины революции». Одна из основополагающих идей монографии заключается в отрицании положительных итогов революции как социального явления в истории. Перебравшись в США и осев в Миннесоте, ученый осуществил перевод труда на английский язык и представил его в начале 1925 г. американскому научному сообществу. В письме к Долмату Лутохину от 21 октября 1924 г. он писал: «Два дня назад вышла моя книга воспоминаний “Leaves from a Russia Diary”, но я ее еще не имею. Через две недели выходит моя “Sociology of Revolution”. Посмотрим, как они будут встречены» [5, с. 138]. Вопрос, как была встречена «Система социологии» современниками, и заинтересовал автора данной статьи, потому как потомки оценивают ее крайне высоко.

Благодаря реализуемому проекту издания полного собрания сочинений П. А. Сорокина под руководством старшего научного сотрудника института социологии РАН В. В. Сапова широкому кругу читателей и исследователей становятся доступны разного рода исторические источники, в том числе и несколько рецензий на «Социологию революции». На них-то главным образом и будет опираться автор статьи, раскрывая заявленную проблематику.

В общей сложности источниковую базу статьи составляют восемь рецензий современников П. А. Сорокина, в числе которых Д. А. Лутохин (Ф. Репейников) [6, с. 16, 17], Ф. А. Степун, М. Я Козырев (М. Мухин) [7, с. 204], В. Власьев, М. И. Рубинов, У. К. Абботт, Гарри Элмер Барнз, Джон Грирсон. Среди рецензентов отсутствуют советские авторы тех лет по причине того, что работа Питирима Александровича не была опубликована на то время в СССР. Добавим, эти восемь рецензий общим объемом 25 страниц, что равно средней брошюре, никто специально не оценивал. Мы попытаемся впервые заполнить эту лакуну. Кроме названого, автор данной статьи обращался к письмам социолога, адресованным Д. А. Лутохину и Н. Е. Шаповалу. Переписка датируется концом 1924 – началом 1925 г. Так что же отмечали авторы рецензий?

Изучив отзывы и рецензии на книгу, можно выделить шесть ключевых положений, о которых писали если не все рецензенты, то их большая часть: 1) данные о событиях в России 1917 г., приводимые Сорокиным как свидетелем и участником тех дней; 2) анализ теоретической части книги, касающейся взгляда социолога на революцию как таковую и анализируемую им посредством рефлекторной теории И. П. Павлова и рефлексологии В. М. Бехтерева; 3) грамотность английского текста и стиль написания исследования; 4) небрежный вид труда (далее раскроем, что включало в себя это понятие); 5) фактический материал книги; 6) эмоциональное наполнение работы. Теперь же постараемся раскрыть каждый из шесть критериев с опорой на источники.

Так, американские ученые непосредственной ценностью книги считали приведенные Сорокиным данные о событиях в России 1917 г., опираясь на тот факт, что социолог был свидетелем и участником революционных дней.

По этому поводу Дж. Грирсон писал: «…главную ценность книги представляет материал, касающийся России и получаемый, так сказать, из первых рук» [8, с. 634], как бы продолжая эту мысль, У. К. Абботт добавляет: «…прочитать ее следовало бы большому числу людей… она имеет дело с реальностью…» [8, с. 631]. Некоторые рецензенты к положительным моментам книги относят ее теоретическую часть, которая включает в себя разработку концепции революции. Кратко поясним, в чем она состояла.

Сорокин предпринял попытку раскрыть революцию в целом как явление в истории, применив наработки рефлекторной теории И. П. Павлова и рефлексологии В. М. Бехтерева, что было замечено и оценено следующим образом. М. Мухин отмечал: «…в несомненную заслугу ему [Сорокину] следует поставить серьезную обоснованность всех его утверждений и несомненную убедительность его аргументации в контексте основной его концепции» [8, с. 637]. Соглашается с Мухиным и Абботт. Он пишет: «…эта книга не просто рассказ о русской революции, это и глубокое исследование революции как таковой. Она охватывает весь свой предмет…» [8, с. 629]. Гарри Барнз обобщает вышесказанное коллегами, резюмируя, что «…его книга представляет собой полное развенчание революции как метода социальных преобразований», но тут же добавляет, что, обосновывая свою концепцию, Сорокину следовало бы воспользоваться современными работами по психологии революции, а не «…воздавать должное во всех отношениях устаревшему исследованию Лебона». Здесь речь идет о социологе, социальном психологе Гюставе Лебоне (1841–1931) и его работе «Французская революция и психология революции», изданной в 1912 г. [9, с. 97]. Примечательно, что в письме к Н. Е. Шаповалу (1882–1932) Питирим Сорокин будто бы комментирует возражение Г. Барнза следующей строкой: «…я сам знаю многие недочеты книги, вызванные главным образом тем, что в Праге не было массы нужных книг» [10, с. 564]. Недовольство в отношении использованной Сорокиным литературы для подготовки монографии высказал и Д. А. Лутохин в рецензии «Лицо революции». В частности, он отмечал: «Поразительно, что в книге, написанной на английском языке и рассчитанной на иностранного читателя, он [Сорокин] чаще цитирует книги иностранных ученых по русским переводам, чем крайне затрудняет возможность проверки большинством читателей его ссылок и цитат» [8, с. 643]. Здесь хочется отметить некоторую несправедливость Долмата Александровича относительно высказанного тезиса. Учитывая, что труд изначально был написан на русском языке и затем переведен на английский, да еще и подвергся существенной корректировке, о чем, кстати, сообщает сам Сорокин в предисловии к американскому изданию, такое состояние научного аппарата книги вполне понятно. Как бы предугадывая замечание Лутохина, Питирим Александрович обозначает лицо, ответственное за научный стиль и библиографический аппарат труда следующим образом: «За публикацию книги я особенно благодарен профессору Э. К. Хейсу, который не только обеспечил мне эту возможность, но и любезно согласился взять на себя утомительный труд по исправлению и совершенствованию моего английского» [10, с. 590]. Добавим, что не только Д. А. Лутохин обратил внимание на английский язык Сорокина. В русском издании «Системы социологии» 2005 г. В. В. Сапов приводит часть рецензии М. И. Рубинова относительно грамотности английского текста книги. В качестве ар-

гументации позволим себе привести объемную цитату из рецензии. «Профессор Сорокин пишет на иностранном для него языке, к изучению которого он, надо полагать, приступил уже в зрелом возрасте. С учетом обстоятельств, он справился со своей задачей прекрасно, но самый факт совершенно очевиден для читателя. Так как книга... выходит под редакцией профессора социологии одного из американских университетов, этот последний должен нести ответственность за недостатки данной книги, поскольку он уделил ей недостаточное внимание и не вычитал корректуру должным образом» [10, с. 593, 594]. Под недостатками книги Рубинов подразумевает огромное количество фраз, написанных не по-английски «и даже с синтаксическими ошибками», ввиду чего труд Сорокина выглядит несколько небрежно. Стоит добавить, что несолидный, небрежный вид монографии отмечали и другие рецензенты. Однако под неприглядным видом работы понималось разное: 1) не всегда аргументированные положения (М. Мухин), приводимые Сорокиным; 2) отсутствие логики изложения (Ф. Репейников); 3) и не оформленный должным образом научный аппарат книги (Ф. Репейников). Следующим критерием в оценке «Социологии революции», который обозначили практически все эксперты, стал фактический материл книги. Но и здесь оценки разнились.

Положительно приводимые Сорокиным факты о революциях в истории человечества оценили У. К. Аббот и Дж. Грирсон. Аббот по этому поводу записал: «В ней [“Социологии революции”] рассматривается как одно из самых лучших из когда-либо сделанных описаний революции – рассказ Фукидида о революции в Керкире, так и события во Франции в XVIII в. и в России в XIX в.» [8, с. 630]. Грирсон же был более краток и оценил фактическое наполнение монографии следующей фразой: «...фактический материал книги действительно уникален» [8, с. 634]. Критически отнеслись к фактам о революциях с древнейших времен до современности Гарри Барнз и приятель Сорокина Д. Лутохин. Если Барнз говорит о том, что для аргументации некоторых положений Сорокин «ссылается на опыт зафиксированных в истории революций – как реальных, так и вымышленных» [8, с. 632], то Лутохин останавливается на конкретных фактах и отмечает, что «даже постоянно цитируемый автором знаменитый папирус Ипувера о революции в Древнем Египте излагается по журнальной статье В. Викентьева в “Новом Востоке”, а не по английскому изданию первоисточника...» [8, с. 645]. В данном случае критика Лутохина выглядит убедительно. Надо сказать, что его рецензия на «Социологию революции» Питирима Сорокина наиболее критическая по сравнению с остальными отзывами. Интерес состоит еще и в том, что замечания, высказанные Лутохиным в «Лице революции», послужили разрыву дружеских отношений между двумя некогда близкими людьми. Дабы не быть голословными, приведем ряд цитат из переписки двух ученых, касающихся «Социологии революции» и ее рецензирования.

В письме от 22 декабря 1924 г. Питирим Сорокин делится со своим другом разного рода новостями. Не обходит стороной и выход в свет своей первой книги «Листки из русского дневника». Отмечает, что произведение «принято американской критикой превосходно», что он «получил ряд писем, <…> выражающих благодарность за книгу» и добавляет: «Вторая [речь идет о «Социологии революции»] – надеюсь, это впечатление усилит. Посему –

ругайте. Я, как видите, имею в запасе “фонд” похвал американцев для компенсирования руготни своих соотечественников и друзей» [5, с. 140]. Спустя примерно полтора месяца экземпляр «Социологии революции» был выслан Лутохину. В сопровождающем том письме от 1 февраля 1925 г. Питирим Александрович просит своего товарища: «Если будете писать что-либо о книге, то все же ругайте с резоном, а не ругайте только из-за того, что следует ругнуть» [5, с. 140]. И Долмат Лутохин «ругнул с резоном». Его критические оценки в большинстве своем выглядят вполне обоснованными в первую очередь потому, что «Социология революции» не оценивается Лутохиным как отдельное научное исследование, вырванное из контекста развития социологической науки начала 1920-х гг. Наоборот, работа оценивается с позиции добытого нового знания в обозначившееся в социологии и психологии того времени учение о революции. Одним словом, Долмат Александрович стал единственным среди рецензентов, кто предпринял попытку оценить состояние научной литературы относительно вопроса о социологии и психологии революции на момент выхода книги Питирима Сорокина. Свою рецензию Лутохин начинает с обзора немецкой литературы по данному вопросу. Перейдя к составлению отзыва о труде Сорокина, он начинает с того, что знакомит читателя с автором «Социологии революции», кратко резюмируя его деятельность в России до 1922 г. После этого открывает свою рецензию следующими словами: «Несмотря на то, что автор [речь о П. А. Сорокине] не новичок в научной литературе, книга написана с исключительной легковесностью. Нового для него в книге очень немного. Значительную часть развиваемых в ней мыслей он излагал – пусть не так грубо и под заглушавшим “запах” соусом – еще на страницах выходивших в Советской России журналов “Вестник литературы”, “Утренники”, “Экономист”» [8, с. 642]. Далее следуют разного рода замечания по книге. Завершает же свой обзор Лутохин следующими словами: «Мы были бы рады, если бы “блудному сыну” русской социологии стало бы когда-нибудь стыдно за его “Sociology Revolution”» [8, с. 648]. Сорокина, по-видимому, глубоко задели слова соотечественника, в некоторой мере неприятно затронули его самолюбие, что и привело к точке в отношениях, которую и поставил Сорокин. О разрыве творческих и дружеских связей с Долматом Александровичем он сообщает в письме, адресованном Никите Ефимовичу Шаповалу 17 июня 1925 г. Позволим себе заглянуть в это письмо и привести обширную цитату. «Первый из русских отзывов в “Воле России”, написанный Репейниковым, сиречь моим приятелем Д. Лутохиным, коего я устроил в Чехословакии, что называется, облил не только книгу, но и меня самого грязными помоями. Как это типично для российско-беспардонно-интеллигентского перекати-поле. Я не в обиде за резкий отзыв о книге – в этом всякой волен иметь какое угодно мнение, особенно такой безграмотный рецензент, как Лутохин. Но… не только приятель, который после писания продолжает слать мне самые приятельские письма и просьбы, но и честный недруг прежде, чем обвинять “в продаже капиталистам”, обязан выяснить, так ли это. Сей рецензент-приятель не сделал этого. <…> Прочтя статью Лутохина и получив от него потом очень милое письмо, я ответил лишь, что его поведение кажется мне странным: назвав меня публично мошенником, он продолжает писать мне. Со своей стороны я – так называемый “продажный блудный сын” – отныне не нахожу возможным иметь какие

бы то ни было сношения с ним, так как всякому снисхождению есть мера» [10, с. 564, 565]. Так «Социология революции» завершила отношения двух приятелей.

В качестве финального критерия оценки «Социологии революции» выделим его эмоциональность.

Российско-немецкий философ, социолог Ф. А. Степун в очерке «Религиозный смысл революции» отмечал, что работа его соотечественника Сорокина «публицистически очень страстная» [11, с. 388]. С ним солидарен Джон Грирсон, отметивший, что социолог «эмоционален» и «позволяет своему настроению прорываться наружу» [8, с. 634]. Не согласен со своими коллегами профессор Гарвардского университета Абботт, который, наоборот, исследование Сорокина считает «объективным и на редкость спокойным описанием революции и ее результатов» [8, с. 629]. Добавим, что эмоциональность изложения присутствует в труде Сорокина, когда речь касается анализа Русской революции 1917 г., что вполне понятно, зная биографию социолога.

Таким образом, исследование П. А. Сорокина, посвященное анализу революции как социального явления, широко обсуждалось в научных кругах, что нашло отражение как в специализированных научных журналах, так и в личной переписке ученого. Социолог смело заявил о себе по приезде в Америку, издав друг за другом два крупных труда, включая «Социологию революции». Несмотря на то что сам Сорокин в переписке с близкими друзьями отмечает большое количество похвальных отзывов о его «Системе социологии», имеющиеся в распоряжении автора настоящей статьи рецензии скорее говорят об обратном. Да, книга имела высокие положительные оценки по ряду критериев, но критических замечаний со стороны современников Сорокина все же наблюдается больше.

Библиографический список

1. **Голосенко, И. А.** Питирим Сорокин: судьба и труды / И. А. Голосенко. – Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1991. – 246 с.
2. **Василенко, В. В.** П. А. Сорокин: опыт интеллектуальной биографии (1889–1968) / В. В. Василенко ; Министерство образования и науки РФ ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. – 215 с.
3. **Федякина, Е. В.** Питирим Александрович Сорокин: общественная и научная деятельность : монография / Е. В. Федякина ; Федеральное агентство по образованию ; Самарский государственный университет. – Самара : Самарский ун-т, 2007. – 173 с.
4. **Русанова, В. С.** Питирим Александрович Сорокин и его неизвестные статьи в газетах партии социалистов-революционеров / В. С. Русанова // Неизвестные газетные статьи 1917 г. / П. А. Сорокин. – Москва : Перо, 2016. – С. 4–37.
5. **Дойков, Ю. В.** Две судьбы / Ю. В. Дойков // Высшее образование в России. – 2000. – № 4. – С. 135–141.
6. **Толстяков, А. П.** Кто вы, маска? Создается новый словарь псевдонимов / А. П. Толстяков // Книжное обозрение. – 1998. – № 12. – С. 16, 17.
7. **Масанов, И. Ф.** Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И. Ф. Масанов. – Москва : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957. – Т. 2. – 387 с.
8. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. В. В. Сапова. – Сыктывкар : Анбур, 2015. – 848 с.

9. **Гофман, А. Б.** Лебон / А. Б. Гофман // Большая российская энциклопедия : в 35 т. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2010. – Т. 17. – 751 с.
10. **Сорокин, П. А.** Социология революции / П. А. Сорокин. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 701 с.
11. **Степун, Ф. А.** Сочинения / Ф. А. Степун ; сост., вступ. ст., примеч., библиогр. В. К. Кантора. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 1000 с.

References

1. Golosenko I. A. *Pitirim Sorokin: sud'ba i trudy* [Pitirim Sorokin: fate and works]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo, 1991, 246 p. [In Russian]
2. Vasilenko V. V. *P. A. Sorokin: opyt intellektual'noy biografii (1889–1968)* [P. A. Sorokin: the experience of intellectual biography (1889–1968)]. Stavropol: Izd-vo SGU, 2005, 215 p. [In Russian]
3. Fedyakina E. V. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin: obshchestvennaya i nauchnaya deyatel'nost': monografiya* [Pitirim Aleksandrovich Sorokin: public and scientific activities: monograph]. Samara: Samarskiy un-t, 2007, 173 p. [In Russian]
4. Rusanova V. S. *Neizvestnye gazetnye stat'i 1917 g.* [Unknown newspaper articles of 1917]. Moscow: Pero, 2016, pp. 4–37. [In Russian]
5. Doykov Yu. V. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2000, no. 4, pp. 135–141. [In Russian]
6. Tolstyakov A. P. *Knizhnoe obozrenie* [Book review]. 1998, no. 12, pp. 16, 17. [In Russian]
7. Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: v 4 t.* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in 4 volumes]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty, 1957, vol. 2, 387 p. [In Russian]
8. *Listki iz russkogo dnevnika. Sotsiologiya revolyutsii* [Leaflets from the Russian diary. Sociology of revolution]. Syktyvkar: Anbur, 2015, 848 p. [In Russian]
9. Gofman A. B. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: v 35 t.* [Great Russian Encyclopedia: in 35 volumes]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 2010, vol. 17, 751 p. [In Russian]
10. Sorokin P. A. *Sotsiologiya revolyutsii* [Sociology of revolution]. Moscow: ROSSPEN, 2005, 701 p. [In Russian]
11. Stepun F. A. *Sochineniya* [Works]. Moscow: ROSSPEN, 2000, 1000 p. [In Russian]

Русанова Вера Сергеевна
аспирант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, 55)

Rusanova Vera Sergeevna
Postgraduate student, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55 Oktyabrskiy avenue, Syktyvkar, Russia)

E-mail: vera.petrashun@yandex.ru

Образец цитирования:

Русанова, В. С. «Социология революции» П. А. Сорокина в оценках современников / В. С. Русанова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 32–39. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-4.

УДК 930 (470–571) : 398. 23
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-5

В. А. Бондарев

ПРОИСШЕСТВИЕ В КРЕМЛЕ В 1921 г.: ЗАМЕТКИ О КРИТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование такой актуальной темы, как социальные устои, менталитет, разнообразные стороны и области повседневности советского общества, его поведенческие принципы и практики, правила и нормы взаимоотношений с властью требует расширения эмпирической базы и привлечения новых источников, в том числе фольклорных. Данное обстоятельство придает особую значимость критическому анализу фольклорных источников, что достигается, в частности, сопоставлением таковых с архивными материалами. Цель работы – путем сравнительного анализа архивных документов и фольклорных источников (политических анекдотов) обосновать мнение о том, что последние представляют собой надежную основу в процессе исследования отдельных аспектов действительности Советской России 1917–1921 гг.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач достигнута на основе комплексного анализа и использования фольклорных источников (в частности, советских политических анекдотов), свидетельств и воспоминаний современников, архивных документов из Российского государственного архива социально-политической истории, в том числе впервые вовлеченных в научный оборот. В методологическом плане исследование зиждется на таком приеме источниковедческой критики, как сравнительный анализ разноплановых свидетельств о прошлом, в данном случае – фольклорных источников (политических анекдотов) и архивных документов.

Результаты. Проанализировано содержание характерных образцов политических анекдотов о большевистской элите периода Гражданской войны. Выявлены ведущие тенденции содержания данной категории политических анекдотов и установлены причины возникновения этих тенденций. Осуществлена источниковедческая критика ряда политических анекдотов, что было достигнуто путем сравнительного анализа указанных фольклорных источников, с одной стороны, и опубликованных воспоминаний современников и архивных документов – с другой.

Выводы. Сравнительный анализ архивных документов и политических анекдотов дает основания уверенно утверждать, что последние не являются плодом фантазии, но опираются на действительные факты и тем самым в полной мере могут быть использованы как исторические источники в процессе исследования взаимоотношений общества и большевистского режима в 1917–1921 гг. Результаты источниковедческой критики анекдотов, привлеченных для написания настоящей публикации, свидетельствуют о том, что содержащиеся в них негативные оценки морального облика и поведения большевистской элиты не являются преувеличением и верно отражают отношение значи-

© Бондарев В. А., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

тельной части общества к определенной части представителей партийно-советского аппарата.

Ключевые слова: анекдот, большевики, голод 1921–1922 гг., исторические источники, Кремль, фольклор.

V. A. Bondarev

THE KREMLIN ACCIDENT IN 1921: NOTES ON CRITICAL ANALYSIS OF FOLKLOR SOURCES

Abstract.

Background. The study of such topical issues as social foundations, mentality, various aspects and areas of everyday life of the Soviet society, its behavioral principles and practices, rules and norms of relations with the authorities requires the expansion of the empirical base and the involvement of new sources, including folklore. This circumstance gives special importance to the critical analysis of folklore sources, which is achieved, in particular, by comparing them with archival materials. The aim of the work is to substantiate the opinion by comparative analysis of archival documents and folklore sources (political anecdotes) that the latter represent the basis in the process of studying certain aspects of the Soviet Russia of 1917–1921.

Materials and methods. Realization of research tasks is provided on the basis of complex application of folklore sources, testimonies and memoirs of contemporaries, archival documents from the Russian state archive of social and political history, including, for the first time involved in scientific turnover. In methodological terms, the study is based on such a method of source criticism as a comparative analysis of diverse evidence about the past, in this case – folklore sources (political anecdotes) and archival documents.

Results. The content of characteristic samples of political anecdotes about the Bolshevik elite of the Civil war period is analyzed. Source criticism of a number of similar folklore sources was carried out, which was achieved by comparative analysis of anecdotes, on the one hand, and published memoirs of contemporaries and archival documents, on the other.

Conclusions. Comparative analysis of archival documents and political anecdotes gives grounds to confidently assert that the latter are not a figment of imagination, but are based on actual facts and, thus, can be fully used as historical sources in the study of the relationship between society and the Bolshevik regime in 1917–1921. The results of source criticism of anecdotes indicate that the negative assessments of the moral appearance and behavior of the Bolshevik elite contained in these folklore sources are not exaggeration and correctly reflect the attitude of a significant part of society to a certain part of the representatives of the party-Soviet apparatus.

Keywords: anecdote, the Bolsheviks, famine in 1921–1922, historical sources, the Kremlin, folk.

Непременным условием исследовательской деятельности историка, без которого невозможен глубокий анализ событий прошлого и реконструкция минувшей реальности, выступает поиск, изучение, осмысление исторических источников, каковыми являются «все продукты деятельности людей, содержащие в себе факты, которые доносят до нас реальные явления общественной жизни в единстве непосредственного и опосредованного отражения

[таковой] и свидетельствуют о… процессе развития человеческого общества» [1, с. 20]. Для любого профессионального исследователя прошлого является аксиомой, что обширность и разнообразие эмпирической базы прямо пропорциональны основательности его суждений и выводов. В этой связи при работе с историческим материалом необходимо стремиться к накоплению разноплановых источников вне зависимости от того, будут ли они вещественными, письменными, устными и т.д.

Не менее важным условием результативной деятельности историка является тщательный источниковедческий анализ, направленный на установление степени полноты и достоверности содержащейся в источнике информации. При этом видовая принадлежность источников нередко оказывает определяющее воздействие на осуществление их критического анализа, облегчая либо, напротив, затрудняя его. Одними из наиболее сложных объектов источниковедческой критики выступают фольклорные источники – легенды, предания, песни, былины, сказки, анекдоты и т.п. Отмеченная категория источников весьма востребована в процессе исторической реконструкции, поскольку позволяет не только дополнить, но и скорректировать информацию, содержащуюся в документах. В частности, в XX в. получил распространение такой фольклорный жанр, как анекдоты – «остроумные миниатюры», «короткие остросюжетные, часто смешные рассказы о реальных исторических деятелях и знаменательных событиях…» [2, с. 3, 4], а равно и о самых разных явлениях человеческой обыденности. Поскольку в анекдоте «сатирически заостренно воспроизводится злободневная ситуация с фиксацией типических и особенных черт» [3, с. 10], данное фольклорное произведение представляет собой один из наиболее выразительных источников не только о ситуации в обществе в тот или иной исторический период, но и о распространенных в этом обществе идеях, настроениях, предпочтениях. Помимо прочего, анекдоты позволяют выяснить, сколь критичным было отношение общества к коммунистической доктрине, советскому официозу, тем или иным мероприятиям большевиков в 1920-х – 1930-х гг. Здесь нельзя не согласиться с мнением Ю. Б. Борева, «почти полвека» [2, с. 5] собиравшего советские политические анекдоты, о том, что этот фольклорный жанр «явил неофициозную мифологию эпохи» [2, с. 5].

Важность фольклора (в том числе анекдотов) как исторического источника неоспорима, но, повторимся, его источниковедческая критика затруднена. Сложность анализа фольклорных произведений предопределена тем обстоятельством, что они принадлежат к числу устных источников и были записаны гораздо позже, чем возникли, и много позже, чем произошли те события, о которых в этих легендах повествуется. При изустной передаче на протяжении десятилетий и столетий эти сказания и предания более или менее видоизменялись: новые поколения рассказчиков вносили в них какие-либо дополнения, из-за чего они все более отдалялись от оригинала и, соответственно, от подлинных исторических фактов. Сопоставить же поздние варианты фольклорных произведений с оригиналом и тем самым выявить и устранить позднейшие напластования невозможно по понятным причинам. Кроме того, поскольку фольклор сопряжен с вымыслом и гиперболой, никоим образом нельзя поручиться за то, что содержание тех же политических анекдотов опирается на факты и соответствует действительности.

Наилучшим средством анализа фольклора является сопоставление фольклорных произведений с письменными источниками, но сделать это можно отнюдь не всегда (особенно в том случае, если события, отраженные в легендах, происходили в дописьменный период). В том числе задача проверки информации, предоставляемой советским анекдотом, зачастую и как правило представляется крайне сложной из-за отсутствия в распоряжении историка соответствующих письменных источников, которые позволили бы выявить, есть ли в этих «остроумных миниатюрах» историческое зерно и насколько оно скрыто и деформировано воображением рассказчиков и эффектом «испорченного телефона». Все это заставляет исследователей с определенной (нередко изрядной) долей скепсиса относиться к фольклору и, в том числе, анекдоту как историческому источнику.

Все же задача источниковедческого анализа фольклора в целом и анекдотов в частности вовсе не является невыполнимой. Упорный целенаправленный поиск позволяет историку обнаружить в архивных фондах, в опубликованных документах, в прессе, мемуарах подтверждение той информации, которую доносит до нас фольклор. Иногда благосклонный случай предоставляет исследователю поистине уникальную возможность обнаружить факты, послужившие основой того или иного анекдота. Один из таких случаев лег в основу настоящей публикации.

Среди популярных сюжетов советского фольклора, в особенности политических анекдотов, присутствует высмеивание созданного официозом облика большевистских вождей, которые наделялись всеми мыслимыми достоинствами и изображались как плоть от плоти народа, как аскеты и бессребреники, личным примером призывавшие к нестяжательству, соблюдению социальной справедливости, заботе о простых людях. Эталоном подобного лидера выступал, разумеется, В. И. Ленин: его современники, а затем и последующие творцы ленинианы всегда подчеркивали личную скромность и бытовую непритязательность Ильича.

Показательны воспоминания первого коменданта Кремля П. М. Малькова, занимавшего этот чрезвычайно важный пост в самые тяжелые для советского правительства времена – с марта 1918 г. по апрель 1920 г. Мальков утверждал, что «питался Ильич плохо, нередко оставался без сахара, чая, без крупы, уже не говоря о мясе, масле. Обеды он получал из той же кремлевской столовой, но обеды-то были никудышные. Жидкий суп, пшенная каша, одно время была солонина, красная кетовая икра – и все. И ведь это только обед, а надо еще завтракать, ужинать…». Хотя «у меня», вспоминал Мальков, «всегда был некоторый резерв продуктов для неотложных нужд» и потому при наличии желания у Ленина можно было сделать его стол более богатым и разнообразным, «ни разу» ни сам Ильич, «никто из его близких не обратились ко мне за продуктами. Больше того, несколько раз я пытался сам занести что-нибудь из провизии на квартиру Ильича, и всегда дело кончалось отказом». Далее в воспоминаниях Малькова упоминается явление, которое впоследствии стало хрестоматийным в рамках ленинианы: «А сколько раз, бывало, Ленину привозили или присылали любовно собранные продуктовые посылки! Слали товарищи, везли делегаты сел и деревень. И никогда Ильич ничего не оставлял себе, все передавал в школы и детские дома ребятам» [4, с. 133].

Сходными добродетелями наделялись и другие большевистские вожди, а масса менее высокопоставленных партийно-советских чиновников, как подразумевалось, обязана была следовать их примеру и соблюдать строжайшую умеренность в материально-бытовом отношении. Такова была официальная позиция, опиравшаяся на партийную этику и растиражированная в литературе и кинематографе.

Напротив, анекдоты изображают партийную элиту, представителей партаппарата и советское чиновничество в совершенно ином виде – как аморальных субъектов, озабоченных лишь собственным благополучием и не желающих слышать о нуждах народа. Наиболее это характерно для тех анекдотов, которые возникли в наиболее трудные для Советского государства годы – в частности, в период Гражданской войны и в условиях голода 1921–1922 гг. Как свидетельствуют письменные источники – официальные доклады и отчеты, пресса, мемуары, письма, прошения, заявления современников в органы власти – это было время «невероятных лишений и страданий», когда крайне неудовлетворительное «материальное положение было главным фактором недовольства новой властью» [5, с. 52, 53]. О том же повествуется и в анекдотах, в которых нередко отражен дефицит одежды и обуви: по улице идет человек в одном сапоге и на вопрос прохожего, не потерял ли он второй сапог, отвечает: «Да нет, нашел!» [6, с. 14]. Еще чаще анекдоты говорят об остром недостатке продуктов питания. Характерен, например, анекдот, где учительница читает классу басню И. А. Крылова «Ворона и лисица» и после слов «вороне как-то бог послал кусочек сыра…» недоумевающие ученики вопрошают: «А разве бог есть?», «а разве есть сыр?» [6, с. 13].

В то же время фольклорные произведения рисуют неприглядный образ правителей Советской России, которые, сидя в Кремле, не испытывали материальных лишений. В разнообразных преданиях и байках заявлялось, что во время Гражданской войны «существовали особые продотряды, снабжавшие продуктами кремлевских руководителей», и, как результат, пищи в Кремле было даже слишком много, поэтому, когда «у Ленина как-то испортилась бочка соленой рыбы», он попросту «приказал ее выбросить». Творцы и хранители фольклора настаивали, что список продуктов, имевшихся в Кремле, был весьма обширным и в него, помимо таких непритязательных категорий съестного, как горох, капуста, картошка, кукуруза и т.п., входили и деликатесы вроде баранины, ветчины, грудинки, колбасы, кетовой икры и т.д. [2, с. 51].

Надо сказать, что у советского общества были весомые основания для того, чтобы изображать представителей власти в черном цвете. Низовые работники советского аппарата (в частности, сотрудники сельских советов), с которыми чаще всего приходилось сталкиваться рядовым гражданам, нередко злоупотребляли своим положением, брали взятки, вели разгульный образ жизни. Не случайно современники констатировали, что, хотя «деревня за советскую власть… но ту власть, которая есть на месте, она не считает достаточно хорошей, достаточно работоспособной» [7, л. 65].

Кроме того, в условиях централизованного распределения продуктов питания и промышленных товаров, установленного в РСФСР в соответствии с политикой «военного коммунизма», представители большевистского режима находились в привилегированном положении в сравнении с обычными гражданами. Со времен Гражданской войны одним из знакомых символов

советского общественного устройства становится так называемый закрытый распределитель – магазин, где могли отовариваться по карточкам работники промышленных предприятий [8, с. 513], а равно и представители власти. Подобный распределитель времен Гражданской войны для партийно-советской элиты описал в «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернак. Писатель повествовал на страницах своего знаменитого романа, как главный герой, доктор Юрий Андреевич Живаго, и его тесть, профессор-агроном Александр Александрович Громеко, за оказанные советскому правительству услуги были награждены «в наилучшей по тому времени форме» – ордерами в закрытый распределитель, который «помещался в каких-то гарнизонных складах у Симонова монастыря», в глубоком каменном подвале [9, с. 245]. Кладовщик потребовал у доктора и его тестя их тару, а затем «у обоих глаза вылезли на лоб, когда в подставленные чехлы от дамских подушечек, называемых думками, и более крупные наволочки им стали насыпать муку, крупу, макароны и сахар, насовали сала, мыла и спичек и положили каждому еще по куску чего-то завернутого в бумагу, что потом, дома, оказалось кавказским сыром» [9, с. 246]. Впоследствии закрытый распределитель превратился в «магазин для работников партийно-правительственного аппарата, где они могли покупать дефицитные продукты по низким ценам» [8, с. 513], ибо, как с иронией писал М. С. Восленский, «вкусная и здоровая пища – предмет постоянной заботы номенклатурщика и обслуживающего его персонала» [10, с. 290].

То есть фольклорные произведения о том, что партийно-советские чиновники в 1917–1922 гг. не соблюдали ими же воспеваемый принцип социальной справедливости и являлись привилегированными потребителями продуктов питания, в сравнении с рядовыми гражданами, коррелируют с массой других источников. Но зачастую предания об особых продотрядах для снабжения Кремля, о поедании высокопоставленными большевиками и лично Лениным разнообразных деликатесов в то время, когда страна голодала, иные подобные легенды и анекдоты невозможно проверить и гарантировать, что они хотя бы в малой мере соответствуют действительности. Так, не приходится сомневаться, что в кладовых Кремля была кетовая икра, ибо о ней упоминает сам кремлевский комендант П. М. Мальков, который вовсе не был заинтересован в очернении большевистских вождей. Но как быть с бочкой протухшей соленой рыбы, которую якобы Ленин приказал выбросить? Весьма сомнительно, что в архивах сохранились какие-либо документы, которые могут подтвердить эту легендарную информацию.

Все же в ряде случаев архивы предоставляют исследователю возможность убедиться, что неправдоподобная, казалось бы, ситуация, с блеском обрисованная в анекдоте, все же имела место в действительности. Так произошло с автором настоящей публикации.

В изданной в 2002 г. работе Б. М. Сарнова «Наш советский новояз» автор статьи прочитал анекдот о том, как В. И. Ленину доложили, что «какие-то старые его товарищи по партии, люди с большими (в прошлом) революционными заслугами, морально разложились. Устраивали какие-то пьянки и чуть ли даже не афинские ночи. Дело происходило в квартире, размещавшейся в первом этаже, и кто-то из прохожих увидал в окно, чем занимаются почтенные “старые большевики”» [11, с. 18]. Ильич, выслушав это донесение, возмутился и объяснил свое недовольство поведением «старых большевиков»

следующим образом: «Позо*г*! Ста*г*ые *г*еволюционе*г*ы! Конспи*г*ато*г*ы! Што*г*у не догадались заде*г*нуть…» [11, с. 18]. Мораль анекдота, таким образом, заключалась в том, что Ленин не находил ничего предосудительного в сибаритстве партийных функционеров в тяжелое для страны время и, следовательно, сам знал в таком сибаритстве толк. Антисоветская направленность анекдота очевидна и совершенно логичным выглядит предположение, что сочинили его отнюдь не друзья большевиков. Однако, в какой мере обрисованная в этой миниатюре ситуация соответствовала действительности, сказать было решительно невозможно.

Так случилось, что во время очередного посещения Российского государственного архива социально-политической истории, нами было заказано архивное дело, в котором были собраны документы, датированные январем 1921 г. – апрелем 1929 г. Будучи историком-аграрником, автор статьи надеялся отыскать в этих документах интересующие его сведения о ситуации в российской (советской) деревне периода нэпа. Каково же было его удивление, когда, помимо подобных сведений, автор статьи наткнулся на заметку (или лучше сказать докладное письмо) красноармейца Первого эскадрона кавалерийского дивизиона Первой объединенной военной школы им. ВЦИК Советов В. Крылова под названием «Не отгаданная загадка».

Крылов утверждал, что он был дежурным по эскадрону, который, как и кавдивизион Первой объединенной военной школы им. ВЦИК Советов, располагался в Кремле. Дежурство проходило в ночь с 30 сентября на 1 октября; Крылов не указал в своей записке год, но, судя по содержанию документа, это был 1921 г. Во время дежурства красноармейцу довелось быть свидетелем странной картины, приведшей его в состояние сильнейшего возмущения.

В половине первого часа ночи, утверждал Крылов, «в здании с восточной стороны от Камчатки (по-видимому, красноармейцы называли так какое-то здание в Кремле. – *В. Б.*), где помещается Кавдивизион, … комната нижнего этажа, угловая с левой стороны от Камчатки осветилась электричеством…» [12, л. 2]. Что же увидел Крылов в ярко освещенной комнате? «Пред освещенным окном стоял стол, вокруг которого суетились люди… Обгоняя один другого, они ставили на стол разнообразные закуски и вина… Здесь были белые пироги, жаренное, арбузы, дыни, напитки с красными головками на бутылках и другие сладости… Вскоре стол был уставлен по буржуазному и неизвестные лица уселись за него. Здесь было несколько мужчин и женщин, среди которых были и пожилые, все они занялись оживленными разговорами, жестикулируя руками, они опустошали бутылку за бутылкой, белые пироги и другие сладости, все это отправлялось в утробу ненасытно уплетающих и постепенно стало исчезать со стола» [12, л. 2].

Крылов был возмущен увиденным и в своей записке объяснил возмущение так: «Перед глазами предстала картина голодающего Поволжья» [12, л. 2] (эти слова и позволяют предположить, что письмо датировано 1921 г., поскольку голод в основном прекратился весной 1922 г.). Красноармеец не замедлил доложить о таинственном пиршестве дежурному по кавдивизиону, а тот – дежурному по школе. Последний вскорости прибыл на место происшествия в сопровождении дежурного политрука. Но они не приняли никаких мер к пресечению творившегося безобразия и удалились, причем политрук «уверенно сказал: “здесь ничего особенного нет”» [12, л. 2].

Не удовлетворившись успокоительными заверениями политрука, Крылов в сопровождении еще нескольких красноармейцев бросился к коменданту Кремля, которым в данное время являлся уже не П. М. Мальков, а Р. А. Петерсон. Того не оказалось на месте, но Крылов обратился к его помощнику. Однако и помощник коменданта Кремля «не только не принял никаких мер, но ничего не сказал и ушел во свояси… [И это] Помкомкремля, который должен устранять все ненормальные явления в стенах Кремля[,] где помещается сердце революции, где помещаются наши героические вожди, где помещается все то, от чего зависит благо и жизнь мирового пролетариата и крах капитала» [12, л. 2] – патетически восклицал Крылов. В конце концов пировавших кто-то предупредил, потому что, как писал Крылов, они «занавесили окно, чтобы укрыться от наших взоров». Кто рекомендовал неизвестным гурманам отгородиться от внешнего мира, Крылов сказать не мог, но многозначительно добавлял: «Главное то, что занавес[ь] появилась вскоре после ухода от нас помкомкремля» [12, л. 2].

Сопоставление записки В. Крылова и анекдота о проштрафившихся «старых большевиках» позволяет с полной уверенностью утверждать, что, во-первых, последний не является чистым вымыслом, а основан на действительных событиях. Во-вторых, документ за авторством В. Крылова, равно как и содержащийся в книге Б. М. Сарнова анекдот, подкрепляют свидетельства других (и достаточно многочисленных) источников, согласно которым большевистская элита была вовсе не столь демократична и аскетична, как утверждал советский официоз. По крайней мере данное суждение вполне применимо к некоторой части высокопоставленных функционеров компартии.

В целом же представляется возможным уверенно констатировать, что фольклорные источники в целом (и в частности анекдоты и предания о советском обществе 1917–1921 гг.) обладают значительным познавательным потенциалом. При условии тщательного источниковедческого анализа эти источники с полным правом могут выступить в качестве одного из компонентов эмпирической базы научного исследования истории советского (раннесоветского) общества, в частности – доминировавших в этом обществе настроений и его взаимоотношений с большевистским режимом.

Библиографический список

1. **Пронштейн, А. П.** Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – 2-е изд., доп. и исправ. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1976. – 480 с.
2. **Борев, Ю. Б.** История государства советского в преданиях и анекдотах / Ю. Б. Борев. – Москва : РИПОЛ, 1995. – 256 с.
3. **Никоненко, Ст.** Наука зрения Пантелеймона Романова / Ст. Никоненко // Повести и рассказы / П. Романов ; сост., вступ. ст. Ст. Никоненко. – Москва : Художественная литература, 1990. – С. 3–18.
4. **Мальков, П. Д.** Записки коменданта Кремля / П. Д. Мальков. – 3-е изд. – Москва : Молодая гвардия, 1967. – 264 с.
5. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 328 с.
6. История СССР в анекдотах. 1917–1992. – Смоленск : Смядынь, 1992. – 352 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023.

8. **Мокиенко, В. М.** Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
9. **Пастернак, Б. Л.** Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак. – Москва : Советская Россия, 1989. – 640 с.
10. **Восленский, М. С.** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – Москва : Советская Россия : Октябрь, 1991. – 624 с.
11. **Сарнов, Б. М.** Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. М. Сарнов. – Москва : Материк, 2002. – 600 с.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 204.

References

1. Pronshteyn A. P. *Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya* [Methodology of historical source study]. 2nd ed., suppl. and corr. Rostov-on-Don: Izd-vo RGU, 1976, 480 p. [In Russian]
2. Borev Yu. B. *Istoriya gosudarstva sovetskogo v predaniyakh i anekdotakh* [The history of the Soviet state in legends and anecdotes]. Moscow: RIPOL, 1995, 256 p. [In Russian]
3. Nikonenko St. *Povesti i rasskazy* [Tales and stories]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990, pp. 3–18. [In Russian]
4. Mal'kov P. D. *Zapiski komendanta Kremlya* [Notes of the Kremlin commandant]. 3d ed. Moscow: Molodaya gvardiya, 1967, 264 p. [In Russian]
5. *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobytiyakh 1918–1932 gg.* [The voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918–1932]. Execut. ed. A. K. Sokolov. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997, 328 p. [In Russian]
6. *Istoriya SSSR v anekdotakh. 1917–1992* [The history of the USSR in anecdote. 1917–1992]. Smolensk: Smyadyn', 1992, 352 p. [In Russian]
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 84. D. 1023. [In Russian]
8. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 1998, 704 p. [In Russian]
9. Pasternak B. L. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989, 640 p. [In Russian]
10. Voslenskiy M. S. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya: Oktyabr', 1991, 624 p. [In Russian]
11. Sarnov B. M. *Nash sovetskiy novoyaz. Malen'kaya entsiklopediya real'nogo sotsializma* [Our Soviet newspeak. Little Encyclopedia of Real Socialism]. Moscow: Materik, 2002, 600 p. [In Russian]
12. *RGASPI*. F. 17. Op. 86. D. 204.

Бондарев Виталий Александрович
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет (Россия, г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1)

E-mail: vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Bondarev Vitaliy Aleksandrovich
Doctor of historical sciences, associate professor, professor of the sub-department of history and cultural studies, Don State Technical University (1 Gagarin square, Rostov-on-Don, Russia)

Образец цитирования:

Бондарев, В. А. Происшествие в Кремле в 1921 г.: заметки о критическом анализе фольклорных источников / В. А. Бондарев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 40–49. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-5.

УДК 94:34
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-6

О. В. Ильина

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В 1930-е гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность изучения определяется необходимостью выявления различных миграционных потоков сельского населения, в том числе осуществляемых под контролем государства, и их влияния на демографические процессы в среде сельского социума. Цель исследования предполагает характеристику организованного набора как форму перемещения крестьян из села в город.

Материалы и методы. Результаты исследования строятся на анализе нормативно-правовых источников, которые регулировали подготовку и проведение оргнабора среди крестьян, а также статистических материалов, характеризующих количественные и качественные показатели динамики численности сельского населения. Методология исследования опирается на историко-сравнительный и статистический методы, использование которых позволило выявить причины, содержание и итоги государственной политики в области формирования кадрового состава промышленных предприятий в период индустриализации.

Результаты. Изучены основные формы миграции жителей села, определено место и значение организованных наборов в реализации экономических задач государства, показана динамика в регулировании перемещения крестьян от стихийных форм к организованной государством миграционной политике.

Выводы. На основе анализа документальных и историографических источников сделан вывод о противоречивом характере мероприятий государства по формированию кадров рабочих среди крестьян, выявлено, что оргнабор занимал незначительное место в механическом движении сельского населения и не оказывал существенного влияния на изменение численности жителей села.

Ключевые слова: сельское население, миграция, кадровая политика государства, организованный набор рабочей силы в 1930-е гг.

O. V. Il'ina

LEGAL REGULATION OF LABOR MIGRATION IN THE 1930s

Abstract.

Background. The relevance of the study is determined by the need to identify various migration flows of rural population, including those carried out under the control of the state, and their impact on demographic processes in rural society. The aim of the study is to characterize the organized set as a form of movement of peasants from the village to the city.

Materials and methods. The results of the study are based on the analysis of normative and legal sources that regulated the preparation and conduct of an organi-

© Ильина О. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

zational set among peasants, as well as statistical materials characterizing quantitative and qualitative indicators of the dynamics of the rural population. The methodology of the study is based on historic-comparative and statistical methods, the use of which allowed to identify the causes, content and results of state policy in the field of personnel formation of industrial enterprises in the period of industrialization.

Results. The main forms of migration of rural residents are studied, the place and importance of organizational sets in the implementation of economic tasks of the state is determined, the dynamics in the regulation of the movement of peasants from natural forms to the migration policy organized by the state is shown.

Conclusions. On the basis of the analysis of documentary and historiographical sources, the conclusion is made about the contradictory nature of the state's measures to form a cadre of workers among the peasants, it is revealed that the organizational sets occupied an insignificant place in the mechanical movement of the rural population and did not have a significant impact on the change in the number of villagers.

Keywords: rural population, migration, personnel policy of the state, organized labor force recruitment in the 1930s.

Механическое движение населения (миграция) представляет собой процесс, при котором происходит смена места проживания социальных групп или индивидов. Уровень миграции, ее направленность во многом зависят от общественно-политических и экономических событий, происходивших в государстве. Данные факторы влияют и на то, какие возрастные группы в наибольшей степени подвержены такому движению. Впрочем, в изучаемый период продолжает активно осуществляться начатая еще в первой четверти XX в. миграция лиц преимущественно молодых возрастов по направлению из села в город [1, с. 94–96].

В условиях развивающейся промышленности крестьяне выезжали из деревни и самостоятельно, о чем мы писали ранее [2, с. 372–377], и организованно, когда на первый план выходили задачи государства по восстановлению и развитию народного хозяйства после гражданской войны.

В 1930-е гг. целевые установки государства меняются, ставятся задачи по преодолению экономико-технической отсталости страны и увеличению численности рабочего класса. Государство берет курс на индустриализацию, а для обеспечения строящихся предприятий кадрами рабочих начинает регулировать перемещение сельских жителей в города.

Тема сельской миграции активно изучается учеными как на региональном, так и на общероссийском уровне. К рассмотрению темы привлекается широкий круг источников, в том числе материалы статистики о перемещениях населения по возрасту и полу, по местам выбытия и прибытия. Большая часть этих материалов относится к архивным документам и впервые вводится в научный оборот. Не менее интересным является и анализ законодательной базы, регулирующей этот процесс, поэтому в данной статье сделана попытка охарактеризовать круг нормативных документов, созданных государством и направленных на формирование кадров рабочих через организацию такого явления, как «отходничество». Применительно к изучаемому периоду это понятие используется как синоним понятию «организованный набор рабочих», так как большая часть нормативных документов этого периода говорит

именно об отхожих промыслах и постепенно трансформирует отходничество в организованные государством формы трудовой миграции.

В 1920-е гг. рынок труда находился в состоянии свободной конкуренции между рабочими, в условиях безработицы предприятия обеспечивали себя рабочей силой самостоятельно. Основной формой перемещения рабочей силы была стихийная миграция, в сельской местности она имела форму отходничества, а ее масштабы зависели от степени аграрного перенаселения в том или ином районе и спроса на рабочую силу в городе. Отход крестьян был связан, главным образом, с сезонными видами работ (лесозаготовки, торфоразработки и т.п.). Законодательно крестьяне-отходники сохраняли за собой земельные участки в деревне. Так, в Земельном кодексе 1922 г. было прописано, что земля крестьянина, ушедшего на трудовые заработки, сохранялась за ним в течение двух севооборотов, если это время выходило, то крестьянин наделялся землей из «земельного запаса» [3]. В целом в 1920-е гг. среди крестьян преобладал краткосрочный отход – в среднем 5 мес.

В 1930-е гг. форсированный характер индустриализации осуществлялся за счет внутренних резервов, одним из которых стали жители села, так как сельское население составляло более 80 % от общей численности населения РСФСР [4, с. 220].

Так, в 1930 г. выходит Постановление СНК СССР «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы» [5, ст. 206]. В документе делается указание на нарушения колхозных организаций и местных органов власти, которые препятствуют перемещению колхозников на строительство, лесозаготовки, рыбные промысла и прочие работы, обслуживающие новые предприятия. Наказание за такого рода нарушения довольно жесткое – уголовная ответственность. Вероятно, возникала угроза срыва показателей по выполнению первого пятилетнего плана, и государство шло на крайние меры.

Первым законодательным актом, определяющим правовой статус крестьян, работающих по найму на промышленных предприятиях, стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» [6, ст. 286]. Уже в своем названии постановление закрепляет традицию ухода крестьян на заработки в период, когда объем сельскохозяйственных работ был минимален и появлялось время для получения дополнительного дохода без отрыва от земли надолго.

Постановление 1931 г. прописывало процедуру отхода и правовое закрепление крестьян на новых производствах. Цель его публикации – привлечение колхозников и единоличников на работу в отход. Эффективность реализации постановления определялась системой льгот, которые предоставлялись «отходникам» на предприятии и сохранялись за ними как членами колхоза в сельскохозяйственной артели. Например, колхозники-отходники освобождались от всяких отчислений с заработка в общественный фонд колхозов, за ними сохранялось рабочее место и право трудоустройства при возвращении и др. Часть льгот была предусмотрена и для членов семей колхозников-отходников, но при условии их продолжения работы в колхозе. С другой стороны, предприятиям, которые вербовали рабочих в колхозах, вменялось в обязанность обеспечение отходников жильем и продовольствием, оплата их проезда к месту работы и обратно по окончании срока договора,

оплата суточных во время нахождения в пути. Все эти условия прописывались в договоре, который заключался между колхозником-отходником и предприятием.

Данный документ интересен еще и тем, что в нем государство четко определяет отрасли хозяйства, в которых существовал дефицит рабочей силы и которые были востребованы в период индустриализации. К этим отраслям относились лесозаготовки, сплав, торфоразработки, строительство и др. Эти производства не требовали высокой квалификации работников, поэтому вполне могли быть обеспечены трудовыми ресурсами села.

Необходимо отметить, что одновременно с процессом индустриализации в стране проходила кампания по коллективизации села, составным элементом которой был процесс раскулачивания. Насильственные методы внедрения новых типов хозяйствования в деревне являлись одним из факторов, определяющих желание крестьян порвать с землей и изменить свой социальный статус, поэтому отходничество становилось законным методом для осуществления этого желания. Ломка традиционного отношения крестьян к земле как собственности вела к раскрестьяниванию и увеличению численности рабочего класса в городах и рабочих поселках.

Постановление 1931 г. предусматривало льготы и колхозам, стимулирующим отход. В частности, предприятия, осуществляющие вербовку рабочей силы, а также союзные и региональные органы власти должны были создавать условия для культурно-бытового и экономического развития именно тех колхозов, которые соблюдали договорные обязательства по найму рабочих, стимулировали отход и давали наибольшее количество отходников. Меры поощрения колхозов выражались в строительстве школ, клубов, детских садов, в преимущественном снабжении сельскохозяйственными машинами, в организации столовых и т.п. Эти меры не были случайными, они показывали реальную ситуацию, при которой колхозы не хотели лишаться трудоспособных лиц, учитывая, что механизация сельского хозяйства шла медленными темпами. Политика по вербовке рабочей силы на предприятия встречала сопротивление со стороны председателей и правлений колхозов.

Материалы статистики, представляющие данные о количестве прибывших и выбывших с предприятий, показывают высокую текучесть кадров, что объясняется неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями и низкой оплатой труда неквалифицированных рабочих, в том числе и колхозников. Постановление 1931 г. в нескольких статьях указывает о лишении льгот отходников, если они прервали договор в одностороннем порядке и самовольно покинули предприятие, но даже эти меры не меняли ситуацию с текучестью кадров.

В марте 1933 г. выходит Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов», которое учитывает проблемы, возникшие ранее с набором рабочих на предприятия, и отменяет действие Постановления 1931 г. [7, ст. 116]. Почти все статьи документа посвящены вопросу необходимости заключения договора колхозника с хозяйственной организацией при обязательной его регистрации в правлении колхоза. Если такая процедура не соблюдалась, то отход носил самовольный характер и вел к исключению колхозника из колхоза. Постановление, в сравнении с предыдущими законодательными актами, регулирующими отход, являлось директивой государства,

в которой оно пыталось во многом еще стихийную миграцию крестьян поставить под свой контроль, направить ее потоки в нужном для себя направлении, обеспечить перераспределение рабочей силы с учетом дефицита или избытка кадров на том ли ином производстве.

Данная позиция находит закрепление в вышедших в 1933 г. инструкциях различных наркоматов, в которых разъясняется процедура заключения и подтверждения договоров между предприятием и колхозником, показаны возможности для продления договора и требования к колхозам не отзывать колхозников-отходников, если процедура подтверждения его участия в работе предприятия проведена в соответствии с законом.

Чтобы деятельность по набору кадров рабочих проводилась с учетом возможностей республик и областей, а также потребностей предприятий, наркомат тяжелой промышленности публикует в апреле 1933 г. постановление о применении нового закона об отходничестве из колхозов. В соответствии с этим документом создается специальный аппарат вербовщиков из рабочих предприятий, которые получают четкие указания по вербовке рабочей силы и заключению договоров с колхозами. Предприятиям вменяется в обязанность определять планы вербовки и отправлять их в вышестоящие органы, а при получении нарядов вербовки обязательно заключать договор с колхозом на содействие вербовке и оказывать материальную и организационно-техническую помощь колхозу, чтобы последний обеспечил максимальное высвобождение рабочей силы для отходничества [8].

Подробная регламентация процедуры, связанной с вербовкой рабочей силы, с одной стороны, давала возможность для систематизации и контроля трудовой миграции, с другой – не решала ряда проблем по найму на местах. Например, составленные наряды по набору не учитывали численность трудоспособного населения в колхозах, также часто происходили злоупотребления вербовщиков, которые уговаривали крестьян порвать договор с одной хозяйственной организацией, уже выдавшей им аванс, и заключить с другой. Учитывая такую ситуацию, Правительство издает Постановление от 21 июля 1938 г. «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов» [9, № 847]. В соответствии с этим документом шел пересмотр нарядов по республикам и областям, в ряде регионов, которые имели достаточное количество рабочих рук, создавались группы планирования набора рабочих и комиссии по организованному набору рабочей силы, ряд должностей для контроля этого процесса (уполномоченные, инспекторы). Постановление подробно прописывало условия набора рабочей силы: оплату проезда и сопровождение до нового места работы, выдачу аванса, устройство в общежитие и на предприятие, создание условий для повышения квалификации колхозников за счет предприятия. Кроме этого, принятым на работу колхозникам оформляли паспорта, а в случае их желания закрепиться на предприятии на постоянной основе перевозили в город членов их семей.

Таким образом, анализ изученных документов дает основания утверждать, что в 1930-е гг. перед государством стояла задача формирования постоянных кадров для растущего числа промышленных предприятий и повышения их квалификации в условиях модернизации производства. Заинтересованные в сохранении рабочей силы предприятия сами создавали условия для перехода сезонных рабочих в категорию постоянных. Они постепенно улуч-

шали жилищно-бытовые условия новых работников, повышали квалификацию бывших колхозников, изменяли оплату труда в зависимости от личного участия и квалификации. Государство, отстаивая в первую очередь развитие промышленности, активно участвовало в перераспределении рабочей силы между городом и деревней, создавало правовые основы для этого процесса. Однако охват сельского населения отходничеством (оргнабором) был незначительным по сравнению со стихийной миграцией жителей села, и государству приходилось проводить миграционную политику под влиянием тех процессов, которые уже происходили в деревне. В целом миграционная картина 1930-х гг. имела ярко выраженное направление из села в город (рабочий поселок). Это оказывало негативное влияние на демографическое положение сельских населенных пунктов и вело к сокращению сельского населения в последующие десятилетия, постарению жителей села [10, с. 30, 31].

Библиографический список

1. **Жукова, В. С.** Адаптация сельских жителей к городской среде в начале XX в. (на материалах дневника И. Г. Глотова) / В. С. Жукова // Романовские чтения – 11 : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Могилев, 2016. – С. 94–96.
2. **Ильина, О. В.** Влияние миграции на трудовые ресурсы северной деревни в 1940-е гг. (по материалам Вологодской и Кировской областей) / О. В. Ильина, Д. Н. Конышев // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Москва ; Уфа, 2016. – С. 372–377.
3. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1922. – 15 ноября. – № 68. – Ст. 901.
4. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. Т. 1. 1900–1939 гг. / отв. ред. изд. Ю. А. Поляков ; отв. ред. 1 т. В. Б. Жиромская. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 463 с.
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). – 1930. – № 18. – Ст. 206.
6. СЗ СССР. – 1931. – № 42. – Ст. 286.
7. СЗ СССР. – 1933. – № 21. – Ст. 116.
8. О применении нового закона об отходничестве из колхозов. Постановление НКТП // За индустриализацию. – 1933. – 23 апреля.
9. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: www.libussr.ru
10. **Ильина, О. В.** Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. : монография / О. В. Ильина. – Вологда, 2011. – 120 с.

References

1. Zhukova V. S. *Romanovskie chteniya – 11: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf.* [Romanov readings – 11: proceedings of International scientific conference]. Mogilev, 2016, pp. 94–96. [In Russian]
2. Il'ina O. V., Konyshev D. N. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Agrarian History Yearbook of Eastern Europe]. Moscow; Ufa, 2016, pp. 372–377. [In Russian]
3. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva* [Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government]. 1922, 15 Nov., no. 68, art. 901. [In Russian]
4. *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki: v 3 t. T. 1. 1900–1939 gg.* [The population of Russia in the XX century. Historical essays: in 3 volumes. Volume 1. 1900–1939]. Execut. ed. Yu. A. Polyakov; execut. ed. 1 vol. V. B. Zhiromskaya. Moscow: ROSSPEN, 2000, 463 p. [In Russian]

5. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR]. 1930, no. 18, art. 206. [In Russian]
6. *SZ SSSR*, 1931, no. 42, art. 286.
7. *SZ SSSR*, 1933, no. 21, art. 116.
8. *Za industrializatsiyu* [For industrialization]. 1933, 23 Apr. [In Russian]
9. *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [Library of normative legal acts of the USSR]. Available at: www.libussr.ru [In Russian]
10. Il'ina O. V. *Demograficheskie protsessy v derevne Evropeyskogo Severa Rossii v 1940–1950-e gg.: monografiya* [Demographic processes in the village of the European North of Russia in the 1940–1950s: monograph]. Vologda, 2011, 120 p. [In Russian]

Ильина Ольга Викторовна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Вологодский государственный университет (Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15)

E-mail: kema-rodina@yandex.ru

Il'ina Ol'ga Viktorovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of Russian history, Vologda State University (15 Lenina street, Vologda, Russia)

Образец цитирования:

Ильина, О. В. Правовое регулирование трудовой миграции в 1930-е гг. / О. В. Ильина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 50–56. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-6.

УДК 94(47).084
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-7

Л. В. Изюмова

ОПЛАТА ТРУДА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ В 1930–1960-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Аннотация.

Актуальность и цели. На протяжении 1930–1960-х гг. в ходе развития колхозного строя вносились серьезные коррективы в оплату труда колхозников. Цель работы – проследить эволюцию в оплате труда руководителей колхозов. Изучение данного вопроса позволяет проанализировать политику государства в отношении различных категорий колхозного крестьянства, осветить некоторые аспекты взаимоотношений колхозной верхушки и рядовых колхозников.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Вологодской области, Вологодского областного архива новейшей политической истории. Особое место занимают опубликованные нормативно-правовые акты и материалы статистики. Методология исследования построена на принципах системного подхода в рассмотрении вопросов истории советского общества. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить размеры оплаты труда различных категорий колхозников Европейского Севера России, и статистический метод, значимость которого очевидна для анализа данных, связанных с изучением материального положения населения.

Результаты. Исследована эволюция форм и механизмов оплаты труда руководителей колхозов в 1930–1960-е гг., проведено сопоставление их материального положения с другими категориями колхозников. Уделено внимание проблеме взаимоотношения внутри колхозного социума, в том числе связанной с вопросами оплаты труда различных категорий колхозников.

Выводы. Система оплаты труда колхозных руководителей отличалась от оплаты труда рядовых колхозников. Председатели колхозов гораздо раньше других категорий колхозников получили сначала гарантированную оплату в трудоднях, а затем были переведены на денежную оплату. К концу 1960-х гг. происходило приближение оплаты труда в колхозах к уровню и формам, сложившимся на государственных, прежде всего сельскохозяйственных, предприятиях. Сохранялась почва для недовольства колхозников своим материальным и статусным положением, так как уровень заработной платы работников сельского хозяйства значительно отставал от уровня заработной платы в промышленности.

Ключевые слова: колхоз, колхозное производство, колхозное крестьянство, председатель колхоза, трудодень, оплата труда, заработная плата.

© Изюмова Л. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

L. V. Izyumova

COLLECTIVE FARMS MANAGERS' REMUNERATION IN THE 1930–1960s (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

Abstract.

Background. During the 1930s and 1960s, during the development of the collective farm system, serious adjustments were made to the remuneration of collective farmers. The aim of the work is to trace the evolution in the remuneration of heads of collective farms. The study of this issue allows us to analyze the policy of the state in relation to various categories of collective farm peasantry, to highlight some aspects of the relationship between the collective farm elite and ordinary farmers.

Materials and methods. The realization of research objectives has been achieved through usage of documents retrieved from the collection of the Russian state archive of economy, State archive of the Russian Federation, the State archive of Vologda region, Vologda regional archive of recent political history. Special attention is given to the published legal acts and statistical materials. The methodology of the study is based on the principles of a systematic approach to the consideration of the history of Soviet society. Methodological potential includes: comparative-historical method, the use of which allows to compare the remuneration of different categories of collective farmers of the European North of Russia; statistical method, the importance of which is obvious for the analysis of data related to the study of the financial situation of the population.

Results. The evolution of forms and mechanisms of remuneration of collective farm managers in the 1930–1960s is investigated, and their financial situation is compared with other categories of collective farmers. Attention is paid to the problem of relations within the collective farm society, including those related to the issues of the remuneration of various categories of collective farmers.

Coclusions. The system collective farms managers' remuneration differed from the remuneration of ordinary farmers. Chairmen of collective farms much earlier than other categories of collective farmers received first guaranteed payment in workdays, and then were transferred to cash payment. By the end of 1960-ies there was an approximation of wages in collective farms to the level and forms prevailing in the state, primarily agricultural, enterprises. There was still discontent of collective farmers of their financial status position, as the wages of agricultural workers lagged far behind the level of wages in industry.

Keywords: collective farm, collective farm production, collective farm peasantry, collective farm chairman, workday, remuneration, remuneration.

Оплата труда колхозного крестьянства в период 1930–1960-х гг. имела ряд особенностей. Во-первых, вплоть до конца 1950-х гг. подавляющее большинство колхозников было лишено гарантированной заработной платы и было ориентировано на распределение продукции по трудодням после получения урожая, при условии выполнения всех обязательств перед государством, оплаты натурой работы МТС по договорам и создания обязательных колхозных фондов. Во-вторых, материальное положение различных категорий колхозного социума не являлось однородным и во многом определялось статусным, профессиональным положением членов колхоза. В данной статье анализируются изменения в оплате труда колхозных руководителей в 1930–1960-е гг.

Экономическое положение колхозной верхушки отличалось тем, что оплата труда этого слоя практические с момента образования колхозов была выше оплаты труда основной массы рядовых колхозников. В начале 1930-х гг. работа председателя колхоза оплачивалась в трудоднях: решением общего собрания устанавливалось фиксированное количество трудодней в месяц. Как правило, размер оплаты зависел не от производственных показателей, а от размеров общественного хозяйства. Так, постановление Наркомзема СССР от 28 февраля 1933 г. установило, что председатели крупных колхозов должны получать по два трудодня в день, а небольших колхозов (с числом хозяйств от 25 до 50) – по 1,75 трудодня в день [1, л. 2]. Решением Наркомзема СССР от 25 января 1934 г. было установлено, что в небольших колхозах, где образованы одна–две бригады, председатель колхоза одновременно исполняет обязанности бригадира. В этом случае он получал оплату труда как бригадир и дополнительно ему начислялось 10–12 трудодней в месяц за работу председателя колхоза [1, л. 3].

Отметим, что вопрос о механизме и размере оплаты труда колхозных руководителей являлся больным вопросом и для самих председателей колхозов, и для земельных органов. В апреле 1935 г. эта проблема обсуждалась в Москве на специальном совещании по вопросу оплаты труда председателей колхозов. Открывая совещание, работник Наркомзема СССР Володкович заявил, что «оплата председателя колхоза не всегда соответствует тем требованиям, которые ставятся перед ним как руководителем крупного хозяйства. <…> Нужно повысить авторитет председателя и создать ему материальные условия с тем, чтобы председатели колхозов не бежали, как это имеет место в отдельных колхозах. Есть случаи, когда председатели колхозов отказываются работать только потому, что материальные условия работы их не удовлетворяют…». Перед участниками совещания ставилась задача «обсудить эти вопросы, вскрыть имеющиеся недостатки и найти правильное решение» [1, л. 5, 6]. В ходе обсуждение предлагались различные варианты оплаты труда председателей колхозов. Например, предлагалось ввести гарантированный минимум оплаты (т.е. учесть опыт оплаты труда механизаторов), начислять трудодни в зависимости от доходности колхоза и т.п. При подведении итогов работы совещания было заявлено, что оплата труда должна производиться трудоднями, чтобы председатель колхоза был заинтересован в повышении стоимости трудодня. В то же время признавалось, что «какую-то гарантию председателю нужно дать, но не в направлении минимальной гарантийной стоимости трудодня, а в определенной ставке в месяц. При всех условиях стоимости трудодня он должен получать известный гарантийный минимум деньгами, т.е. месячную ставку» [1, л. 173].

В некоторых колхозах страны уже в середине 1930-х гг. были введены ежемесячные денежные доплаты председателям, хотя такой порядок не приветствовался районными, областными и особенно центральными властями. В колхозах Вологодской области, например, в конце 1930-х гг. размер доплаты составлял от 20 до 45 руб. в месяц [2, л. 11]. В отдельных колхозах помимо ежемесячной денежной доплаты председателю вводились фиксированная выдача сельскохозяйственной продукции (например, по одному литру молока в день) и бесплатное пользование жильем.

Многие председатели не были довольны размерами оплаты в колхозах, поэтому искали возможность подсобных заработков: работали на лесозаготовках, занимались кустарными промыслами и т.п. В свою очередь районные и областные руководители были обеспокоены тем, что председатели колхозов часто отвлекались от своей основной работы по руководству общественным хозяйством. В докладной записке Вологодского обкома партии в ЦК (1939) сообщалось, что работа председателя на лесозаготовках в период осенне-зимнего сезона приводила к тому, что колхоз оставался длительное время без руководства, а это затрудняло проведение зимовки и подготовку к весеннему севу. Руководство области считало, что «установление денежной доплаты председателям колхозов сыграет большую роль в закреплении их, а следовательно, и увеличении всей работы в колхозах…» [3, л. 149, 150].

Постепенно происходит изменение в порядке оплаты труда председателей колхозов в сторону увеличения денежной ее части и натуральных выплат, в зависимости от эффективности работы общественного хозяйства. Уже в предвоенные годы изменились условия и размеры оплаты труда председателей колхозов в отдельных регионах страны. Так, постановлением Совета министров (СМ) СССР и ЦК ВКП(б) от 21 апреля 1940 г. для председателей колхозов восточных районов страны был установлен размер ежемесячной оплаты в трудоднях в пределах от 45 до 90 трудодней в зависимости от посевной площади в колхозе и ежемесячная денежная доплата в пределах от 25 до 400 руб. в зависимости от денежного дохода в общественном хозяйстве. Затем в течение 1940 г. рядом постановлений правительства такой порядок оплаты был распространен на председателей колхозов многих регионов страны.

Постановление СМ СССР от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» предусматривало оплату труда председателей колхозов в трудоднях в зависимости от площади посева, от количества поголовья скота на животноводческих фермах и денежную доплату в зависимости от годового денежного дохода. Также колхозам было рекомендовано дополнительно начислять трудодни в зависимости от стажа работы: председателям, работающим в колхозе третий год, – в размере 5 %, работающим четвертый и пятый год – в размере 10 %, работающим пять лет и более – 15 % от количества ежемесячно начисляемых трудодней [4, с. 314, 315].

Согласно постановлению СМ СССР от 9 июля 1950 г. «О задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов», председатели колхозов из числа специалистов и практиков первые три года работы получали гарантированную ежемесячную оплату в размере от 700 до 1300 руб. для лиц со средним образованием, от 850 до 1600 руб. – с высшим образованием. Предполагалось, что при умелом руководстве экономика колхоза в течение двух лет могла в значительной мере укрепиться, а стоимость трудодня – повыситься. С третьего года работы денежная доплата председателя могла быть снижена на 10 % по усмотрению общего собрания колхозников. На четвертый год работа председателя должна была оплачиваться в соответствии с постановлением СМ СССР от 19 апреля 1948 г., т.е. в трудоднях и деньгами в зависимости от размера хозяйства и годового денежного дохода. Кроме того,

этой категории председателей предоставлялись льготные кредиты для постройки дома и приобретения скота, льготы по сельскохозяйственному налогу и обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов. Причем, если председателем укрупненного колхоза становился опытный практик, к моменту избрания уже состоявший членом колхоза, на него не распространялись перечисленные выше льготы и порядок оплаты.

Необходимо отметить, что разный порядок в оплате труда и социальном обеспечении руководителей колхозов приводил к недовольству тех председателей, на кого не распространялись гарантированная денежная оплата и социальное обеспечение, а также приводил к нарушению законодательства об оплате труда: практиковалась незаконная и завышенная денежная оплата руководителей колхозов. Довольно часто под давлением районных властей вновь избранным председателям назначалась денежная оплата, хотя они не имели на это права, так как по социальному статусу являлись членами колхоза. Например, решением райисполкома от 23 марта 1953 г. № 174 было рекомендовано общему собранию колхоза «Искра» Сямженского района Вологодской области установить на первые три года денежную оплату труда председателю колхоза Голубеву, несмотря на то что на момент избрания он состоял членом соседнего колхоза «Яхреньга» [5, л. 63].

Проверки на местах, проведенные Советом по делам колхозов с целью выяснить отношение колхозников к председателям из числа специалистов и практиков, состоявших на денежной оплате, показали, что, когда председатели колхозов недобросовестно относились к работе, колхозники требовали или их отстранения от дел, или перевода с денежной оплаты на трудодни. Так, 8 февраля 1953 г. на отчетном собрании в колхозе «Огибаловец» Вожегодского района Вологодской области колхозники резко критиковали председателя колхоза Дробоздина, избранного по рекомендации районных организаций как практика (до этого работал директором районного пищекомбината). Колхозники заявили, что «хотя Дробоздин работает только год, но к колхозным делам относится халатно, его мало тревожат общественные дела…». Особенно рядовых колхозников возмутила позиция председателя: «Как хотите работайте, но я свое получу, а ваше останется на поле и сгниет». На собрании было принято решение в течение двух месяцев выплачивать председателю 25 % от заработной платы деньгами, а 75 % – в трудоднях, а потом перевести на оплату в трудоднях. Дробоздин не согласился с этим решением колхозников, отказался от руководства колхозом и через некоторое время был исключен из партии [6, л. 120].

Во многих колхозах рядовые члены были недовольны тем, что на оплату председателя уходила значительная часть денежного дохода. Например, в колхозе «Путь Ленина» Вожегодского района Вологодской области колхозники заявили на собрании: «Хоть есть мнение районных руководителей оставить Орехова, да и мы не сможем подобрать лучшего, все же платить ему деньгами не согласны, так как председатель забирает почти все деньги. Колхозу ничего не остается…». Многие колхозники считали, что когда председатель колхоза «будет работать за трудодни, то больше будет заботиться о колхозном хозяйстве, о повышении доходов» [6, л. 119]. В колхозе «Вперед» Усть-Кубинского района этой же области расходы на оплату труда председателя Фомичева составили 22 % к годовому денежному доходу всего

колхоза. В этом колхозе на производственные нужды в течение года было израсходовано 16 313 руб., а на оплату председателя – 12 000 руб. [7, л. 311].

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 25 марта 1955 г. «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами» председателям экономически слабых колхозов на первые три года работы была предусмотрена доплата за счет государства. Размер доплаты составлял 1500 руб. в течение первого года работы, 1200 руб. – в течение второго, 1000 руб. – в течение третьего года работы. Однако быстрого подъема экономики колхозного производства не произошло, поэтому Совет министров СССР постановлением от 8 декабря 1958 г. № 1340 продлил на 1959 г. ежемесячную доплату из государственного бюджета председателям экономически слабых колхозов [8, л. 1]. Таких колхозов в Архангельской области насчитывалось 106, в Вологодской области – 349, в Коми АССР – 66, в Карельской АССР – 15, в целом по РСФСР – 7335 [8, л. 4].

В конце 1950-х гг. властными инстанциями признавалось, что действовавший порядок оплаты труда председателей колхозов во многом устарел, так как не учитывал количество и качество произведенной колхозами продукции и не создавал заинтересованности у руководителей в увеличении выхода продукции. Предлагалось колхозам самим выбирать наиболее приемлемый для их условий порядок оплаты труда председателей и других руководящих работников, например в зависимости от суммы годового денежного дохода, в зависимости от стоимости произведенной в течение года валовой продукции и т.п. [9, л. 10–13]. Начиная с середины 1960-х гг. работа председателя колхоза оплачивалась по аналогии с оплатой труда директора совхоза.

Во второй половине 1960-х гг. оплата труда председателей колхозов, как и оплата труда всех категорий колхозников, имела устойчивую тенденцию к росту. Материалы бюджетных обследований свидетельствуют, что начиная с 1960-х гг. доля доходов, получаемая семьей от колхоза, возрастает, а значение личного приусадебного хозяйства в приходе двора сокращается. Если к началу 1960-х гг. доля дохода от колхоза в семьях вологодских колхозников не превышала 1/3 совокупных поступлений, то в первой половине 1970-х гг. доход от колхоза начал стабильно превышать 50-процентный рубеж и стал основной статьей в формировании доходов колхозного двора [10, с. 51].

В 1960-е гг. сохранялся значительный разрыв в оплате труда руководителей колхозов с другими категориями колхозников. Например, в 1964 г. оплата труда председателя в 3,5–5 раз превышала размеры средней оплаты труда по колхозу, впоследствии этот разрыв несколько сократился, но оставался весьма значительным. Так, в 1967 г. в Архангельской области оплата труда председателя была в 3 раза выше средней оплаты по колхозу, в Вологодской области соответственно в 3,4 раза, в Коми АССР – в 2,6 раза, в среднем по колхозам РСФСР – в 3,5 раза [11, с. 213, 239].

Экономическое положение колхозной верхушки отличалось тем, что ее представители имели гораздо большую возможность, по сравнению с другими категориями колхозного социума, распоряжаться и пользоваться общественной собственностью. Известны факты, когда руководители колхозов сдавали общественную землю и колхозные помещения в аренду, продавали общественный скот частным лицам и часто денежные средства, вырученные

в ходе этих операций, не передавали в кассу колхоза, а присваивали [5, л. 61, 62]. У руководителей колхозов было больше возможностей использовать экономический потенциал общественного производства для развития собственного приусадебного хозяйства. Например, в 1947 г. областным властям стало известно, что председатель колхоза «Новый быт» Петриневского района Вологодской области А. В. Веселов пользовался на протяжении нескольких лет двумя приусадебными участками общей площадью более 0,70 га [12, л. 22]. В указанном примере особенность ситуации связана с тем, что колхоз располагался в районном центре и местные руководители (секретарь райкома, ответственные работники райисполкома и др.) были прекрасно информированы о нарушении со стороны Веселова, однако никаких мер не принимали.

Таким образом, материальное положение колхозной верхушки являлось предметом постоянной заботы со стороны государства. Экономическое положение председателей колхозов отличалось тем, что эта категория колхозников, по сравнению с другими категориями колхозного населения, гораздо раньше перешла на денежную систему оплаты труда, а также имела наибольшую возможность в распоряжении и пользовании общественной собственностью.

Библиографический список

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 19. Д. 399.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 2. Д. 183.
3. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 162.
4. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 : в 2 т. – Москва : Госюриздат, 1959. – Т. 2. – 539 с.
5. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1705. Оп. 9. Д. 1394.
6. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1310.
7. ГАВО. Ф. 1705. Оп. 9. Д. 1630.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1892.
9. ГАВО. Ф. 1705. Оп. 9. Д. 2556.
10. **Гулин, К. А.** Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века / К. А. Гулин, Т. М. Димони, С. Г. Карпов. – Вологда : Русь, 2003. – 211 с.
11. Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961–1968 гг. : в 3 ч. – Москва, 1969. – Ч. 1. – 258 с.
12. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 65.

References

1. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economics]. F. 7486. Op. 19. D. 399. [In Russian]
2. *Vologodskiy oblastnoy arkhiv noveyshey politicheskoy istorii (VOANPI)* [Vologda Regional Archive of Recent Political History]. F. 2522. Op. 2. D. 183. [In Russian]
3. *VOANPI*. F. 2522. Op. 2. D. 162.
4. *Istoriya kolkhoznogo prava: sbornik zakonodatel'nykh materialov SSSR i RSFSR, 1917–1958: v 2 t.* [The history of collective farm law: a collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR, 1917–1958: in 2 volumes]. Moscow: Gosyurizdat, 1959, vol. 2, 539 p. [In Russian]
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of Vologda region]. F. 1705. Op. 9. D. 1394. [In Russian]

6. *RGAE*. F. 9476. Op. 1. D. 1310.
7. *GAVO*. F. 1705. Op. 9. D. 1630.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. A-310. Op. 1. D. 1892. [In Russian]
9. *GAVO*. F. 1705. Op. 9. D. 2556.
10. Gulin K. A., Dimoni T. M., Karpov S. G. *Byudzhet i imushchestvo krest'yan Evropeyskogo Severa Rossii vtoroy poloviny XX veka* [Budget and property of peasants in the European North of Russia in the second half of the XX century]. Vologda: Rus', 2003, 211 p. [In Russian]
11. *Osnovnye ekonomicheskie pokazateli po proizvoditel'nosti i oplate truda kolkhozov RSFSR za 1961–1968 gg.: v 3 ch.* [The main economic indicators for productivity and wages of collective farms of the RSFSR for 1961–1968: in 3 parts]. Moscow, 1969, part 1, 258 p. [In Russian]
12. *VOANPI*. F. 2522. Op. 11. D. 65.

Изюмова Лариса Владимировна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Вологодский государственный университет (Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15)

E-mail: ilvvologda05@rambler.ru

Izyumova Larisa Vladimirovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of Russian history, Vologda State University (15 Lenina street, Vologda, Russia)

Образец цитирования:

Изюмова, Л. В. Оплата труда руководителей колхозов в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России) / Л. В. Изюмова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 57–64. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-7.

УДК 94(47).084.8
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-8

О. Б. Мозохин

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАРЕЛИИ (К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования определяется потребностью всестороннего объективного анализа и обобщения опыта боевых действий партизан Карелии в годы Великой Отечественной войны. Публикация ставит своей целью отразить героизм партизан Карелии, внесших значительный вклад в победу над финскими захватчиками.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Архива Президента Российской Федерации. Методологический потенциал включает философские принципы диалектики, а именно объективность, научность, всесторонность, единство исторического, логического и др. Их реализация помогла провести изучение документальных источников, связанных с историей партизанского движения в Карело-Финской ССР.

Результаты. На основании впервые введенных в научный оборот документов Архива Президента Российской Федерации публикуются сведения о количестве партизанских отрядов, действовавших на территории Карелии, их численности. Рассказывается о подвиге советской разведчицы Анны Гумбаровой, о котором до настоящего времени ничего не было известно.

Выводы. После начала Великой Отечественной войны ЦК КП(б) Карело-Финской ССР начал проводить работу по организации партизанских отрядов. Однако большим недостатком в области руководства партизанскими отрядами в это время было отсутствие связи и единого оперативного руководства ими. После создания Центрального штаба партизанского движения эти недостатки были преодолены. Была достигнута необходимая территориальная концентрация партизанских формирований и координация действий с органами государственной безопасности и армейской разведкой. Под единым командованием партизанские силы успешно провели операцию по освобождению Карелии в тесном взаимодействии с соединениями и частями Красной армии.

Ключевые слова: Карело-Финская ССР, партизаны, война, ВКП(б), НКВД, Центральный штаб партизанского движения, Финляндия.

O. B. Mozokhin

PARTISAN MOVEMENT IN KARELIA (DEVOTED TO THE 75th ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Abstract.

Background. The relevance of the study is determined by the need for a comprehensive objective analysis and generalization of the experience of combat operations

© Мозохин О. Б., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

of the partisans of Karelia during the great Patriotic war. The publication aims to reflect the heroism of the partisans of Karelia who made a significant contribution to the victory over the Finnish invaders.

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved on the basis of the use of documents of the Archive of the President of the Russian Federation. Methodological potential includes: philosophical principles of dialectics, namely objectivity, scientific, comprehensiveness, unity of historical, logical and others. Their implementation helped to study documentary sources related to the history of the partisan movement in the Karelo-Finnish SSR.

Results. On the basis of the documents of the archive of the President of the Russian Federation for the first time introduced into scientific circulation, information on the number of partisan detachments operating on the territory of Karelia and their number is published. Tells of the heroism of the Soviet scout Anna Gambarova, which hitherto were not known.

Conclusions. After the beginning of the great Patriotic war, the Central Committee of the CP(b) of the Karelo-Finnish SSR began to organize partisan detachments. However, a major drawback in the field of leadership of guerrilla groups at this time, was the lack of communication and unified operational leadership of them. After the establishment of the Central headquarters of the guerrilla movement, these shortcomings were overcome. The necessary territorial concentration of partisan formations and coordination with state security agencies and army intelligence was achieved. Under a single command, the partisan forces successfully carried out the operation to liberate Karelia in close cooperation with the formations and units of the red army.

Keywords: Karelian-Finnish SSR, partisans, war, VKP(b), NKVD, Central headquarters of the partisan movement, Finland.

Партизанская война – это традиционный сюжет отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны, вызывающий самые разные оценки и интерпретации. Ряд авторов рассматривает заслуги органов власти и госбезопасности в организации партизанского движения [1–3], другие обращают внимание на недостатки в руководстве [4], третьи на волне антикоммунизма и русофобии циркулируют публикации «разоблачительного» характера [5].

Совершенно очевидно, что партизанская война – это сложное и неоднородное явление, в котором переплетаются самые разнообразные тенденции. Она дает примеры от самого высокого самопожертвования и героизма, до низменных страстей и преступлений.

Рассматриваемое нами партизанское движение в Карелии имеет свои особенности, что очень подробно в своих работах отразили карельские ученые С. Г. Веригин [6–9], Г. В. Чумаков, А. Н. Ремизов [10] и др.

В архиве Политбюро отложились материалы, поступавшие в адрес как членов Политбюро, так и лично Сталина, в том числе и по партизанскому движению в Карело-Финской ССР. В них отображаются результаты боевой деятельности партизан республики, рассказывается о зверствах, чинимых финскими фашистами на оккупированной территории. В настоящее время трудно сказать, почему именно эти документы заинтересовали высшее руководство, но именно эти материалы стали основой данной публикации.

В середине лета 1941 г. войска фашистской Финляндии оккупировали 24 из 30 районов Карело-Финской ССР. Оборудование большинства пред-

приятий, имущество колхозов, подвижной состав Кировской железной дороги были вовремя вывезены вглубь страны и в тыловые районы республики. Основная масса населения 566 тыс. человек была организованно и заблаговременно эвакуирована в Челябинскую, Кировскую и другие области.

На территории, оккупированной противником, осталось 38 155 человек, которые не смогли своевременно выехать вследствие того, что оказались отрезанными на дорогах финскими войсками [11, л. 96].

8 августа 1941 г. Л. П. Берия сообщил И. В. Сталину об организации НКВД партизанских отрядов и диверсионных групп, в том числе и на территории Карело-Финской ССР.

В это время ЦК КП(б) Карело-Финской (КФ) ССР самостоятельно вел работу по организации партизанских отрядов. Так, по состоянию на 10 августа им было сформировано 14 отрядов, в которых было 1572 партизана. Все они были обеспечены необходимым вооружением. Были созданы продовольственные базы с запасом продуктов в среднем на один месяц. Восемь отрядов уже вели боевые действия.

ЦК КП(б) КФ ССР считало большим недостатком в области руководства партизанскими отрядами отсутствие связи и единого оперативного руководства отрядами [12, л. 1].

Оценивая в целом деятельность партийных и государственных органов по созданию и руководству партизанскими отрядами в 1941 г., можно отметить большую организационную неразбериху. Этим вопросом занимались обкомы партии, областные управления НКВД, политуправления, разведывательные подразделения РККА. Какая-либо координация по руководству партизанскими формированиями отсутствовала.

В начале 1942 г. НКВД пытается взять инициативу в свои руки[1]. П. К. Пономаренко в свою очередь продолжал усиленно заниматься организацией Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). Однако в конце января по решению ГКО эта работа была приостановлена. Связано это было с тем, что руководство НКВД вышло с предложением оставить диверсионную работу в тылу врага за своим ведомством, считая нецелесообразным создание ЦШПД.

Однако НКВД не удалось централизовать эту деятельность.

В связи с этим вновь встал вопрос о создании ЦШПД. Наконец, 30 мая 1942 г. постановлением ГКО в целях объединения руководства партизанским движением он был создан. Была обозначена основная задача партизанского движения – дезорганизация тыла противника[2].

Постановлением были образованы республиканские и областные штабы партизанского движения. Согласно этому решению был образован Карело-Финский штаб партизанского движения [13, л. 16, 17].

Создание ЦШПД сделало возможным планирование деятельности партизанских формирований и их взаимодействие с республиканскими, област-

[1] Приказом НКВД СССР № 00145 от 18/20 января 1942 г. на базе 2-го отдела НКВД было создано 4-е Управления НКВД СССР (партизанское) для проведения разведки, совершения террора и диверсий в тылу противника под руководством П. А. Судоплатова.

[2] В состав Центрального штаба партизанского движения были введены представители трех ведомств: начальник штаба П. К. Пономаренко от ЦК ВКП(б), В. Т. Сергиенко от НКВД и Т. Ф. Корнеев от Разведупра НКО.

ными штабами партизанского движения и фронтами. Создавалась возможность разрабатывать и внедрять наиболее эффективные способы и приемы ведения диверсионной работы, снабжать партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, вести подготовку кадров.

На 1 июля 1942 г. руководство фронтовых и ЦШПД осуществлялось над 608 партизанскими отрядами (81 546 человек). На Карело-Финском фронте действовало 13 отрядов численностью 1575 человек [13, л. 16, 17]. Одним из партизанских отрядов, действующих в республике, 28 июня 1942 г. было уничтожено 8 и ранено 5 солдат и офицеров. Вырезано 200 м телеграфно-телефонной линии, заминировано 300 км дороги, на которой подорвались машины [13, л. 30–32]. Другим отрядом «Боевой Клич» в боевых операциях с 10 июня по 18 июля было убито 19 румынских солдат и 2 руководителя шуцкоровских организаций, уничтожено 5 легковых и 7 семитонных автомашин с разным грузом, автомашина с зенитной установкой, танкетка, сожжено 2 моста и 1 населенный пункт, в котором находились немцы, взорван артиллерийский склад и уничтожено 844 м телефонно-телеграфных линий [13, л. 88, 89 об.].

20 августа 1942 г. секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов и заведующий оргинструкторским отделом И. В. Власов сообщили заведующему Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу о работе на оккупированной территории республики за время с 15 июня по 15 августа 1942 г. За это время были подготовлены и посланы на территорию, занятую противником, секретари подпольных райкомов, горкомов и секретари РК ЛКСМ. С целью разведки оккупированной территории и подготовки явочных квартир на территорию противника направлялись связные. Ими были собраны ценные сведения разведывательного характера и добыты пропуска на право хождения между деревнями Сегозерского района, а также продовольственные и промтоварные карточки.

Было установлено, что часть русского и финского населения вывезена вглубь Финляндии, судьба их не известна. В деревнях управляли военные коменданты. Колхозы были распущены. С карельским населением финны вели политику заигрывания, им выдавались продукты по ведомостям. К русскому населению отношение было иное, с побережья Онежского озера их насильственно выселили вглубь района, причем значительную часть направили в концентрационные лагеря города Петрозаводска. Имущество русских конфисковали, а скот забили на мясо вплоть до куриц. Отмечалось, что с русскими финны обращались как с пленными.

В городе Петрозаводске имелось шесть концентрационных лагерей, в которых было заключено около 25 тыс. человек, большинство из них русские. В лагерях был введен следующий распорядок дня: к 7 ч утра все лагерники должны были находиться по бригадам у мест работы, которая начиналась в 8 ч утра; перерыв на обед длился 20–30 мин; работа заканчивалась в 16 ч, после чего заключенные конвоировались в лагерь. Всякое передвижение в лагере после 18 ч категорически воспрещалось.

Заключенные работали по разным предприятиям – на Онежском заводе, хлебозаводе, электростанции, обслуживали военную полицию и т.д. В лагере и на работах были введены телесные наказания. За малейшие провинности избивали и заключали в карцер. Заключенным выдавали 300 г хлеба в день и 3 кусочка сахара [12, л. 2–14].

Кроме того, в Ведлозерском лагере находилось около 800 человек, в двух Олонецких лагерях – около 3000 человек. Концлагеря были еще в Петровском Шелтозерском, Кондопожском и Прионежском районах. Там голодных и истощенных людей заставляли работать по 14–16 ч в сут. В отдельных лагерях до 40 % людей умирало от голода и побоев [11, л. 119].

1 сентября 1942 г. у И. В. Сталина прошло совещание с командирами и комиссарами партизанских отрядов. После него вышли два очень важных для развития партизанского движения документа. Первый – Постановление ГКО от 4 сентября 1942 г. об утверждении представленной Центральным штабом партизанского движения смете расходов на текущий год. Таким образом, решился вопрос о снабжении партизан оружием, радиостанциями, взрывной техникой и боеприпасами, питанием для раций и т.д. И второй – приказ НКО СССР от 5 сентября 1942 г., который определил основные задачи партизанского движения. Согласно этому документу партизанские действия стали рассматриваться как один из видов боевых действий вооруженных сил в тылу противника, которому отводилась стратегическая роль в вооруженной борьбе. В приказе утверждалось, что разгром немецких армий мог быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла.

6 сентября 1942 г. ГКО учредило пост Главнокомандующего партизанским движением, на который был назначен маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. После своего назначения он внес предложение о создании в тылу немецких войск регулярной партизанской армии. Однако 19 ноября 1942 г. во избежание излишней централизации должность главнокомандующего была упразднена. Руководство партизанами вновь было возложено на ЦШПД.

Конец 1942 г. характеризуется повышением активности партизан. Создаются партизанские соединения, которые позволили приступить к осуществлению специальных действий в более крупном масштабе – вначале в границах районов базирования, а затем и за их пределами способом рейда.

По учетным данным Центрального Штаба партизанского движения на 1 ноября 1942 г. в Карело-Финской ССР было 23 партизанских отряда численностью 1550 человек. С 16 отрядами имелась связь с помощью связных, а с 13 установлена радиосвязь [14, л. 13].

С 1 октября 1942 г. по 1 февраля 1943 г. ЦК КП(б) КФ ССР направило на территорию, занятую противником, 31 человека, в том числе 18 коммунистов, 10 комсомольцев, 3 беспартийных. Среди них 13 парашютистов и 18 лыжников [12, л. 59].

На 1 января 1943 г. на оккупированной территории республики действовали 18 партизанских отрядов в составе 1698 человек. В каждом отряде были организованы первичные партийные и комсомольские организации, в которых насчитывалось 410 членов ВКП(б), 265 кандидатов и 612 комсомольцев. Партийно-комсомольская прослойка в отрядах составляла 75,8 %.

С июля 1941 г. по 1 января 1943 г. партизанскими отрядами в боевых операциях на оккупированной территории было уничтожено более 4300 солдат и офицеров (58 офицеров). Захвачено в плен 51 человек, ранено свыше 1300, пущено под откос 8 железнодорожных эшелонов, разбито 6 паровозов, 127 вагонов, сожжено 4 цистерны с горючим, уничтожено 2 танка, 4 самолета, 1 бронемашина, 128 грузовых автомашин, 18 легковых, 84 велосипеда,

18 пулеметов, 298 винтовок, 164 автомата, 10 минометов, 3 трактора-тягача, 9 радиостанций, свыше 9000 патронов. Взорвано 98 мостов, в том числе 4 железнодорожных. Разгромлено 15 финских гарнизонов, заминировано 26 км дорог, уничтожено свыше 50 км телефонно-телеграфного провода и др. Захвачено: 63 автомата, 224 винтовки, 49 пулеметов, 26 пистолетов, свыше 32 000 патронов, 250 кг тола, 3 радиостанции. Кроме того, отряды захватили много другого имущества, продовольствия, секретные и личные документы, оперативные карты, шифры, коды, печати и пр. [12, л. 67].

Сводная группа в составе трех партизанских отрядов имени Тойво Антикайнен, имени Чапаева и «За родину» с 16 по 17 января, выйдя на территорию Заонежского района, полностью разгромила три финских гарнизона, уничтожив 245 солдат и офицеров, оружие и склады с боеприпасами и снаряжением [12, л. 64].

За проявленную отвагу и мужество в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами 511 партизан республики были награждены боевыми орденами Советского Союза [12, л. 68].

Несмотря на то что ЦШПД объединял 1083 партизанских отряда с общей численностью 94 484 человека, попытки развалить его деятельность продолжались. 7 марта 1943 г. ГКО принял неожиданное решение – ЦШПД в связи с изменением обстановки расформировать, руководство партизанским движением возложить на ЦК компартий союзных республик, обкомы ВКП(б) и соответствующие штабы партизанского движения. Однако чуть позже, 17 апреля 1943 г., ГКО постановил восстановить деятельность ЦШПД, в том числе и на территории Карело-Финской ССР [15, л. 43].

По мнению П. К. Пономаренко, подобная непоследовательность по отношению к высшему органу управления партизанским движением была связана с сильным влиянием на некоторых членов ГКО тогдашнего руководства НКВД. К середине года на учете ЦШПД состояло 1116 партизанских отрядов и групп, а их численность составляла 181 392 человека.

В Карело-Финской ССР на 1 мая 1943 г. действовало 17 партизанских отрядов и групп численностью 1255 человек, а по состоянию на 1 июля того же года – 25 партизанских отрядов численностью 1664 человека. Со всеми уже имелась радиосвязь [16, л. 15, 59].

Необходимо отметить, что финны очень боялись партизан и всячески преследовали население, которое им сочувствовало. Ими осуществлялись даже провокации. Так, ночью на квартиру к мельнику «П», которого власти подозревали в сочувствии к партизанам, явилось 5–6 финских солдат, переодетых партизанами. Они стали просить его помощи, о том, чтобы он спрятал и накормил их. Когда мельник все это сделал, финны избили его, а затем, заперев в мельнице, сожгли [12, л. 62].

Зимой 1943 г. оккупанты захватили в запретной зоне несколько человек местных жителей. Заподозрив их в помощи партизанам, раздели до гола и заморозили на льду Онежского озера [11, л. 138].

В отчете о работе подпольной партийно-комсомольской группы по Ведлозерскому району от 15 ноября 1943 г. рассказывается о героизме Анны Гумбаровой[1] – жительницы деревни Палалахта.

[1] Анна Гумбарова – член ВЛСКМ, до войны работала медсестрой в Палалахтинской больнице.

В 1942 г. на территорию Ведлозерского района прибыли советские разведчики Бурцев и Гумбарова. Они начали свою работу на оккупированной территории, но были преданы учителями Колатсельской школы Пакткиненым и Ильиным. На поиски разведчиков вышла группа карателей. Ночью они подошли к сараю, где спал Бурцев, и крикнули «сдавайтесь». Разведчик открыл стрельбу, в перестрелке он был убит.

Гумбарову задержали в деревне Колатсельга. На допросах она молчала, несмотря на истязания. Тогда ее заперли на 30 сут в мертвецкую, где находились покойники. И это не сломило ее воли. На 21-е сут финны привели Гумбарову на Палалахтинское кладбище и заставили рыть могилу. Затем ее раздели, согнали народ и объявили, что Гумбарову будут расстреливать. Перед самым расстрелом финский офицер спросил разведчицу: «Будешь ли ты отвечать на вопросы?» Она ответила: «Я ничего не скажу. Вы от меня ничего не добьетесь. Убьете меня, на мое место придут другие, прощай Родина. Я умираю честно» [17, л. 30, 31]. К сожалению подвиг, совершенный этой девушкой, до этого времени был неизвестен, никто о нем ничего не знал.

По состоянию на 7 ноября 1943 г. в Карело-Финской ССР было 25 партизанских отрядов и групп численностью 1571 человек. Со всеми была установлена радиосвязь [18, л. 41].

За 1943 г. партизанские отряды Карелии уничтожили 2136 солдат и 82 офицера, разгромили 20 вражеских гарнизонов, уничтожили 5 эшелонов с войсками и боеприпасами, взорвали 25 мостов и др. [11, л. 143].

На 7 января 1944 г. в Карело-Финской ССР было 18 партизанских отрядов и групп численностью 1510 человек [18, л. 71].

13 января 1944 г. Постановлением ГКО СССР Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования был окончательно расформирован. Руководство партизанским движением на оккупированной территории в том числе и Карело-Финской ССР было возложено на ЦК(б) КФ ССР. При этом Военные советы фронтов должны были оказывать помощь в обеспечении партизанских отрядов боеприпасами и взрывчатыми веществами. Финансирование партизанского движения производилось по смете Наркомата Обороны через финансовые отделы соответствующих фронтов [18, л. 72–77].

На 1 июня 1944 г. на территории республики действовали 16 партизанских отрядов, в которых было 1708 человек [11, л. 143].

Во время оккупации Карело-Финской ССР финны установили свирепый режим, рассчитанный в сочетании с политикой заигрывания на воспитание у местного населения чувства почтения к новой власти, недоверия и вражды к русским. Все местные жители взамен советских получили финские паспорта, которые в 1943 г. были обменены. Новые паспорта имели два цвета – голубого для карелов, финнов и вепсов и розового для русских [11, л. 100].

По сообщениям партизан, за три года господства оккупантов на временно захваченной территории не было построено ни одного сколько-нибудь значительного предприятия. Большинство заводов, мастерских, а также культурно-бытовых учреждений находилось в полуразрушенном или бездействующем состоянии.

Петрозаводск представлял собой страшную картину запустения и разрухи. Большинство зданий города зияли выбитыми оконными рамами, стояли

без дверей. Многие дома не имели крыш. Были разрушены и сожжена лучшие строения города: здание северной гостиницы, государственной филармонии, почты, дом специалистов, дворец пионеров, детская поликлиника, жилой дом Совнаркома и многие другие. Финские фашисты уничтожили все исторические памятники города, разрушили памятник С. М. Кирову, сняли с пьедестала бюст В. И. Ленина.

Партизаны сообщали, что все деревья летнего сада на берегу Онежского озера вырубили на дрова, сожгли большую часть домов на этой набережной. Финны дочиста ограбили город, ежедневно по железной дороге и на машинах увозили в Финляндию мебель, посуду, оконные рамы, двери, железо, снятое с крыш домов и др. Они разбирали лучшие деревянные дома и увозили их в Финляндию. По улице Гоголя (напротив дома крестьянина) не осталось ни одного деревянного дома [11, л. 107].

Дорвавшись до карельского леса, финские оккупанты хищнически истребляли его. В Олонецком, Сегозерском, Пряжинском и Петровском районах они вырубали огромное количество древесины, которую отправляли в Финляндию и оттуда на экспорт в Швецию и Германию, а такие перерабатывали на уголь, необходимый как горючее для газогенераторных автомобилей [11, л. 108].

В период наступления войск Карельского фронта подпольные организации создавали из местного населения боевые партизанские группы, устанавливали контроль за дорогами, уничтожали телефонную связь противника. 28 июня 1944 г. советские войска вошли в Петрозаводск.

***

В заключение хотелось бы отметить, что партизанское движение Карелии в годы Великой Отечественной войны приобрело большой опыт борьбы с оккупационным режимом.

После создания ЦШПД был преодолен ряд недостатков и проблем начального периода войны. Была достигнута необходимая территориальная концентрация партизанских формирований и координация действий с органами государственной безопасности и армейской разведкой. Под единым командованием партизанские силы успешно провели операцию по освобождению Карелии в тесном взаимодействии с соединениями Красной армии.

После освобождения Петрозаводска в связи с перемещением военных действий за пределы СССР республиканский штаб партизанского движения был расформирован.

Библиографический список

1. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / Н. Ф. Азясский, М. С. Долгий, А. С. Князьков, В. А. Пережогин, Ю. И. Чернов ; под общ. ред. В. А. Золотарева. – Жуковский ; Москва : Кучково поле, 2001. – С. 464.
2. **Пережогин, В. А.** Солдаты партизанского фронта / В. А. Пережогин ; ИРИ РАН. – Москва, 2001. – С. 282.
3. **Попов, А. Ю.** НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. – Москва, 2003. – С. 383.
4. **Боярский, В. И.** Партизанство вчера, сегодня, завтра / В. И. Боярский. – Москва, 2003. – С. 497.

5. **Гогун, А.** Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования, 1941–1944 / А. Гогун. – Москва, 2012. – С. 704.
6. **Веригин, С. Г.** Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941–1944 гг. / С. Г. Веригин // Партизанская война в Карелии : сб. ст. и материалов. – Петрозаводск, 2005. – С. 6–30.
7. **Веригин, С. Г.** Рейды карельских партизан на территорию Финляндии в 1941–1944 гг.: два взгляда на одну проблему / С. Г. Веригин // Россия и Финляндия в многополярном мире, 1809–2009 : материалы Междунар. российско-финляндской науч. конф. (19–22 октября 2009 г.). – Петрозаводск, 2009. – С. 60–61.
8. **Веригин, С. Г.** Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в тылу противника (1941–1944) / С. Г. Веригин // Война. Народ. Победа : материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 15–16 марта 2005 г.). – Москва, 2008. – С. 333–352.
9. **Веригин, С. Г.** Партизанское движение в Карелии. Новые подходы к изучению проблемы / С. Г. Веригин // Север. – 2013. – № 5–6. – С. 213–225.
10. **Чумаков, Г. В.** Бригада. Партизанская война в Карелии / Г. В. Чумаков, А. Н. Ремизов. – Петрозаводск : РИФ, 2007. – С. 358.
11. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 487.
12. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 485.
13. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 471.
14. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 473.
15. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 474.
16. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 475.
17. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 486.
18. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 476.

References

1. Azyasskiy N. F., Dolgiy M. S., Knyaz'kov A. S., Perezhogin V. A., Chernov Yu. I. *Partizanskoe dvizhenie (Po opytu Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [Partisan movement (based on the experience of the Great Patriotic War 1941–1945]. Zhukovskiy; Moscow: Kuchkovo pole, 2001, p. 464. [In Russian]
2. Perezhogin V. A. *Soldaty partizanskogo fronta* [Partisan Front Soldiers]; IRI RAN. Moscow, 2001, p. 282. [In Russian]
3. Popov A. Yu. *NKVD i partizanskoe dvizhenie* [NKVD and partisan movement]. Moscow, 2003, p. 383. [In Russian]
4. Boyarskiy V. I. *Partizanstvo vchera, segodnya, zavtra* [Partisanism yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 2003, p. 497. [In Russian]
5. Gogun A. *Stalinskie kommandos. Ukrainskie partizanskie formirovaniya, 1941–1944* [Stalin's commandos. Ukrainian partisan formations, 1941–1944]. Moscow, 2012, p. 704. [In Russian]
6. Verigin S. G. *Partizanskaya voyna v Karelii: sb. st. i materialov* [Partisan war in Karelia: collected articles and materials]. Petrozavodsk, 2005, pp. 6–30. [In Russian]
7. Verigin S. G. *Rossiya i Finlyandiya v mnogopolyarnom mire, 1809–2009: materialy Mezhdunar. rossiysko-finlyandskoy nauch. konf. (19–22 oktyabrya 2009 g.)* [Russia and Finland in a multipolar world, 1809–2009: proceedings of International Russian and Finnish scientific conference (October 19–22, 2009)]. Petrozavodsk, 2009, pp. 60–61. [In Russian]
8. Verigin S. G. *Voyna. Narod. Pobeda: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, 15–16 marta 2005 g.)* [War. People. Victory: proceedings of International scientific conference (Moscow, March 15–16, 2005)]. Moscow, 2008, pp. 333–352. [In Russian]
9. Verigin S. G. *Sever* [Sever journal]. 2013, no. 5–6, pp. 213–225. [In Russian]
10. Chumakov G. V., Remizov A. N. *Brigada. Partizanskaya voyna v Karelii* [The brigade. Partisan war in Karelia]. Petrozavodsk: RIF, 2007, p. 358. [In Russian]

11. *Arkhiv Prezidenta Rossiyskoy Federatsii (AP RF)* [Archive of the President of the Russian Federation]. F. 3. Op. 50. D. 487. [In Russian]
12. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 485.
13. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 471.
14. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 473.
15. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 474.
16. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 475.
17. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 486.
18. *AP RF*. F. 3. Op. 50. D. 476.

Мозохин Олег Борисович
доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: mozohin@bk.ru

Mozokhin Oleg Borisovich
Doctor of historical sciences, senior staff scientist, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19 Dmitriya Ulyanova street, Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Мозохин, О. Б. Партизанское движение в Карелии (к 75-летию победы в Великой Отечественной войне) / О. Б. Мозохин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 65–74. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-8.

УДК 281.93(091)
DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-9

В. Н. Якунин

ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТАХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблемы истории Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны и изменения государственно-церковных отношений сегодня, когда в России формируется новая модель взаимоотношений государства и Церкви, приобрели особую актуальность. Весьма важно на основе изучения положения и деятельности Русской православной церкви в советском обществе в 1941–1945 гг. сделать обоснованные выводы, извлечь уроки, сформулировать научно-практические рекомендации, которые можно использовать для дальнейшего развития отечественной исторической науки и в целях совершенствования государственно-церковных отношений. Цель исследования – выявить реакцию на изменение государственно-церковных отношений на местах, в различных слоях советского общества.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации. Особое место занимают отчеты правящих архиереев, воспоминания современников. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить довоенную политику советского государства в отношении религиозных организаций с политикой, проводившейся в годы Великой Отечественной войны; статистический метод, значимость которого очевидна для анализа данных, связанных с открытием храмов в военные годы.

Результаты. Исследовано отношение на местах со стороны советско-партийных органов, духовенства и верующих, различных слоев советского общества к изменению государственно-церковных отношений. Проанализировано соотношение официальной политики и пропаганды с конкретным воплощением государственной церковной политики.

Выводы. Анализируя проведение государственной политики в отношении духовенства и верующих, необходимо признать, что в одних случаях допускалось грубое нарушение законности и оскорбление религиозных чувств верующих, их запугивание, в других случаях наблюдалась готовность к удовлетворению всех требований верующих, духовенства и религиозных групп и обществ, привлечение представителей церкви к участию в совещаниях местных органов власти. Местное руководство было дезориентировано после 25 лет атеистической пропаганды, им были непонятны причины столь радикальной смены курса в отношении религии и церкви. Узнавая о фактах незаконных действий по отношению к верующим, руководство Совета по делам РПЦ требовало от местных руководителей наказывать виновных. Борясь с противоправными действиями в отношении верующих со стороны отдельных руководителей, чиновники Совета по делам Русской православной церкви следили за

© Якунин В. Н., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

тем, чтобы местные органы власти не ударились в противоположную крайность и не стали помогать верующим в их нуждах.

Ключевые слова: Русская православная церковь, патриотическая деятельность, государственно-церковные отношения, поместный собор.

V. N. Yakunin

THE ESTIMATION OF CHANGES IN STATE-CHURCH RELATIONS AT THE LOCAL LEVEL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract.

Background. The problems of the history of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War and changes in state-church relations today, when a new model of relations between the state and the Church are being formed in Russia, have acquired particular relevance. It is very important on the basis of studying the situation and activities of the Russian Orthodox Church in Soviet society in 1941–1945 draw valid conclusions, learn lessons, formulate scientific and practical recommendations that can be used to further develop domestic historical science and to improve state-church relations. The purpose of the study is to identify the reaction to changes in state-church relations on the ground, in various layers of Soviet society.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the State Archive of the Russian Federation. A special place is occupied by the reports of the ruling bishops, the memoirs of contemporaries. The methodological potential includes: a comparative historical method, the application of which allows you to compare the pre-war policy of the Soviet state in relation to religious organizations, with the policy carried out during the Great Patriotic War; a statistical method, the significance of which is obvious for the analysis of data related to the opening of temples in the war years.

Results. The attitude on the part of the Soviet-party bodies, the clergy and believers, various strata of Soviet society towards a change in state-church relations is investigated. The correlation of official politics and propaganda with the concrete embodiment of state church policy is analyzed.

Conclusions. Analyzing the implementation of state policy in relation to the clergy and believers, it is necessary to recognize that in some cases a gross violation of the law and an insult to the religious feelings of believers and their intimidation were allowed. In other cases, there was a readiness to meet all the requirements of believers, clergy and religious groups and societies, and attracting church representatives to participate in meetings of local authorities. The local leadership was disoriented after 25 years of atheistic propaganda, they did not understand the reasons for such a radical change of course in relation to religion and the church. Learning about the facts of illegal actions against believers, the leadership of the Council for the ROC demanded that local leaders punish the guilty. Struggling against unlawful actions against believers by individual leaders, the officials of the Council for the ROC Affairs ensured that local authorities did not hit the opposite extreme and did not help believers in their needs.

Keywords: Russian Orthodox Church, patriotic activity, state-church relations, local cathedral.

Организация Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) при СНК СССР с аппаратом уполномоченных, восстановление патриаршества и Священного Синода, патриотическая деятельность духовенства и верующих, разрешение открытия церквей и молитвенных домов среди многих руководящих работников местных советских органов вызывали «ряд недоуменных, неясных вопросов» и непонимание причин указанных мероприятий. На местах это приводило к ошибкам и неправильным действиям в практических вопросах между государством и церковью. Многочисленные нарушения прав верующих на Украине дали повод председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову обратиться с письмом к Н. С. Хрущеву, в котором он писал, что «уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК УССР Ходченко и уполномоченные при облисполкомах несвоевременно и иногда недостаточно оперативно реагируют на эти факты, в результате чего всякого рода грубые выпады по отношению к духовенству и верующим продолжают иметь место». Г. Г. Карпов просил Хрущева «дать указания облисполкомам республики о прекращении противозаконных действий, оскорбляющих верующих, и о необходимости согласования мероприятий в отношении церкви с уполномоченными» [1].

Вместе с тем Г. Г. Карпов наставлял своих подчиненных, что с духовенством и прежде всего с епископами нужно иметь нормальные взаимоотношения: «Вы должны понять, что многое зависит от Ваших личных отношений. У вас не должно быть панибратства, но у вас не должно быть пренебрежительного или грубого отношения к духовенству». Г. Г. Карпов инструктировал уполномоченных поздравлять епископа с его датами, «ведь он вас поздравляет с 1 мая и 7 ноября» [2]. Заведующий отделом по делам Центрального управления церкви Совета по делам РПЦ Г. Т. Уткин прямо рекомендовал уполномоченным иногда посещать епископа, «тем более, архиереи большей частью старики, за 70–80 лет… то, что вы выпьете чаю или даже вина, в этом ничего предосудительного нет, но нужно, чтобы не было выпито ничего лишнего» [3].

Но на местах руководители с трудом готовы были изжить сложившиеся стереотипы. В Винницкой области председатель Погребищанского райисполкома на проводимых им совещаниях с председателями сельсоветов и колхозов прямо призывал последних к грубым формам администрирования по отношению к духовенству и верующим: «Сейчас как никогда мы должны вести антирелигиозную агитацию. Эти гадюки-попы нам мешают работать, это кубло надо уничтожить» [4]. В результате кое-где на местах самостоятельно и незаконно начали закрывать церкви, изымать церковное имущество, допускать грубые и хулиганские выходки в отношении духовенства, например, могли выбросить из церкви иконы и культовую утварь, отобрать ключи от церкви, взломать церковные замки, в алтарь храма войти вместе с женщинами, разогнать крестный ход и отобрать у верующих иконы [5]. В Татарской АССР председатель Больше-Фроловского сельсовета Буинского района Тарасов угрожал верующим тюрьмой за постановку вопросов об открытии церкви и создании церковной общины, аналогичный случай зафиксировали в Новосибирской области [6]. Проводившаяся 25 лет антирелигиозная работа давала о себе знать еще долгие-долгие годы. В Курской области заместитель председателя Льговского райсовета Захаров зашел в церковь в головном уборе, на

него пожаловались уполномоченному. В присутствии заместителя председателя облисполкома уполномоченный сделал выговор Захарову, но он все равно считал, что поступил правильно, «так как в церкви был 1 ктитор и чтобы тот не подумал, что он верующий, не снял шапку… Советская власть 25 лет учила не признавать религию, а теперь вдруг надо менять свое отношение к церкви» [7]. В Винницкой области председатель сельсовета с. Медведка Калиновского района во время богослужения сделал выстрел возле церкви, после чего в головном уборе и с папироской вошел в церковь, предложил священнику немедленно прекратить богослужение и здесь же выписал для него повестку о мобилизации на уборочную [8]. В Потиевском районе Житомирской области местные руководители закрыли церковь, при этом сломали иконостас и некоторые иконы, угрожая возмущенным верующим арестом [9].

Все вышеперечисленные случаи взяты из отчетов уполномоченных в Совет по делам РПЦ, положительным является уже то, что они фиксировались, признавались недопустимыми и по каждому из них велась работа, проводились проверки, информировалось руководство союзных и автономных республик, краев и областей СССР.

Другие партийно-советские работники, и их было большинство, пребывали в растерянности от изменения государственно-церковных отношений, не знали, как в определенных обстоятельствах поступать, как реагировать. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по УССР П. С. Ходченко докладывал о таких фактах: «Отдельные местные органы не уяснили себе ясной политики Советской власти в вопросах по отношению к религии и церкви, считая что все это временное явление, с чем можно и не спешить» [10]. В Бобруйской области уполномоченный Совета Шеленговский вопрошал своих начальников: «Я плохо ориентируюсь, как понять политику теперь, стать ли на линию расширения церквей или же сжатия. Я сам понимаю, что не наша задача растить церковь, в соответствии с этим надо проводить массовую разъяснительную работу по партийной линии, сводить к тому, чтобы количество церквей не увеличивалось, а уменьшалось. Но в данное время у меня сложилось впечатление, что церковь должна укрепляться» [11]. Рабочий кабинет Шеленговского располагался в здании напротив одной из бобруйских церквей, но, по его же собственным словам, «он туда ни разу не ходил, как будто неудобно, а интересно поглядеть… стоит ли ходить в церковь?» – вопрошал он своих руководителей [12]. В Тульской области председатель колхоза «Красная Нива» Поздняковского сельсовета Тарусского района П. П. Самохин, имея общественную нагрузку агитатора, вопрошал отдел пропаганды и агитации Тульского обкома партии, не в силах понять причины изменения государственно-церковных отношений и открытия церквей и какими обстоятельствами это вызвано – «по предложению наших союзников или нашего правительства, или просто это вымысел и болтовня чуждых людей для подрыва нашего государства» [13].

Многие верующие пытались разобраться в действительных намерениях советского руководства. Судя по документам, характеризующим настроения верующих, «советская власть вмешивается в церковные дела, а церковная власть подслуживается советской власти. Современные факты бытия РПЦ расцениваются как уступка военной стихии и международному вмешательст-

ву, а поэтому замечается крайняя осторожность интеллигентных верующих выступать активно в церковной жизни. Все ждут послевоенных итогов» [14].

Мотивы отказа в открытии церкви или молитвенного дома были самыми разнообразными, вплоть до казусных. Вот что заявил верующим работник райисполкома г. Боровичи Новгородской области: «Церкви мы вам открывать не будем, так как церкви открывают только в крупных городах, где есть послы иностранных государств и где нужны деньги, а у нас в районе послов нет, деньги у нас есть, и поэтому церкви мы открывать не будем» [15]. Преобладающим же мотивом отказа являлось то обстоятельство, что здание занято под склад, зернохранилище и прочие хозяйственные нужды [16]. В декабре того же года Совет предупредил местные органы, что он будет входить в правительство с представлением об отмене подобных решений [17].

Уже в первые месяцы войны в СССР началось активное движение за открытие храмов. Верующие просили для себя возможность молиться за погибших на фронте и за победу над фашизмом [18]. Уполномоченные Совета писали о распространенных среди верующих слухов о том, будто бы советское правительство берет на себя обязанности по восстановлению и ремонту церквей, что правительство будет содержать священников и других церковнослужителей, снабжать стройматериалами церкви [19].

11 февраля 1945 г. в с. Тепловка Пестравского района в доме колхозника Иосифа Садчикова было созвано собрание верующих, на котором присутствовало 200 человек. На собрание был приглашен председатель исполкома сельсовета Домнышев, который организовал читку газет о работе Поместного собора. С ведома того же председателя 25 февраля было созвано вторично собрание верующих, на котором присутствовало 165 человек. Собрание вынесло решение об избрании уполномоченных по ходатайству об открытии церкви [20]. Подобные явления наблюдались и в других регионах страны.

Процедура между первой подачей прошения об открытии храма и его окончательным одобрением занимала в среднем от 1 года до 3 лет. В то же время затягивание вопросов об открытии церквей рассматривалось Советом по делам РПЦ как недостаток в работе уполномоченных [21].

Уполномоченный по Ворошиловградской области Дубовой сам ходил на прием к председателю облисполкома с ходатайством об открытии церкви в с. Верхнем. Когда в с. Бахмутовка к председателю райисполкома пришел священник, назначенный в местную церковь, и получил в ответ «вы, православная банда, больше ко мне не являйтесь», то Дубовой провел с ним беседу, и дело дошло до того, что он заплакал, заявив: «Я никогда больше так не буду» [22]. Случалось, что сотрудники НКВД ограждали верующих от хулиганских выходок [23].

Далеко не всегда уполномоченные Совета и сотрудники НКВД и НКГБ вставали на защиту верующих. Зачастую они сами нарушали их права. Почти повсеместно уполномоченные доносили в органы о каждом «подозрительном» факте [24]. В Ульяновской области уполномоченный Карташев не нашел общий язык с местным управлением НКВД, от сотрудников которого «взаимного совета или необходимых данных получить не мог» [25]. В Красноярском крае и г. Набережные Челны ТАССР чекисты пытались разложить группы верующих, ходатайствующих об открытии храмов, а в Красноярском крае применяли к ним «меры принуждения и воздействия» (допросы, угрозы

и т.д.), вынуждали их отказаться от своих подписей. Работники НКВД перехватывали там даже письма верующих с просьбами об открытии церквей к местному уполномоченному Лаксенко, перлюстрировали их. Они требовали от Лаксенко согласовывать с ними все вопросы, так как «председатель исполкома крайсовета лишь только формально скрепляет своей подписью заключения, наши же указания по этим вопросам являются обязательными». Как результат – незначительное поступление заявлений об открытии церквей и процветание «широко развитой нелегальной религиозной деятельности» [26].

Во многих областях уполномоченные встречались с правящим архиереем регулярно, 4–5 раз в месяц, причем инициатива исходила как с той, так и с другой стороны. В беседах обсуждались заявления верующих об открытии церквей, налоговые и хозяйственные вопросы. Почти во всех республиках страны уполномоченные Совета давали «указания о проведении патриотической работы среди верующих духовенством путем чтения обращения патриарха и усиления сбора средств в Фонд обороны» [18].

Рабочие отношения между уполномоченными и представителями Русской православной церкви складывались не везде. Находящийся в Кабардино-Балкарской АССР инспектор Совета по делам РПЦ Митин отмечал о местном уполномоченном Тиуновым, находившимся ранее на антирелигиозной работе, следующее: «…действующее законоположение о церквах и данные мною разъяснения о порядке их применения в практической работе воспринимались с трудом» [27].

Бывший активист Союза воинствующих безбожников Б. П. Кандидов в докладной записке секретарю ЦК А. А. Жданову резко критиковал новый курс государства в отношении Церкви и деятельность Совета по делам Русской православной церкви, писал о «самоуспокоенности» властей, тогда как, по его мнению, была нужна решительная борьба с «церковниками». Духовенство характеризовалось им как «опорная точка контрреволюционной разведки», как «бывшие люди». Патриотическая деятельность Церкви объявлялась им всего лишь «саморекламой и обманом». Священнослужители, по мнению Б. Кандидова, лишь наживались за счет верующих, поэтому он считал нужным увеличить их налогообложение. Опасаясь дальнейшего усиления влияния Церкви на общество и особенно на молодежь, он предлагал вновь начать решительную борьбу с религией и Церковью. Свои предложения Б. Кандидов обосновывал тем, что якобы «религиозные обычаи и обряды приносят непосредственный вред народному здоровью, так как способствуют распространению сифилиса, туберкулеза, брюшного тифа и других заразных болезней» [28].

В архивах встречаются факты помощи самих уполномоченных, чаще всего не преднамеренной, Церкви. Так, в г. Иванове уполномоченный Виноградов неоднократно требовал назначить епископа и даже сам рекомендовал назначить на эту должность настоятеля Успенского собора г. Владимира Фестинатова, хотя он не мог не понимать, что ходатайства об открытии церквей от этого увеличатся, как и повысится церковная активность [29]. В Ленинградской области уполномоченный Кушнарев мог запросто отправить духовных лиц в командировку, нередко сам ездил в командировки с управляющим епархией архиепископом Григорием, направлял последнему заявления верующих об открытии церквей и просил его заключение по этим хода-

тайствам. Как правило, Кушнарев регистрировал всех назначенных архиепископом Григорием священнослужителей [30]. Впрочем, в том же Ленинграде советские финорганы действовали независимо от уполномоченного: совершали обходы церквей, «подглядывали, подслушивали», тайно опрашивали прихожан, подсчитывали записки, таким образом унижая духовенство в глазах верующих. Случались и совсем казусные ситуации: священник сдавал деньги в фонд обороны, а в финотделе учиняли допрос, где он их взял [31]. Надо признать, что такие случаи были скорее исключением из правил, чем системой.

Нередко верующие относились к уполномоченным как к представителям Церкви, а не государства, полагая, «что раз это уполномоченный по делам РПЦ, так это от Святейшего Синода и от епископа… а туда мы всегда жертвуем, чем можем, и недовольны тем, что не сумели отблагодарить». Были факты, когда верующие приносили уполномоченным не только деньги, но и продукты с просьбой ускорить открытие той или иной церкви, приводя пословицу «сухая ложка рот дерет» [32]. Фиксировались случаи взяток со стороны верующих как представителям местных органов власти, так и уполномоченным за то, что они добьются положительного решения на открытие церкви (г. Чкалов, Ростов) [33]. Уполномоченный Совета по Одесской области Забудский при содействии духовенства получил и отремонтировал квартиру, а уполномоченные по Винницкой и Сталинской областям участвовали в попойках с духовенством. Возглавлявший инспекторскую группу Совета И. И. Иванов писал о таких фактах: «Позорно для наших работников, когда они будут брать взятки и участвовать в попойках с духовенством. Это предел падения, таких людей на работе держать нельзя» [34].

На представителей Совета по делам РПЦ и уполномоченных зачастую смотрели как на неких арбитров во внутрицерковных спорах, которые смогут урегулировать различные конфликты, как, например, в Чкаловской области между протоиереем Архангельским и правящим епископом Мануилом (Лемешевским) [35].

Были случаи, когда уполномоченные вмешивались во внутрицерковные отношения, пытались с помощью правящего архиерея сместить тех или иных духовных лиц, ссылаясь при этом на их поведение, как это было в Новосибирской епархии. В Совете указывалось на недопустимость подобных действий [36].

Уполномоченные Совета фиксировали факты, когда сельсоветы и их руководящий состав брали на себя инициативу созыва собраний верующих по вопросам открытия церквей и выборам церковных советов и для таких собраний предоставляли помещения советских и культурных организаций (клубов, изб-читален и т.п.), выдавали общинам верующих разного рода справки об открытии церквей, местные советские органы разрешали незарегистрированным священникам совершать религиозные требы и богослужения в домах верующих, восстанавливать бывшие церковные советы закрытых церквей и с ними поддерживали связь как с представителями верующих, т.е. фактически легализовали религиозную общину без предварительной регистрации общины у уполномоченного Совета по делам РПЦ. Случалось, что руководители местных органов власти разрешали верующим открывать церкви и оказывали им содействие в предоставлении помещений для церковных

служб [37]. Уполномоченные отмечали, что на местах «в одних случаях допускается грубое нарушение законности и религиозных чувств верующих, в других – проявление готовности к удовлетворению всякого рода незаконных притязаний религиозных организаций, привлечение представителей церкви к участию в деловых советских совещаниях» [38].

Когда Ворошиловградский епископ Никон приехал с пастырским визитом в Мариуполь, там его встретили руководители города по главе с секретарем горкома партии. Он не был с ними знаком, и, если бы его не предупредили, он «хотел подпустить их под благословение». Руководство города предоставило епископу легковой автомобиль на четыре дня [39].

В Кировской области в качестве ходатаев за открытие церквей выступили три председателя колхоза, они собрали свыше 700 подписей верующих в обращении на имя М. И. Калинина и заверили их колхозными печатями [40].

В Молотовской области председатель Лапшинского сельсовета Черновского района Шадрин дал письменное указание общине верующих провести собрания в селе Чернухи и деревнях Лапшины, Богодуны и Арташаны, на этих собраниях написать заявление об открытии церкви в селе Чернухи, запротоколировать это и избрать церковный совет. После проведенных мероприятий Шадрин заверил документы своей подписью, поставил печать сельсовета и отправил в Черновский райисполком, в котором также не были против открытия церкви, документы на ее открытие отправили в облисполком. Это послужило причиной совместного инструктивного письма председателя облсовета и уполномоченного на имя председателей городских и районных исполкомов и председателей колхозов, в котором тем запрещалось проводить прием и оформление заявлений от верующих об открытии церквей, выдачу справок, передачу культового имущества и проведение собраний и выборов без официального разрешения уполномоченного [41].

В Куйбышевской области председатель исполкома Колдыбанского сельсовета Домненко в помещении сельсовета созвал собрание верующих, на котором присутствовало до 150 человек. На собрании были избраны церковный совет и уполномоченные по ходатайству об открытии церкви. Такие же собрания верующих с теми же вопросами созывались в с. Томылово Чапаевского района, Заплавное Борского района, Большая Черниговка того же района и других селах. 11 февраля 1945 г. в с. Тепловка Пестравского района в доме колхозника Иосифа Садчикова было созвано собрание верующих, на котором присутствовало 200 человек. На собрание был приглашен председатель исполкома Тепловского сельсовета Домнышев, который организовал читку газет о работе Поместного собора Русской православной церкви, с ведома того же председателя было созвано вторично собрание верующих 25 февраля 1945 г., на котором присутствовало 165 человек. Собрание вынесло решение об избрании уполномоченных по ходатайству об открытии церкви [42]. В селе Верхнее Санчелеево Ставропольского района Куйбышевской области в декабре 1943 г. председателем сельсовета Сорокиным в избе-читальне было созвано собрание верующих села, на котором был предрешен вопрос об открытии церкви и выбран уполномоченный общины П. Л. Соколов, который организовал сбор тысячи подписей верующих [38].

В Ленинградской области уполномоченный отмечал «заботу и попечительство отдельных местных работников исполкомов районных и городских

Советов депутатов трудящихся, выражающееся в том, что верующие по предложению работников райисполкома собирали подписи об открытии церквей». По трем районам было собрано 2250 подписей, по двум сельсоветам – 500. Председатели ряда сельсоветов заверяли подписи членов церковной «двадцатки» и направляли эти списки для регистрации религиозных общин. В Лужском районе сельсоветом была выдана справка о рождении ребенка и на ней резолюция, что крестить его «со стороны сельсовета препятствий не встречается». В том же районе председатель одного из сельсоветов и местный протоиерей подписали телеграмму, в которой просили благословения митрополита Алексия (Симанского) на служение обедни в их церкви [43]. Председатель исполкома Гатчинского горсовета Игнатьев на собрания верующих по открытию церквей посылал своих представителей. Для духовенства им выписывались газеты через горком партии. Ленинградский обком партии указал на недопустимость подобных действий, и тогда впали в другую крайность: отобрали у священников и церковных служащих все продуктовые карточки, а священникам стали запрещать абсолютно все требы на дому у верующих [44].

Председатели некоторых сельсоветов в Ставропольском крае обращались к духовенству с просьбами выступить в церквах с проповедями по поводу повышения трудовой дисциплины в колхозах [45].

В станице Голубинской Калачевского района на основании устного разрешения заместителя председателя Калачевского райисполкома Олейникова и письменного разрешения председателя Голубинского сельсовета в апреле 1944 г. начал функционировать молитвенный дом, службы в котором проводил незарегистрированный священник с разрешения председателя местного сельсовета [46].

В Куйбышевском районе Татарской АССР отдельные председатели сельсоветов разрешали открытие церковных зданий и совершение служб «к церковным праздникам сел» [47].

Узнавая о фактах незаконных действий по отношению к верующим, председатель Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпов требовал от местных руководителей наказывать виновных. Председателю Новосибирского облисполкома Гришину он разъяснял, что «верующие – это те же рабочие, служащие, колхозники, патриотизм которых ни у кого не вызывал сомнений и недоумений» [48]. На совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ, проходившем 20–21 сентября 1944 г. в Новосибирске, в качестве первоочередной ставилась задача «сохранить нормальные отношения церкви и государства и улучшить их на пользу нашей Родине» [49].

Борясь с противоправными действиями в отношении верующих со стороны отдельных руководителей, чиновники Совета по делам РПЦ следили за тем, чтобы местные органы власти не ударились в противоположную крайность и не стали помогать верующим в их нуждах.

Анализируя проведение государственной политики в отношении духовенства и верующих, необходимо признать, что в одних случаях допускалось грубое нарушение законности и оскорбление религиозных чувств верующих, их запугивание. Имелись отдельные факты, когда представители местных советских органов угрожали верующим и их уполномоченным судом, расстрелом и арестом, запугивали НКВД, а по поводу желания верующих хода-

тайствовать об открытии церквей некоторые советские работники заявляли «это вы контрреволюционное дело затеваете». В других случаях – «проявление готовности к удовлетворению всяких незаконных притязаний и требований верующих, духовенства и религиозных групп и обществ, привлечение представителей церкви к участию в деловых советских совещаниях». Сельсоветы и их руководящий состав в некоторых областях СССР брали на себя инициативу созыва собраний верующих по вопросам открытия церквей и для этих собраний предоставляли помещения советских и культурных организаций (клубов, изб-читален и т.п.), они же разрешали незарегистрированным священнослужителям совершать религиозные требы и богослужения в домах верующих, восстанавливать церковные советы закрытых церквей, т.е. фактически легализовали религиозную общину без ее регистрации у уполномоченного Совета по делам РПЦ [38, 50].

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 131–133.
2. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 50.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 83.
4. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 37.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 8. Л. 46 ; Д. 12. Л. 145 ; Оп. 2. Д. 13. Л. 159.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 67, 93.
7. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 131.
9. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 133.
10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.
12. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.
13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 16.
14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 11. Л. 47.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 12.
16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 28.
17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.
18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 34.
19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 153.
20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.
21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 30. Л. 8.
22. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.
23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 36. Л. 35, 36.
24. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 92–95.
25. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 38–59.
26. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 67 ; Д. 34. Л. 117–119.
27. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–4, 10–15, 51, 84, 116.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 52–149.
29. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 72.
30. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 162–166.
31. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 184, 185.
32. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–4.
33. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 64 ; Д. 35. Л. 60–68.
34. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 27. Л. 46.

35. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 35. Л. 60–68.
36. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 120.
37. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 35, 69, 179 ; Д. 8. Л. 71.
38. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
39. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 10. Л. 165.
40. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 23.
41. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 36. Л. 67.
42. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 121.
43. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 12. Л. 149.
44. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 34. Л. 180.
45. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
46. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.
47. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 69.
48. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 178.
49. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.
50. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 179.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 131–133. [In Russian]
2. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 50.
3. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 83.
4. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 37.
5. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 8. L. 46; D. 12. L. 145; Op. 2. D. 13. L. 159.
6. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 67, 93.
7. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 8. L. 51.
8. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 131.
9. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 133.
10. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 36.
11. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 17.
12. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 19.
13. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 14. L. 16.
14. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 11. L. 47.
15. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 52. L. 12.
16. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 8. L. 28.
17. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 7. L. 22.
18. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 34.
19. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 13. L. 153.
20. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 4. L. 1.
21. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 30. L. 8.
22. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 33.
23. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 36. L. 35, 36.
24. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 15. L. 92–95.
25. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 35. L. 38–59.
26. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 67; D. 34. L. 117–119.
27. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 16. L. 1–4, 10–15, 51, 84, 116.
28. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of social and political history]. F. 17. Op. 125. D. 313. L. 52–149. [In Russian]
29. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 72.
30. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 162–166.
31. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 184, 185.

32. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 16. L. 1–4.
33. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 16. L. 64; D. 35. L. 60–68.
34. *GAR*F. F. 6991. Op. 1. D. 27. L. 46.
35. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 35. L. 60–68.
36. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 34. L. 120.
37. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 35, 69, 179; D. 8. L. 71.
38. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 7. L. 7.
39. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 10. L. 165.
40. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 16. L. 23.
41. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 36. L. 67.
42. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 12. L. 121.
43. *GARF*. F. 6991. Op. 2. D. 12. L. 149.
44. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 34. L. 180.
45. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 7. L. 8.
46. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 35.
47. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 69.
48. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 178.
49. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 6. L. 28.
50. *GARF*. F. 6991. Op. 1. D. 9. L. 179.

Якунин Вадим Николаевич
доктор исторических наук, профессор, проректор Поволжского государственного университета сервиса (Россия, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4)

Yakunin Vadim Nikolaevich
Doctor of historical sciences, professor, vice-rector of Volga Region State University of Service (4 Gagarina street, Togliatti, Russia)

E-mail: vadyak@mail.ru

Образец цитирования:

Якунин, В. Н. Оценка изменений государственно-церковных отношений на местах в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Якунин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 75–86. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-9.

Р Е Ц Е Н З И И

DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-10

В. П. Митрофанов

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВЕНЕЦИИ

V. P. Mitrofanov

A NEW MONOGRAPH ON A MEDIEVAL VENICE

Третьякова, М. В. Дипломатическая деятельность венецианского нобиля Джакомо Соранцо : монография / М. В. Третьякова. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. – 402 с.

Изданная монография Марины Владимировны Третьяковой – одна из немногих работ отечественных авторов по истории средневековой Венеции. Ее автор давно известна среди российских медиевистов своими научными работами по данной тематике [1–8]. Хотя книга посвящена дипломатической деятельности венецианского нобиля Джакомо Соранцо (1518–1599), но поставленная проблема исследуется автором в широком контексте истории не только Венецианской республики, но и целого ряда европейских монархий и Османской империи XV–XVII вв. Для этого ею привлечены материалы множества источников и специальных исследований не только по истории Венеции, но и по истории Франции, Англии, Германии, Испании, различных итальянских государств и даже России. Структура рецензируемой монографии соответствует поставленной автором цели и задачам. Она состоит из четырех глав, введения, заключения, списка литературы и списка сокращений. Хотя в отечественной историографии имеется немало значимых исследований по истории Италии позднего Средневековья [9–13], но исследований о дипломатической деятельности венецианского нобиля Джакомо Соранцо нет, за исключением опубликованных ранее статей самого автора монографии.

Венеция стала первым из итальянских государств, организовавших постоянные дипломатические представительства при европейских королевских дворах в конце XV – начале XVI в. Как видно из названия монографии, главный ее герой – венецианский нобиль Джакомо Соранцо, который был занят на дипломатической службе Республики Св. Марка на протяжении второй половины XVI в. Это было переходное время, когда происходили экономические, политические, социальные и религиозные трансформации в европейских странах, что неизбежно наложило свой отпечаток на дипломатическую

© Митрофанов В. П., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

службу Венеции. В таких непростых условиях Дж. Соранцо приходилось выполнять ответственные поручения в тех странах, куда его посылали политические органы венецианского государства и прежде всего Совет десяти.

Во введении автор обозначила в общих чертах существовавшие проблемы в международных отношениях во второй половине XVI – начале XVII в. (с. 4–7), что важно для читателя и дальнейшего погружения в сложные проблемы внешней политики Венеции.

Глава I «Несколько слов о внешней политике Венеции второй половины XVI в.» (с. 8–30) в определенной степени также носит вводный характер. В ней автор показала основные события международных отношений, в том числе войны, сконцентрировав внимание на османской угрозе христианским государствам Европы. Автор отметила место Венеции в контексте сложной международной обстановки того периода. Приведенный в главе материал свидетельствует о том, что во внешней политике Венеции доминировали ее отношения со странами, которые в тот период были лидерами: Священная Римская империя, Испания, Франция, Англия, государства Апеннинского полуострова и Османская империя. Венеция явно опасалась угрозы своим владениям в Средиземноморье, а также нестабильности отношений с Испанией и Папством. Поэтому для решения внешнеполитических проблем начала делать ставку на дипломатию.

В главе II «Особенности венецианской дипломатической службы» автор последовательно показывает формирование системы дипломатического представительства Венеции сначала в итальянских государствах, а затем и в других европейских странах. Очевидно, она права в своем утверждении вслед за известными специалистами по истории Византии И. П. Медведевым, З. В. Удальцовой, а также английским историком Г. Никольсом, что венецианцы заимствовали организацию дипломатической службы у Византийской империи. По ее мнению, началом дипломатического представительства Венеции можно считать 23.07.1450, когда в Неаполитанском королевстве было открыто представительство Республики Св. Марка. В главе показано появление различных должностей дипломатической службы Венеции: прокуратор, нунций, оратор, консул, байло, посол (с. 36–370). Автор раскрывает задачи, возлагаемые на них. Очень интересно для читателя сравнение дипломатических должностных лиц Венеции и русского государства XVI–XVII вв.: посол, посланник, гонец (с. 40). Отмечена ею трансформация дипломатических должностей Венеции в последующее время, что привело к утверждению таких должностей, как полномочный посол-резидент, чрезвычайный и полномочный посол, агент-резидент (байло) в Константинополе, консул (резидент) в Лондоне (иногда и в других итальянских государствах), резидент как посланец Венеции в итальянских городах-государствах. Венецианский посол в России именовался nobile a Pietroburgo (с. 41). Видимо, это надо понимать как «нобиль для Петербурга», но это уже относится к XVIII в. Марина Владимировна показала, как и когда Венеция начинает назначать своих послов в Англию, Германию и т.д. Она показала также, что статус послов определялся феодальным принципом, т.е. его родовитостью и т.п., что вполне логично для того времени. Интересно, что соблюдению этого принципа содействовала и позиция Римской курии, в частности меморандум папы Юлия II, который установил своего рода «табель о рангах» для дипломатических представите-

лей европейских стран (с. 44). Много места в главе уделено изучению формирования дипломатического церемониала и протокола. Автор приводит различные примеры этого, в том числе с русским послом Яковом Молвянином во время его встречи с венецианским дожем Николо да Понте в 1583 г. (с. 49, 50). Для сравнения приводятся примеры других русских посольств к европейским дворам в XVII в. (с. 51–59). Хорошо показано восприятие личности послов современниками, в том числе писателям-гуманистами, как, например, Ф. Гвиччардини. Совершенно справедливо автор отметила, что зачастую послов рассматривали как шпионов и ограничивали их срок пребывания в своих странах (с. 62, 63). Отчасти она отметила и методы сбора информации послами. Однако эти аспекты дипломатической деятельности рассматриваются в монографии на примере не только венецианских дипломатов, но и других дипломатов итальянских государств и стран Европы. Читателю будет интересно узнать, что с 1497 по 1783 г. в различных странах Европы и Османской империи было аккредитовано 268 венецианских послов (с. 64).

Прослеживая складывание в Венеции законодательства о дипломатической службе, автор показала оформление документов дипломатического обихода: верительные, охранные и проезжие грамоты, мандаты и т.п. (с. 65, 66). Отмечены также государственные институты, руководившие венецианской дипломатической службой. По ее мнению, законодательство о дипломатии начало формироваться в Венеции еще с XIII в. (с. 66, 67). Формировалось оно на основе различных декретов Большого совета и Сената и регламентировало все стороны посольского дела Венеции: финансирование, сметы, отчеты, методы сбора информации и т.д.

В главе III «Дипломатия как сфера деятельности венецианского нобилитета» рассматривается специфика положения нобилитета в Венецианской республике, особенно клана Соранцо (с. 108–117). Марина Владимировна достаточно подробно и обстоятельно проанализировала точки зрения отечественных и зарубежных историков на политическую структуру Венеции XV–XVI вв. и даже привела статистические данные о распределении численности населения по округам Венеции с указанием количества представителей различных социальных групп, в том числе и нобилей (с. 90 табл. 1). Отметила она и факты аноблирования пополанских семей в состав нобилитета, что имело место с XIV до начала XVIII в. Обстоятельно показаны стадии прохождения государственных должностей представителями нобилей. Отмечена в главе и экономическая деятельность нобилей, которая в основном была связана с торговлей и банковской сферой. Автор приводит исключительно интересные и показательные цифровые данные о различных аристократических кланах Венеции (с. 99, 100), а также структуру их семей (с. 100–103). Она даже описала их одежду (с. 104). По ее мнению, нобили почти все были связаны с дипломатической службой. Большой интерес представляет табл. 2 (с. 107) «Распределение послов по странам аккредитации», в которой отражены цифровые данные о венецианских аристократических семьях, как старых родовитых, так и новых из числа аноблированных городских слоев, по странам их аккредитации в качестве дипломатических представителей Республики Св. Марка.

Особо останавливаясь на клане Саранцо, Марина Владимировна проследила его происхождение, приводя различные точки зрения зарубежных

историков на этот счет. Она показала, какие должности занимали представители семейства Соранцо в венецианском государстве в разное время, начиная с XII и по XVI в. Автор обоснованно приходит к выводу о том, что семья Соранцо была семьей типичных венецианских нобилей, разбогатевших на левантийской торговле, банковских операциях, занимавшихся политикой и представленных на различных военных и дипломатических должностях (с. 117).

Глава IV «Джакомо Соранцо – венецианский дипломат XVI века» как по объему, так и по содержанию является ключевой в монографии (с. 118–358). В ней автор последовательно рассматривает дипломатическую деятельность венецианского посла в разные годы в Англии, во Франции, в Священной Римской империи (Германии) и в Османской империи. В начале главы подробно показана его служебная биография. Далее охарактеризована его первая дипломатическая миссия в Англии в период с 1551 по 1554 г., которая пришлась на время правления Эдуарда VI Тюдор и первые годы правления Марии Тюдор. Используя данные отчета венецианского посла, Марина Владимировна попутно рассматривает социально-экономическое положение Англии, отметив описание Соранцо природно-географических особенностей страны, аграрный и промышленный сектора экономики, а также финансов (с. 123–129). Венецианский посол включил в свой отчет и сведения по истории Англии, в том числе и сведения о титулах королевы Марии, эпоху войн Роз и некоторые другие сюжеты английской средневековой истории. Естественно, что он не мог не сказать о парламенте, дав описание открытия парламентской сессии. Правда, следовало бы уточнить, какую конкретно парламентскую сессию он описал. Отметила автор и его сообщение о законах и судах Англии, о деятельности Тайного совета, высших придворных должностях, подробное перечисление которых она дала с указанием конкретных лиц, занимавших их на тот момент (с. 132, 133). Здесь же приводятся интересные данные Соранцо об управлении Лондоном, о воинских контингентах ополчений графств и наемников, а также королевского флота (с. 134, 135). Большой интерес представляет сообщение венецианца о состоянии религиозных дел в Англии, в том числе и о реставрации католицизма Марией Тюдор, о заключении брака Марии с испанским принцем Филиппом (с. 136–140). Также можно считать уникальными портретно-психологичекие характеристики Соранцо первых лиц английского королевства, включая короля Эдуарда VI и саму королеву Марию Тюдор, что представляет большой интерес для историков-англоведов (с. 140–145). Марина Владимировна считает, что наиболее значимой частью отчетов венецианских послов была заключительная часть, в которой они указывали свои заслуги, отмеченные вознаграждениями монархов тех стран, в которых они находились в качестве послов, а также важные нюансы их миссий, как, например, полученные ими подарки и т.п. (с. 145–147).

Большой интерес представляет анализ автором монографии переписки Дж. Соранца, будучи послом в Англии, с венецианским правительством, где в одном из писем содержались сведения о Себастьяне Каботе, известном мореплавателе того времени, возвращение которого в Венецию, очевидно, желало правительство Республики Св. Марка. Как полагает автор – с целью использовать его знания и умения для поисков морского северного пути в Китай (с. 148–150). В этой связи она высказывает интересное предположение,

что к созданию знаменитой Московской компании опосредствованно оказался причастен Дж. Соранцо. Ее вывод об успешной миссии Дж. Соранцо в Англии в сложный период английской истории вполне обоснован. Действительно, сведения венецианского посла были чрезвычайно важны для правительства Республики Св. Марка, поскольку они были всесторонними, включали в себя социально-экономическое, политическое описание, а также рассказ о государственном устройстве, военной организации и религиозных вопросах. Для историков его данные о бытовой и повседневной жизни англичан середины XVI в., несомненно, представляют большой интерес.

Не менее обстоятельно в главе показана деятельность Дж. Соранцо во Франции в период 1554–1558 гг. Рассматривая его отчет, Марина Владимировна отмечает его географическое описание Франции, как и Англии. Означало ли это своеобразную обязательную форму отчета посла? Разве до получения сведений Соранцо венецианские власти ничего не знали об этом? Видимо здесь стоило бы дать пояснение читателю. Приведя сведения Соранцо о социальной структуре Франции, автор дает свое объяснение этому своеобразному делению на сословия. Она полагает, что Соранцо рассматривал ее по аналогии с социальной структурой Венеции, но с нюансами, поставив французское духовенство на 3 место (с. 156–158). Но чем это объясняется? Возможно тем, что во Франции католическая церковь во многом уже была подчинена государству, т.е. она была так называемой галликанской церковью. Автор приводит много сведений Дж. Соранцо о военной организации Франции, в том числе флота (с. 158–162). Наиболее интересной частью отчета Соранцо Марина Владимировна считает его сведения о финансах Франции. Она воспроизводит достаточно подробно эту часть его отчета (с. 162–169). Нельзя не согласиться, что в нем Соранцо дал четкую картину венецианскому правительству о структуре доходов и расходов французской короны (с. 169). Автор раскрыла читателю и портретную характеристику Соранцо французской аристократии, членов французской королевской семьи, в том числе и самого короля Генриха II (с. 169–178). Однако возникает вопрос: откуда Соранцо мог знать многие детали быта короля, его привычки и т.п.? Не домысливал ли все это он сам, дабы отчет получился более живым и красочным? Интересны сведения венецианского посла о придворных должностях, интригах, этикете (с. 178–189). Весьма важно, что Марина Владимировна анализирует приведенные сведения Соранцо о личностях монархов, аристократии и в целом сведения о королевском дворе Франции (с. 179–181). Хотя этот вывод можно было сделать в конце параграфа, а не середине. Отметила автор монографии сведения Соранцо о судебной системе Франции и пэрстве, а также о государственном управлении (с. 191, 192). Однако последние она характеризует как неполные (с. 192). По ее мнению, объясняется это тем, что посол не ставил задачу дать полную картину политического устройства Франции в своем выступлении перед дожем и венецианским правительством, ибо оно (т.е. выступление), видимо, по процедуре должно быть кратким. Особо автор показала и по ходу прокомментировала ту часть отчета Соранцо, где он охарактеризовал войны, в которых участвовала Франция (с. 193–206). В заключение она отметила, что Дж. Соранцо в своем отчете представил венецианскому правительству ценные сведении по экономике, социальной структуре Франции, дал обстоятельное описание королевского двора, вклю-

чая членов королевской семьи и придворной аристократии. По ее мнению, венецианский посол определил слабые места не только внутренней, но и внешней политики Франции (с. 207). Несомненно, полученные им сведения позволяли Венеции быть в курсе событий внутренней и, что особенно важно, текущей внешней политики французской монархии.

Далее не менее обстоятельно Марина Владимировна приводит и анализирует сведения Дж. Соранцо о Священной Римской империи, где он пребывал в качестве посла при императоре Фердинанде I в 1559–1561 гг. Отметив его сведения о географическом положении, социальной структуре и показав особенности политического устройства Священной Римской империи, она особо остановилась на анализе его данных о подготовке к открытию Тридентского собора, выборах римским королем Максимилиана, австро-турецких отношениях, последствиях конфликта Священной Римской империи с Венецией из-за Морано в 1543 г. (с. 208–237). Подробно рассматривая государственное устройство Империи, Марина Владимировна сопоставляет данные Соранцо с исследованиями современных историков (что, впрочем, можно было бы убрать в сноску, дабы не нарушать канву изложения), восприятие венецианского посла политического устройства Германии. При описании Реформации и учения Лютера неплохо было бы пояснить 66 положений учения Лютера, упомянутые Дж. Соранцо (с. 221). Ведь в современной исторической науке все-таки фигурируют 95 положений (тезисов) Лютера!

Приводя характеристику Дж. Соранцо, личности римского императора Фердинанда I и его политики, Марина Владимировна справедливо отметила, что как католик и современник венецианский посол не понимал, что как раз умение императора идти на компромиссы было сильной стороной его правления (с. 223). Повествуя о подготовке открытия Тридентского собора, автор справедливо отметила, что сообщения Дж. Соранцо отражали сложную политическую обстановку накануне его созыва. Попутно Марина Владимировна дает и свое заключение об отношениях католических и протестантских князей с императором, которые уже в большей мере определялись политическими и государственными интересами сторон. Анализируя сведения Соранцо о коронации Максимилиана и взаимоотношениях Фердинанда I с ним, она приводит опять-таки мнение историков о Максимилиане в этой сложной религиозно-политической обстановке (с. 230). Описывая отношения империи с Турцией, автор отмечает их неординарность, что объясняется стремлением дипломата оправдать позицию Венеции в конфликте с империей из-за крепости Марано в области Фриули, однако можно объяснить не только этим, но и политической значимостью для Венеции отношений Германской империи и Османской империи на Средиземноморье. Очевидно свои сведения Дж. Соранцо подает в таком ключе для создания благоприятного имиджа венецианского дожа в глазах императора и обоснования правильности позиции Венеции в этом конфликте (с. 233). Его дипломатические усилия действительно были по достоинству отмечены Республикой Св. Марка – он стал кавалером ордена Золотой шпоры (с. 234). Марина Владимировна достаточно подробно охарактеризовала сведения Соранцо о взаимоотношениях германского императора с другими монархами европейских стран (Польши, Венгрии, Трансильвании, Испании, Дании и др.). Она приходит к выводу, что миссия Дж. Соранцо при дворе Фердинанда I была важной в контексте подготовки

Триденского собора, взаимоотношений с Османской империей, внутренних династических и религиозных проблем в Германии (с. 236, 237).

Значительное место в монографии отведено рассмотрению деятельности Дж. Соранцо в качестве ординарного посла в Риме в 1560-е гг. (с. 237–307). Автор предваряет анализ миссии Джакомо Соранцо сообщением о деятельности в Риме его предшественника Джироламо Соранцо (с. 239–242). Безусловно, сведения обоих венецианцев о папском дворе и самих тогдашних римских папах (Пий IV, Павел IV) представляют интерес для читателя. Так, автор сопоставила сведения двух венецианских послов о папских финансах и сделала вывод, что их сложно сравнивать, поскольку они приводят несовпадающие финансовые статьи. Тем не менее общее, по ее мнению, – это то, что папской курией практиковался сбор денег всеми возможными средствами и расходование их на строительство и нужды двора и церкви (с. 245), что подтверждает точку зрения советского историка А. Д. Роловой [9, с. 498]. Автор подробно исследует сведения обоих венецианских послов об укладе папского двора, окружении папы Пия IV, в том числе о коллегии кардиналов. Она отметила прогнозы обоих послов в отношении преемников папы Пия IV (с. 259–264), заметив, что хотя оба они ошибались, но верно определили ключевые фигуры папского конклава, из числа которых могли бы избрать очередного папу, а также дали очень обстоятельную характеристику папского двора и папского окружения (с. 246–273). Используя иные источники и специальные исследования итальянских историков, Марина Владимировна значительно дополняет картину папского двора и окружения папы Пия IV, в том числе выходцев из Венецианской республики (с. 274–282). Особо она анализирует взаимоотношения папского государства с различными европейскими странами, приводя массу интересного материала, который хорошо иллюстрирует международную обстановку в Западной Европе середины XVI в. (с. 283–307). Нельзя не согласиться с утверждением, что благодаря сведениям венецианских послов власти Венеции могли иметь представление о структуре папского двора, личности самого папы и его окружения, составе его владений, способах получения доходов, статьях расходов, особенностях взаимоотношений папы с правителями европейских стран и итальянских государств. Эти и некоторые другие сведения имели для Венецианского государства как информативное, так и прикладное значение (с. 306, 307). Здесь неплохо бы привести примеры использования венецианским государством практического применения полученных от Соранцо сведений в европейских государствах.

Далее Марина Владимировна переходит к анализу дипломатической миссии Соранцо в Османской империи во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XVI в. (с. 307–358). Эти не совсем определенные даты объясняются тем, что венецианец несколько раз выполнял дипломатические поручения в Константинополе. Соответственно, как замечает автор, имеется несколько его отчетов, которые она и анализирует. Приводя сведения Соранцо о самом султане Мураде III и его окружении, она особо прослеживает отношение каждого из шести пашей к Венеции. Также венецианец приводит достаточно обстоятельные сведения о турецкой армии и флоте (с. 311, 312). Опять-таки, как и в отношении европейских государств, Соранцо характеризует отношения Турции с другими странами, как европейскими, так и восточными (с. 313–319). Интерес представляет оценка, хотя и краткая, отношений Тур-

ции с татарами и Московией (с. 318, 319). Правда, следовало бы пояснить, о каких татарах идет речь. О крымском ханстве или…?

Автор заметила отличие отчета венецианца 1582 г. от отчета 1575 г. По ее мнению, первый из них составлен не по обычной схеме отчетов венецианских послов. Это дает основание предполагать, что он вообще составлен не им, а кем-то из других участников посольства. Особо проанализированы Мариной Владимировной сведения венецианского посла о некоторых обычаях придворного этикета в Константинополе (с. 321–323), дополненные сведениями об участии венецианцев в обряде обрезания сына турецкого султана, что считалось большим праздником. Она дала подробное описание маршрута венецианской делегации в Константинополь и т.п. (с. 322–340). Автор обстоятельно охарактеризовала переговоры Соранцо с великим везирем и другими высшими сановниками султана, а также и саму аудиенцию у султана (с. 341–346). Продолжая описание праздника обрезания, автор отмечает полученные дары от султана и прощальный визит к нему (с. 347–350). Для читателя немалый интерес представляют портретные характеристики Соранцо приближенных султана, а также его самого и его детей (с. 350–357). В итоге Марина Владимировна приходит к выводу, что все три миссии в Константинополь Дж. Соранцо показали всю сложность венециано-турецких отношений.

В заключении отмечены сложившиеся в XVI в. в дипломатии Венеции правила и обычаи, автор резюмировала приведенные в монографии сведения о роли венецианского нобилитета в дипломатической практике и, в частности, Джокомо Соранцо, высоко оценив его отчеты, которые использовались его современниками, а в наше время и историками для изучения эпохи Средневековья. Возможно, следовало бы немного больше сказать, насколько отчеты Соранцо носили аналитический характер.

Несомненно, автору удалось показать дипломатическую деятельность Дж. Соранцо в широком контексте международных отношений европейских стран и Османской империи XVI в. Причем многие аспекты иллюстрируются цифровыми данными по истории Франции, Англии, Германии и т.д. Материалы дипломатических отчетов венецианского посла, приведенные в монографии, и их скрупулезный анализ автором монографии, несомненно, будут востребованы отечественными историками.

В целом высоко оценивая работу Марины Владимировны, следует высказать пожелания частного характера. Так, во введении стоило бы несколько основательнее дать постановку проблемы. Не все термины объясняются автором. Например, «читтадини» (с. 67) объясняется только в гл. 3 на с. 91. Зачастую приводятся специальные термины и понятия без перевода их на русский язык (гл. 4, с. 118, 119, с. 100 – “savio agli ordini”, с. 104 – “Eccelentissimi signori” и т.д.), хотя кое-где перевод на русский имеется (например, с. 100: ветви – rami). На с. 156, где говорится о миссии Соранцо во Франции, налогах, которые платят крестьяне (эд), надо бы пояснить этот малознакомый для читателя термин. Неплохо бы подробней сказать о Тридентском соборе и, в частности, о том, известно ли было Соранцо о тех перипетиях, которые происходили на нем. Упоминая о портрете Соранцо кисти Тинторетто (с. 148), следовало его включить в книгу, а также и другие иллюстрации от-

дельных личностей европейской истории XVI в., которые упоминаются по ходу изложения.

Монография Марина Владимировны Третьяковой, несомненно, является важным вкладом в отечественную историографию и будет востребована не только историками-медиевистами, студентами исторических факультетов университетов, но и специалистами по истории международных отношений и истории дипломатии.

Библиографический список

1. **Третьякова, М. В.** Английский парламент в представлениях венецианских послов в Англии XVI века / М. В. Третьякова // Британский парламент вчера и сегодня / отв. ред.: М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. – Москва : ИВИ РАН, 2016. – С. 43–52.
2. **Третьякова, М. В.** Сведения о социальной структуре Англии первой половины 50-х годов XVI в. по данным итоговых отчетов венецианских послов / М. В. Третьякова // Британский мир: современные исследования / отв. ред.: М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. – Москва : ИВИ РАН, 2015. – С. 74–78.
3. **Третьякова, М. В.** К вопросу о сущности власти венецианских дожей / М. В. Третьякова // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века и новое время : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Кузнецов. – Арзамас : АГПИ, 2005. – Вып. 4. – С. 158–162.
4. **Третьякова, М. В.** Венецианские дипломаты о первых годах правления Филиппа III / М. В. Третьякова // В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии (к 75-летию профессора Е. В. Кузнецова) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. П. Титков. – Арзамас, 2007. – С. 134–142.
5. **Третьякова, М. В.** К вопросу о маршрутах венецианских послов / М. В. Третьякова // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Кузнецов. – Арзамас : АГПИ, 2004. – Вып. 3. – С. 153–155.
6. **Третьякова, М. В.** Праздники и культ государства в Венеции / М. В. Третьякова // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Кузнецов. – Арзамас : АГПИ, 2004. – Вып. 2. – С. 186–191.
7. **Третьякова, М. В.** «Свое» и «чужое» в путевых заметках стольника П. А. Толстого / М. В. Третьякова // Исследования по истории Западной Европы: античность, средние века, новое время и новейшее время (К 80-летию профессора Е. В. Кузнецова) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. П. Титков. – Арзамас : АГПИ, 2012. – С. 275–288.
8. **Третьякова, М. В.** Венецианский дипломатический этикет vs турецкий дипломатический этикет (по данным Relazione венецианского нобиля Джакомо Соранцо) / М. В. Третьякова // Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В. Ф. Семенова («Семеновские чтения») (г. Москва, 24 марта 2018 г.) / под ред. Т. Н. Лощиловой, Е. С. Носовой. – Москва : МПГУ, 2019. – С. 97–104.
9. **Ролова, А. Д.** Феодальная реакция и упадок Италии / А. Д. Ролова // История Италии : в 3 т. / отв. ред. С. Д. Сказкин. – Москва : Наука, 1970. – Т. 1. – 579 с.
10. **Ролова, А. Д.** Италия / А. Д. Ролова // История Европы : в 5 т. Т. 3. От средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) / редкол.: Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург, В. А. Ведюшкин. – Москва : Наука, 1993. – С. 217–228.
11. **Рутенбург, В. И.** Италия и Европа накануне Нового времени / В. И. Рутенбург. – Ленинград : Наука, 1974. – 324 с.

12. **Рябова, М. А.** Судебный процесс братьев Соранцо по данным счетных книг их фирмы / М. А. Рябова // Средние века. Исследования истории Средневековья и раннего Нового времени. – 2014. – Вып. 75 (3-4). – С. 264–289.
13. **Юсим, М. А.** Италия в XVI веке / М. А. Юсим // Всемирная история : в 6 т. Т. 3. Мир в раннее Новое время / гл. ред. А. О. Чубарьян. ; отв. ред.: В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. – Москва : Наука, 2013. – С. 117–135.

References

1. Tret'yakova M. V. *Britanskiy parlament vchera i segodnya* [British parliament yesterday and today]. Moscow: IVI RAN, 2016, pp. 43–52. [In Russian]
2. Tret'yakova M. V. *Britanskiy mir: sovremennye issledovaniya* [British world: modern researches]. Moscow: IVI RAN, 2015, pp. 74–78. [In Russian]
3. Tret'yakova M. V. *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka i novoe vremya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Political life of the Western Europe: antiquity, Middle Ages and Modern Age: inter-university collected works]. Arzamas: AGPI, 2005, iss. 4, pp. 158–162. [In Russian]
4. Tret'yakova M. V. *V poiskakh novogo: Evropa i Rossiya v sovremennoy otechestvennoy istoriografii (k 75-letiyu professora E. V. Kuznetsova): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [In search of the new: Europe and Russia in modern Russian historiography (on the 75th anniversary of professor E. V. Kuznetsov): inter-university collected works]. Arzamas, 2007, pp. 134–142. [In Russian]
5. Tret'yakova M. V. *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe vremya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Political life of Western Europe: antiquity, Middle Ages and Modern Age: inter-university collected works]. Arzamas: AGPI, 2004, iss. 3, pp. 153–155. [In Russian]
6. Tret'yakova M. V. *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe vremya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Political life of Western Europe: antiquity, Middle Ages and Modern Age: inter-university collected works]. Arzamas: AGPI, 2004, iss. 2, pp. 186–191. [In Russian]
7. Tret'yakova M. V. *Issledovaniya po istorii Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe vremya i noveyshee vremya (K 80-letiyu professora E. V. Kuznetsova): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Researches of the history of Western Europe: antiquity, Middle Ages and Modern Age (on the 80th anniversary of professor E. V. Kuznetsov): inter-university collected works]. Arzamas: AGPI, 2012, pp. 275–288. [In Russian]
8. Tret'yakova M. V. *Trudy XI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati professora V. F. Semenova («Semenovskie chteniya») (g. Moskva, 24 marta 2018 g.)* [Proceedings of XI All-Russian scientific conference with international participation commemorating professor V. F. Semyonov ("Semyonov readings") (Moscow, March 24, 2018)]. Moscow: MPGU, 2019, pp. 97–104. [In Russian]
9. Rolova A. D. *Istoriya Italii: v 3 t.* [The history of Italy: in 3 volumes]. Moscow: Nauka, 1970, vol. 1, 579 p. [In Russian]
10. Rolova A. D. *Istoriya Evropy: v 5 t. T. 3. Ot srednevekov'ya k Novomu vremeni (konets XV – pervaya polovina XVII v.)* [The history of Europe: in 5 volumes. Volume 3. From the Middle Ages to the Modern Age (the end of XV – the first half of XVII centuries)]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 217–228. [In Russian]
11. Rutenburg V. I. *Italiya i Evropa nakanune Novogo vremeni* [Italy and Europe on the eve of the Modern Age]. Leningrad: Nauka, 1974, 324 p. [In Russian]
12. Ryabova M. A. *Srednie veka. Issledovaniya istorii Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [The Middle Ages. Studies on the history of the Middle Ages and the early Modern Age]. 2014, iss. 75 (3-4), pp. 264–289. [In Russian]
13. Yusim M. A. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya* [World history: in 6 volumes. Volume 3. World in the early Modern Age]. Moscow: Nauka, 2013, pp. 117–135. [In Russian]

Митрофанов Владимир Петрович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Mitrofanov Vladimir Petrovich
Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of general history and
social science, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Митрофанов, В. П. Новая монография по истории средневековой Венеции / В. П. Митрофанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 87–97. – Рец. на кн.: Третьякова, М. В. Дипломатическая деятельность венецианского нобиля Джакомо Соранцо : монография / М. В. Третьякова. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. – 402 с. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-10.

DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-11

Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин

ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В РЕАЛИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

N. G. Karnishina, V. Yu. Karnishin

THE NOBEL FAMILY IN THE RUSSIAN PROVINCE REFLECTED IN THE PROVINCIAL EVERYDAY ROUTINE OF THE SECOND FOURTH OF THE XIX CENTURY

Антонова, К. П. Господа Чихачевы. Мир поместного дворянства в николаевской России / К. П. Антонова ; пер. с англ. М. Семиколенных ; науч. ред. пер. С. Антонов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 456 с. – (Historia Rossica).

Пристальный интерес к изучению повседневности в реалиях российской действительности XIX – начала XX в. отражает потребности более глубоко и системно воссоздать облик представителей различных сословий в контексте перемен, требовавших адаптации к новым явлениям в социально-экономической, политической, культурной жизни. Заметим, что взгляды зарубежных коллег на осмысление исторического прошлого России всегда вызывали отклик в историческом обществе. Монография историка, профессора Куинс-колледжа Городского университета в Нью-Йорке Кэтрин Пикеринг Антоновой, представляющая собой микроисторическое исследование повседневной жизни дворянской семьи из Владимирской губернии Чихачевых в Николаевскую эпоху, была впервые опубликована в 2003 г. и вызвала обстоятельный отклик главного научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук Г. Н. Ульяновой [1]. Спустя шесть лет издательство «Новое литературное обозрение» опубликовало в серии “Historia Rossica” перевод книги на русский язык, что, бесспорно, найдет путь к российскому читателю.

Оригинальность исследования К. П. Антоновой очевидна в силу ряда обстоятельств. Прежде всего, отметим вовлечение в научный оборот массивов документов из фондов Государственного архива Ивановской области и Государственного архива Российской Федерации. Дневники и приходно-расходные книги, хозяйственная и личная переписка, скрупулезно изученные автором, позволяют приблизиться к осмыслению всех сторон жизни провинциальной дворянской семьи. Исследователь смогла «вписать» свои наблюдения и оценки повседневности дворянской семьи в формат более широкого исторического полотна – эпохи николаевской России. Справедливо обращено

© Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

внимание на различия в восприятии внутренней политики части дворянства (к ней принадлежали и Чихачевы), восхищавшейся самодержавием и всей императорской семьей, и представителей культурной элиты, повлиявших на становление исторического дискурса с хорошо известными суждениями, определившими на долгие десятилетия тематику и содержание монографий и статей.

Названия глав монографии дают представление о широком диапазоне исследовательского пространства: «Мир провинции», «Общество», «Деревня», «Управление имением», «Светская жизнь, благотворительность и досуг», «Болезнь, горе и смерть», «Домашняя жизнь и материнство», «Обучение Алексея», «Просвещение для всех», «Интеллектуальный ландшафт». При этом автор отнюдь не вписывает изучение повседневности в узкий локальный ландшафт. Речь идет, конечно же, о составлении реальных практик хозяйствования, социальных коммуникаций, благотворительности в контекстах западноевропейских и российских реалий. Особо отметим значимость постановки задачи, связанной с выявлением совокупности обстоятельств, влиявших на брак, различия в представлениях мужчин и женщин на супружеские и родительские обязанности, восприятие западноевропейских представлений о жене, матери, домашней жизни (с. 19). Правомерен вопрос о причинах, обусловивших ведение записей, заметок супружеской парой, владевшей 240–350 душами крепостных во Владимирской губернии и не замыкавшейся исключительно в повседневных хлопотах по ведению своего хозяйства. Андрей Иванович Чихачев замечал: «Мне бы хотелось жить в памяти позднейшего потомства? А для чего? Мягче ли будет от того лежать костями в земле? Или тогда еще можно будет слышать отзывы людей»? (с. 45). Речь (и в этом нельзя не согласиться с автором) шла о том, что Андрей Иванович, Наталья Ивановна Чихачевы, их ближайший родственник Яков Иванович Чернавин в своих записных книжках смогли освободиться от стандартных эпистолярных формул. Традиция ведения дневниковых записей передавалась из поколения в поколение, что позволяет исследователю самосознания приблизиться к пониманию специфики самосознания провинциального дворянства. При этом приходилось, как отмечает современник, преодолевать свою «дурацкую лень» с тем, чтобы обдумать свою мысль «со всех сторон, а если понадобится, то и привести что-либо задуманное в исполнение» (с. 48). Небезынтересны авторские наблюдения о содержании общения Чихачевых с представителями различных сословий уезда и губернии. С одной стороны, было очевидно положение сословного статуса среднепоместного дворянства в условиях, при которых 5 % богатейших дворянских семейств, владевших почти половиной крепостных Российской империи, оказывавших протекцию, влияли на повседневные практики движения по карьерным лифтам. С другой стороны, как отмечается автором, наблюдалась и вовлеченность провинциального дворянства в различные общественные организации, не занимавшиеся «политикой», но способствовавшие становлению элементов гражданского общества в позднеимперской России (с. 67, 75).

Автор рассматривает воздействие рыночных отношений на процесс социальной «гомогенизации», содержанием которой становилось усвоение дворянством вкусов и занятий представителей социальных групп, которые не

принадлежат к титулованному дворянству. В этих условиях происходило размывание границ между деловым и светским общением (с. 90).

В двух главах монографии «Деревня» и «Управление имением» К. П. Антонова тщательно анализирует особенности взаимоотношений между Чихачевым и крепостными, особенности руководства хозяйством. Патернализм, составлявший основу во взглядах помещика, определял его установку, сводившуюся к тому, что право владения людьми одновременно побуждает его к улучшению положения всей деревни, которая представлялась ему сообществом более высокого порядка, объединяющим дворян, духовенство и крестьян (с. 100, 101). Бесспорна правота автора, усмотревшего в действиях Чихачевых попытку адаптировать идеи рационализма эпохи Просвещения к собственным практикам, внося в деревенскую жизнь порядок, рационализацию, открывавшую в свою очередь путь к другим добродетелям – набожности и почтению (с. 102, 103).

Усвоение патернализма как основы взглядов по отношению к крестьянскому сословию обусловило трактовку Чихачевым причин конфликтов в деревне исключительно посредством подчеркивания недооценки роли воспитания и нравственного развития. Бесспорно, это не могло не приводить к недооценке специфики ситуации в губерниях, где все большее распространение получала практика отпуска крепостных на оброк. А столь желаемые «домашние чтения», которые отстаивал Чихачев, настаивавший на чтении крепостными статей своего барина в местных газетах, вряд ли могли повлиять на ощутимость результатов в развитии земледелия.

Симпатии к ценностям Просвещения отнюдь не предполагали распространения альтруизма во взаимоотношениях помещика Чихачева и его крепостных. Так, заключение браков в деревне, по мнению Чихачева, должно было объективно приводить к созданию здорового потомства. Как следствие – проявление превосходства барина над крепостными: Чихачев имел право устраивать браки своих детей-крестьян, поскольку полагал, что «понимает их интересы лучше их самих, и точно также любое поведение крестьян, которое он не одобрял, было для него действиями ребенка, не понимающего своей пользы, поскольку его или ее этому не научили» (с. 119, 120).

Убеждение в том, что попытки разрушить сложившуюся систему взаимоотношений между помещиками и их крепостными способны «привести скорее к краху, чем к свободе» (с. 146), было свойственно не одной генерации российского дворянства.

Особо отметим наблюдения и выводы автора, вошедшие в содержание главы, в которой рассмотрены весьма сложные и неоднозначные проблемы роли женщины как хозяйки имения, представления об облике матери и жены. Было бы упрощением делать выводы о том, что широкий круг обязанностей Н. И. Чихачевой по ведению хозяйства отражал желание супруга снять с себя ответственность. «Дела в имении шли хорошо только благодаря ежедневному надзору Натальи Ивановны» (с. 171), – делает вывод автор. Проанализированные автором личные записи супругов позволили сформулировать наблюдения о своеобразии характеров и стиля мышления Натальи Ивановны, которая, констатируя непрактичность мужа, оставалась педантичной и суховатой в лексиконе. Андрей Иванович регулировал конфликты в крестьянской среде, вовлекался в общественную жизнь, первого сословия. Однако главным своим

призванием считал обучение детей, ведение переписки и литературную деятельность (с. 172, 173). Можно только представить, насколько удовлетворяло супругу подобное распределение обязанностей. Автор сочла уместным только предположить, что Наталья Ивановна «поступала в соглашении с собственными склонностями или развила эти склонности, чтобы действовать в собственных интересах либо интересах своей семьи» (с. 184).

Духовный мир дворянской семьи Чихачевых отличался многообразием событий. Автор отмечает феномен женской благотворительности в России и западной Европе: расширение сферы своей деятельности с помощью представлений о женской добродетели, проявление искреннего религиозного благочестия (Россия); борьба с важнейшими социальными проблемами как «публичной сферы», существовавшей параллельно с общественной деятельностью мужчин (Западная Европа) (с. 197, 198).

Читательские предпочтения в семье Чихачевых были достаточно широки. Установка главы семейства на то, что чтение было элементом воспитания, являвшегося приоритетным прежде всего для детей и него (а не жены) (с. 202), была достаточно симптоматична. Автор небезосновательно утверждает, что «то, что для мужа было профессиональной деятельностью, для жены было возможностью отвлечься и отдохнуть» (с. 202). Восприятие А. И. Чихачевым творчества А. И. Пушкина, Ф. В. Булгарина, сочинений западноевропейских писателей не может не вызывать интереса, поскольку размывает некоторые стереотипы в оценках авторов Николаевской эпохи, оказавшихся забытыми исследователями литературного процесса на протяжении ряда десятилетий.

Значимой частью исследования являются главы, посвященные изучению мировоззренческих ориентиров в А. И. Чихачева в контексте интеллектуального ландшафта 1830–1850-х гг. Проживая в российской глубинке, он, как убедительно показывает автор, находился в поисках оптимального варианта развития страны. При этом нуждается в осмыслении вывод о том, что тип русского интеллектуала дореформенной России «мог видеть в западничестве движение, противодействующее прогрессу, одновременно ратовать за прогресс и оставаться консерватором» (с. 371). Думается, эта оценка может быть успешно применена к осмыслению менталитета дворянства в период проведения Крестьянской реформы 1861 г. и на других этапах развития позднеимперской России. Анализируя духовные искания Чихачева, автор обращается к его восприятию трактовки русской национальной самобытности, перспектив развития страны, проблемы отмены крепостного права. В этой связи правомерно внимание к полемике Н. П. Огарева с суждениями Чихачева, изложенными на страницах «Московских губернских ведомостей» и «Земледельческой газете». Речь идет о мировоззренческих позициях Чихачева, которые достаточно сложно вместить в рамки славянофильских установок, как отмечает К. П. Антонова. Его взгляды отражали как проект славянофилов, так и консервативные представления о национальной идентичности. Подобные социокультурные противоречия отражали культурную пропасть между образованным меньшинством и большинством, сохранявшим традиции устойчивого сельского образа жизни (с. 385, 386).

Ценности, отстаиваемые А. И. Чихачевым, как и гендерные роли (его и супруги), отражали реалии повседневности дворянской усадьбы накануне

перемен, связанных с Великими реформами 1860–1870-х гг. Упорядоченность жизни, как понимал Чихачев, убежденный в том, что у каждого человека есть предопределенная богом задача, которую надлежит исполнить, а все его нравственные качества являются следствием «добросовестного» исполнения обязанностей, не могла сохранить свое значение в эпоху перемен, связанных с противоречиями модернизации.

Библиографический список

1. **Ульянова, Г. Н.** Рец. на кн.: Antonova, K. Pickering. An ordinary marriage the world of gentry family in provincial Russia / K. Pickering Antonova. – New York ; Oxford, 2013 / Г. Н. Ульянова // Российская история. – 2019. – № 3. – С. 180–185.

References

1. Ul'yanova G. N. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2019, no. 3, pp. 180–185. [In Russian]

Карнишина Наталья Геннадьевна
доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Karnishina Natal'ya Gennad'evna
Doctor of historical sciences, professor, sub-department of Russian history, state and law, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: karnishins@mail.ru

Карнишин Валерий Юрьевич
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Karnishin Valeriy Yur'evich
Doctor of historical sciences, professor, head of the sub-department of Russian history, state and law, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Образец цитирования:

Карнишина, Н. Г. Дворянская семья в российской провинции в реалиях провинциальной повседневности второй четверти XIX в. / Н. Г. Карнишина, В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 98–102. – Рец. на кн.: Антонова, К. П. Господа Чихачевы. Мир поместного дворянства в николаевской России / К. П. Антонова ; пер. с англ. М. Семиколенных ; науч. ред. пер. С. Антонов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 456 с. – (Historia Rossica). – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-11.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике • история.

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

– – – –